This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

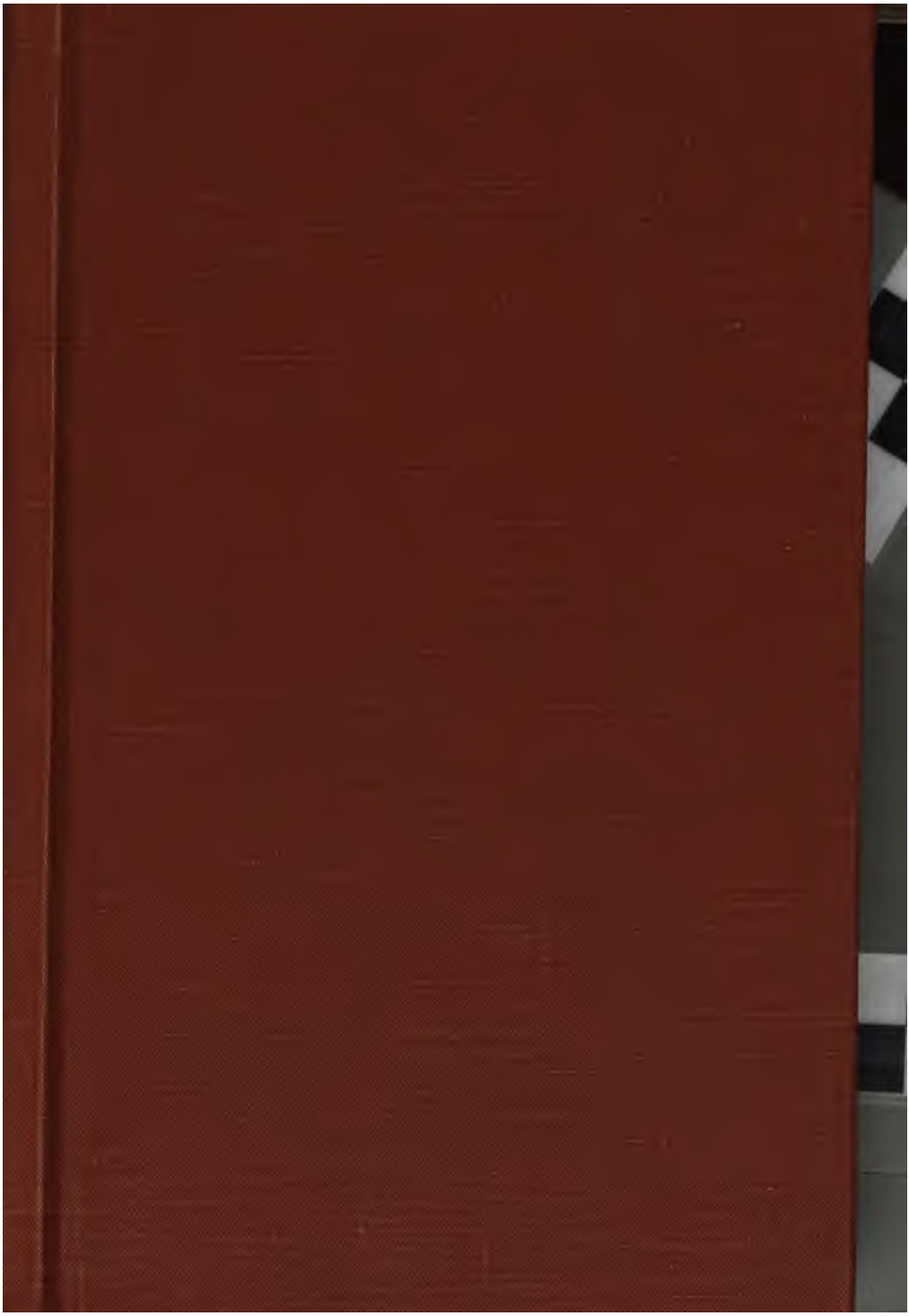
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

PG-3321
B45
1838
v.1

PG3321
.B45
1838

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON, D. C. 20540

А. БЕСТУЖЕВЪ
12
№ 1146
57

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ I.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 13 Апрѣля 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ИСПЫТАНІЕ.

.... Въ благовонномъ дымѣ тру-
бокъ,
Какъ звѣзда, несется кубокъ,
Влажной искрою горя
Жемчуга и янтаря;
Въ немъ играл и свѣтлѣя,
Дышитъ пламень Прометея,
Какъ безсмертія заря!

Невдалекѣ отъ Кіева, въ день зимняго Николы, многіе офицеры ...скаго гусарскаго полка праздновали на именинахъ у одного изъ любимыхъ эскадронныхъ командировъ своихъ, князя Николая Петровича Гремина. Шумный обѣдъ уже кончился, но шампанское не уставало литься и питься. Однако же, какъ ни веселы были гости, какъ ни искренна ихъ бесѣда, разговоръ начиналъ томиться, и смѣхъ, эта Клеопатрина жемчужина, растаялъ въ бокалахъ. Запасъ уѣздныхъ новостей истощился;

лестныя мечты о будущихъ вакансіяхъ къ производству, любопытные споры о построеніяхъ, похвальба конями и даже всѣ возможные тосты, въ изобрѣтеніи коихъ воображеніе гусара конечно можетъ спорить съ любымъ калейдоскопомъ, — все наскучило своей чередою. Остряки досадовали, что ихъ не слушаютъ, а весельчаки, что ихъ не смѣшатъ. Языкъ, на который, право не знаю, почему, скорѣе всего дѣйствуетъ законъ тяготѣнія, замѣтно упорствовалъ подниматься къ небу; — восклицанія, вздохи и табачные пуфы становились рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ величественные зѣвки, подобно электрической искрѣ, перелетали съ устъ на уста . . .

Я могъ бы, при сей вѣрной оказіи, подражая милымъ писателямъ Русскихъ новостей, описать всѣ подробности офицерской квартиры до синяго пороха, какъ будто къ сдачѣ аренды; но зная, что такія микроскопическія красоты не по всѣмъ глазамъ, я разрѣшаю моихъ читателей отъ волнованія табачнаго дыма, отъ бряканья стакановъ и шпоръ, отъ Гомеровскаго описанія дверей, изстрѣлянныхъ пистолетными пулями, и стѣнъ, исчерченныхъ завѣтными стихами и вензелями, отъ висящихъ на стѣнѣ мундштуковъ и ташекъ, отъ

нагорѣлыхъ свѣтъ и длинной тѣни усовъ. Когда же я говорю про усы, то разумѣю подъ этимъ обыкновенные человѣческіе, а не китовые усы, о которыхъ, если вамъ угодно знать пообстоятельнѣе, вы можете прочесть славнаго китолова Скорезби. Впрочемъ, да не помыслятъ поклонники усовъ, будто я бросаю ихъ изъ неуваженія! сохрани меня Аввакумъ! Я самъ считаю усы благороднѣйшимъ украшеніемъ всѣхъ теплокровныхъ и хладнокровныхъ животныхъ, начиная отъ трехъ-бунчужнаго паши до осетра. Но вспомните, что мы оставили гостей не простясь, а это не слишкомъ учтиво. Безъ насъ уже половина изъ нихъ, неподстрекаемая великимъ двигателемъ сердецъ — банкомъ, склонила головы свои на край стола, между тѣмъ, какъ остальные, болѣе крѣпкіе, или болѣе воздержные, спорили еще, сидя: «что красивѣе, троерядный или пятирядный ментикъ?» Вдругъ звонъ колокольчика и топотъ злой тройки заглушилъ ихъ преніи. Сани шаркнули подъ окномъ, и маіоръ Стрѣлинскій уже сталъ передъ ними. «Здравствуй! здравствуй!» летѣло къ нему со всѣхъ сторонъ. — «Прощайте, друзья мои!» отвѣчалъ онъ: «отпускъ у меня въ карманѣ, кони у крыльца, и ретивое на берегахъ Невскихъ; я *заѣхалъ сюда* на минуту: поздравить милаго

имянинника, и выпить прощальную чашу. Сто лѣтъ счастія!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ князю, съ бокаломъ шампанскаго, и дружески сжимая его руку. — «Сто лѣтъ! Милости просимъ на погребенье,» — отвѣчалъ, усмѣхаясь, Греминъ: — «и я увѣренъ, что ты заключишь старинную дружбу нашу похвальнымъ словомъ надъ моею могилою!»

— «Похвальнымъ словомъ? Нѣтъ! это слишкомъ обыкновенно. Да и зачѣмъ хвалить того, кого не за что бранить? — Впрочемъ, какъ ни упоренъ языкъ мой на панегирики, твое желаніе одушевляетъ меня казарменнымъ краснорѣчіемъ. Не хочу однако жъ проникать въ будущее — нѣтъ, я произнесу только надгробное слово этимъ живымъ и чуть живымъ покойникамъ, за столомъ и подъ столомъ уснувшимъ. Начинаю съ тебя, милый корнетъ Посвистовъ! ибо въ царствѣ мертвыхъ и послѣдніе могутъ быть первыми. Да покоится твое романтическое воображеніе, которое, будучи орошено ромомъ, пылало какъ плумъ-пудингъ! Тебѣ недоставало только риѳмъ, чтобы сдѣлаться поэтомъ, котораго бы никто не понялъ, и Грамматики, чтобъ быть прозаикомъ, котораго бы никто не читалъ. Самъ Зевесъ ниспослалъ на тебя сонъ въ отраду ушей всѣхъ ближнихъ! . . . Миръ и тебѣ, храбрый ротмистръ Ольстрединъ: ты

никогда не опаздывалъ на звонъ сабель и стакановъ. Ты, который такъ затягиваешься, что не можешь сѣсть, и натянувшись, не въ силахъ встать! Да покоится же твое туловище, покуда звукъ трубы не призоветъ тебя къ страшному расчету: «справа по три и по три на право кругомъ!» — Миръ и твоимъ усамъ, нашъ доморощенный Жомини, у котораго арміи летали, какъ журавли, и крѣпости лопали, какъ бутылки съ кислыми щами! Системы не спасли твоей операціонной линіи . . . ты палъ, ты страшно палъ, какъ Люциферъ или Наполеонъ, съ верхняго конца въ преисподнюю подстолья! . . . . Долгій покой и тебѣ, кларнетистъ бо-мольной памяти, Брончинскій, который даже собаку свою выучилъ лаять по нотамъ. Бывало ты одинъ духомъ отдуваль любой актъ изъ Фрейшица; а теперь одна апликатура V. C. P. со звѣздочкой, низвергла тебя, какъ прорванную волынку. — И тебѣ, лордъ-Байронъ мазурки, Стрепетовъ, пружинный голосъ далъ неутомимостію ногъ своихъ въ вальсѣ, такъ, что ни одна не покидала тебя безъ сердечнаго біенія — отъ усталости. Ты вѣчно былъ въ разладѣ съ музыкою; — за то вѣчно доволенъ самъ собою. Миръ сердцу твоему, честолюбецъ Пятачковъ! хотя ты и во снѣ хочешь перехрапѣть своихъ

товарищей, и тебѣ, другъ, Суслиновъ! что глядишь на меня, будто собираешься разсуждать, и наконецъ всѣ вы, о которыхъ такъ же трудно что нибудь сказать, какъ вамъ что нибудь выдумать, покойтеся на лаврахъ своихъ до радостнаго утра — да будетъ крѣпокъ вашъ сонъ и легко пробужденіе! »

« Аминь! » сказалъ Греминъ, смѣючись. « Тебѣ, однако жъ, пришлось бы, въ награду за рѣчь эту, промѣнять не одну пару пуль, или иззубрить не одну саблю, если бъ господа могли все слышать. »

« Тогда я не счелъ бы ихъ мертвецами, и не сказывалъ бы надгробной проповѣди. Впрочемъ, съ тѣми, кто не принимаетъ шутки за шутку, я готовъ расплатиться и свинцовою монетою. »

— « Полно, полно, любезный мой Донъ Кихотъ; мы между друзьями. — Не спѣши прощаться; мнѣ нужно дать тебѣ порученія въ Петербургъ, немного поважнѣе покупки ветишкетовъ и помады. — Черезъ четверть часа колокольчикъ будетъ уже звенѣть въ ушахъ твоихъ вмѣсто голоса друга. »

Они вышли въ другую комнату.

« Послушай, Валеріанъ! » сказалъ ему Греминъ : « ты, я думаю, помнишь ту черноглазую даму, съ золотыми колосьями на голо-

вѣ, которая свела съ ума всю молодежь на балѣ у Французскаго посланника, три года тому назадъ, когда мы оба служили въ гвардіи? »

— « Я скорѣе забуду, съ которой стороны садиться на лошадь! » вспыхнувъ, отвѣчалъ Стрѣлинскій: « она цѣлыя двѣ ночи снилась мнѣ, и я въ честь ея проигралъ кучу денегъ на трефовой дамѣ, которая сроду мнѣ не рутировала. Однако жъ страсть моя, какъ прилично благородному гусару, выкипѣла въ недѣлю, и съ тѣхъ поръ — по далѣе: ты былъ влюбленъ въ нее? » —

« Былъ и есмь. Подвиги мои на яву простирались далѣе твоихъ сновидѣній. Мнѣ отвѣчали взаимностію, меня ввели въ домъ ея мужа . . . »

— « Такъ она замужемъ? »

« По несчастію, да. Расчетливость родныхъ приковала ее къ живому трупу, къ ветхому надгробію человѣческаго и графскаго достоинства. Надо было покориться судьбѣ и питаться искрами взглядовъ и дымомъ надежды. Но между тѣмъ, какъ мы вздыхали, семидесяти-лѣтній супругъ кашлялъ да кашлялъ — и наконецъ врачи присовѣтовали ему ѣхать за границу, надѣясь, вѣроятно, минеральными во-

даже выцѣдить изъ его кошелька побольше золота. »

— « Да здравствуютъ воды! я готовъ почти помириться за это съ водой, хотя календарскій знакъ Водолея на столѣ, вѣчно кидаетъ меня въ лихорадку. Поздравляю, поздравляю, mon cher Nicolas; разумѣется дѣла твои пошли какъ нельзя лучше! . . . »

« Вложи въ ножны свои поздравленія. Старикъ взялъ ее съ собою. »

— « Съ собою? Ахъ онъ чудо-Юдо! таскать по кислыхъ ключахъ молодую жену, чтобы золотить ему пилюли — вмѣсто того, чтобы, оставя ее въ столицѣ, украсить свое родословное дерево золотыми яблоками! — Это умертвительное неумѣнье жить въ свѣтѣ. »

« Скажи лучше, упрямство умереть кстати. Онъ воображалъ, постепенно разрушаясь, что обновитъ себя перемѣною мѣстъ. При разлукѣ мы были неутѣшны, и помѣнялись, какъ водится, кольцами и обѣтами неизмѣнной вѣрности. Съ первой станціи она писала ко мнѣ дважды; съ третьяго ночлега еще одно письмо; съ границы поручила одному встрѣчному знакомцу мнѣ кланяться, а съ тѣхъ поръ ни отъ ней, ни объ ней ни какого извѣстія: слово *въ воду канула*! »

— «Уже ли жъ ты не писалъ къ ней? любовь безъ глупостей на письмѣ и на дѣлѣ все равно, что разводъ безъ музыки. Бумага все терпитъ.»

«Да я-то не терплю бумаги. Притомъ куда бы мнѣ адресовать свои брандскугельныя посланія? Вѣтеръ плохой проводникъ для нѣжности, а животный магнетизмъ не открылъ мнѣ мѣста ея процвѣтанія. Потомъ иныя заботы по службѣ и своимъ дѣламъ не давали мнѣ досугу заняться сердцемъ. Признаюсь тебѣ, я ужъ сталъ было позабывать мою прекрасную Алину. Время залечиваетъ даже ядовитыя раны ненависти: мудрено ли жъ ему выдымить фосфорное пламя любви? Но вчерашняя почта освѣжила вдругъ мою страсть и надежды. Репетиловъ, въ числѣ столичныхъ новостей, пишетъ мнѣ, что Алина возвратилась изъ-за границы въ Петербургъ — мила, какъ сердце, и умна, какъ свѣтъ, — что она сверкаетъ звѣздой на модномъ горизонтѣ, что уже дамы, не смотря на соперничество, переняли у ней какой-то чудесный манеръ ридикюля, а мужчины выучились пришепетывать, страхъ какъ пріятно. Однимъ словомъ, что начиная отъ нижняго этажа модныхъ магазиновъ до вѣтрянаго чердака стихо-

кропателей, она привела у нихъ въ движеніе всѣ иглы, языки и перья. «

— « Тѣмъ хуже для тебя, любезный Николай! Память прежней привязанности никогда не бывала въ числѣ карманныхъ добродѣтелей у баловницъ большаго свѣта. »

« Въ этомъ-то все и дѣло, любезнѣйшій! Отлучка полковаго командира привязала меня къ службѣ; между тѣмъ, какъ я сижу здѣсь сиднемъ, она, можетъ, измѣнитъ мнѣ. Сомнѣніе для меня тяжеле самой неблагопріятной извѣстности. Послушай, Валеріанъ! я тебя знаю давно, и люблю такъ же давно, какъ знаю. Коротко и просто: испытай вѣрность Алины. Ты молодъ и богатъ; ты милъ и ловокъ — однимъ словомъ, никто лучше тебя не умѣетъ проиграть деньги по расчету, и выиграть сердце безумною пылкостію. Дай слово — и съ Богомъ. »

— « Возьми назадъ свое и убирайся къ чорту! Подумалъ ли ты, что этимъ неумѣстнымъ любопытствомъ ты ставишь силокъ другу и подругѣ, съ опасностію потерять обоихъ? Ты знаешь, для меня довольно аршина лентъ и пары золотыхъ серегъ, чтобъ влюбиться по уши — и поручаешь изслѣдовать прекрасную

обломокъ Лотовой жены, а я профессоръ Стокгольмскаго университета! »

« По этому-то самому, милый Валеріанъ я больше полагаюсь на твою возгараемость и сгараемость, чѣмъ на хладнокровіе другаго. Три дня ты будешь отъ ней безъ ума, а чрезъ три дня или она станетъ отъ тебя безъ памяти, или своею вѣрностію приведетъ тебя самого въ память. Въ первомъ случаѣ я раскаиваюсь съ своими надеждами — не безъ сожалѣнія, но безъ гнѣва. Вѣдь не одинъ я бывалъ въ сладкомъ заблужденіи, не одинъ останусь и въ любезныхъ дуракахъ. Но въ другомъ — тѣмъ сладостнѣе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ обладаніе любимымъ сердцемъ. Мила неопытная любовь, Валеріанъ; но любовь испытанная — безцѣнна! »

— « Видно нѣтъ на свѣтѣ такой глупости, которой умные люди не освятили своимъ примѣромъ. Любовь есть даръ, а не долгъ, и тотъ, кто испытываетъ ее — ея не стоитъ. Ради Бога, Николай! не дѣлай дружбы моей осѣлкомъ. »

« Я именемъ дружбы нашей прошу тебя исполнить эту просьбу. Если Алина предпочтетъ тебя — очень радъ за тебя, а за себя *жаль*; но если она непоколебимо ко мнѣ при-

вязана — я увѣренъ, что ты, и полюбивъ ее, не разлюбишь друга. »

— « Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться? Но подумай . . . »

« Все обдумано и передумано — я неотмѣнно хочу этого — а ты несомнѣнно это можешь. Въ подобныхъ дѣлахъ другъ твой настоящій Новгородецъ — прямъ и упрямъ: да, или нѣтъ, Стрѣлинскій? »

— « Да! — Слово это очень коротко, но мнѣ такъ же трудно было выпустить его изъ сердца, какъ послѣдній рубль изъ кармана въ полудорогѣ. Впрочемъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что ты и я — какъ очень легко статься можетъ, опоздали, и найдемъ одуванчикъ вмѣсто цвѣтка. Тутъ еще есть бездѣльное обстоятельство: увѣренъ ли ты, что супругъ ея убрался въ Елисейскія? »

« Ничего не знаю. Репетиловъ ни полслова объ этомъ. Однако жъ, хотя бы жизнь его была застрахована самимъ Арендтомъ — природа должна взять свое, и послѣдній песокъ его часовъ не замедлитъ высыпаться! »

— « Браво, браво — мой Альнаскаръ! это несравненно, это неподражаемо! Мы запродали шубу, не спросясь медвѣдя. Опытъ нашъ начинаетъ привлекать меня,—за него надо взяться изъ одной пылкости. Я твой. »

« Постой, постой, вѣтренникъ! ты еще не спросилъ у меня фамиліи нашей героини. Графиня Алина Александровна Звѣздичъ. Помни же! »

— « А если забуду, то навѣрно, по разсказамъ твоимъ, могу о ней освѣдомиться въ первомъ журналѣ или въ первой модной лавкѣ. Что еще? »

« Ничего, кромѣ моего почтенія твоей тетушкѣ и сестрицѣ. Она, говорятъ, вышла изъ монастыря? »

— « И мила, какъ ангелъ, пишутъ мнѣ родственники. »

Друзья разстались.

Между тѣмъ гостей развели и развезли. Все утихло, и тѣмъ грустнѣе стало Гремину одиночество послѣ шумнаго праздника. Платонъ утверялъ, что человѣкъ есть двуногое животное безъ перьевъ; другіе физіологи отличали его тѣмъ, что онъ можетъ пить и любить, когда ему вздумается; но ощипанный пѣтухъ могъ ли бы стать человѣкомъ — или человѣкъ въ перьяхъ пересталъ ли бы быть имъ? — Конечно нѣтъ. Получилъ ли бы медвѣдь патентъ на человѣческое достоинство за то, что любитъ напиваться во всякое время? Конечно нѣтъ. Въ нашъ дымный вѣкъ я опре*дѣлилъ бы человѣка* гораздо отличительнѣе,

сказавъ, что онъ есть «животное курящее, animal fumens.» И въ самомъ дѣлѣ, кто нынѣ не куритъ? Гдѣ не процвѣтаетъ табачная торговля, начиная отъ Мыса Доброй Надежды до Залива Отчаянія, отъ Китайской стѣны до Новаго моста въ Парижѣ, и отъ моего до Чукотскаго носа! Пустясь въ опредѣленія, я не остановлюсь на одномъ: у меня страсть къ философіи, какъ у Санхо-Пансы къ пословицамъ. «Мыслю, слѣдственно существую,» сказалъ Декартъ. «Курю, слѣдственно думаю» говорю я. Греминъ курилъ и думалъ. — Мысли его невольно кружились надъ камнемъ преткновенія для рода человѣческаго — надъ супружествомъ. Есть возрастъ, въ которомъ какая-то усталость овладѣваетъ душею. Волокитства — наскучиваютъ; кочевая, бездомовная жизнь становится тяжка; пустыя знакомства — несносны; взоръ ищетъ отдохновенія, а сердце — подруги, и какъ сладостно бьется оно, когда мечтаетъ, что ее нашло! . . . Воображеніе рисуетъ новыя картины семейственнаго счастія; тѣни скрадены, шероховатости скрыты — c'est un bonheur à perte de vue! — Мечты, — это животно-растеніе, набѣгающее въ сердцѣ, и цвѣтущее въ головѣ, — летали вмѣстѣ съ дымомъ около Гремина, и какъ онѣ вились, разнообразились и исчезали! За ними

и холодное сомнѣніе, за ними и желчная ревность проникли въ душу. «Довѣрить испытаніе двадцатилѣтней свѣтской женщины пылкому другу,» думалъ онъ, нахмурясь — «есть великая неосторожность, самая странная самонадѣянность, высочайшее безуміе! — Какой я глупецъ!» вскричалъ онъ, вскочивъ съ кушетки, такъ громко, что лягавая собака его залаяла съ просонковъ. «Эй! пошлите ко мнѣ писаря Васильева!»

Писарь Васильевъ явился.

«Приготовь просьбу въ отпускъ.»

— «Слушаю, ваше высокоблагородіе,» отвѣчалъ писарь, и уже отставилъ было ногу, чтобъ поворотиться налѣво кругомъ, когда, весьма естественный вопросъ: «для кого?» перевернулъ его обратно.

— «На чье имя прикажете писать, ваше высокоблагородіе?»

«Разумѣется, на мое!» Что жъ ты выпаращилъ глаза, какъ мерзлая щука? Напиши въ просьбѣ самые уважительные пункты: раздѣлъ наслѣдства или смерть какого нибудь родственника — хоть свадьбу, хоть еще что нибудь глупѣе этого . . . Мнѣ непремѣнно надо быть въ Петербургѣ. Командованіе полкомъ можно сдать старшему по мнѣ; скажи ординарцу, чтобъ былъ готовъ везти пакеты

въ штабъ-квартиру, а самъ, чуть свѣтъ, принеси ихъ ко мнѣ для подписки. Ступай.»

Кто разгадаетъ сердце человѣческое? кто изучитъ его воздушныя перемѣны? Греминъ, тотъ самый Греминъ, который за часъ передъ этимъ былъ бы огорченъ какъ нельзя болѣе отказомъ Стрѣлинскаго на чудный вызовъ свой — теперь одна не въ отчаяніи отъ того, что другъ согласился на его просьбу! Придавая возможность и существенность воздушнымъ своимъ замкамъ, онъ какъ будто забылъ, что есть на свѣтѣ другіе люди, кромѣ ихъ троихъ, и что судьба очень мало заботится, согласны ли ея приговоры съ нашими замыслами.

«Стрѣлинскій проведетъ недѣли двѣ въ Москвѣ» думалъ онъ: «и я скорѣе его прискачу въ Петербургъ. — Статься можетъ, я ужь встрѣчу его счастливцемъ, и свадебный билетъ разрѣшитъ друга отъ излишней обязанности .... какъ мила, какъ богата графиня!!..» Въ этихъ утѣшительныхъ мысляхъ заснулъ нашъ подполковникъ, и зимнее солнце освѣтило ординарца его уже на полдорогѣ къ бригадному командиру съ просьбою объ увольненіи въ отпускъ.

II.

If I have any fault, it is digression.
Byron.

Святки больше всѣхъ другихъ праздниковъ сохранили на себѣ печать старины, даже и въ Финской Пальмирѣ нашей, въ Петербургѣ. Одинъ изъ друзей нашихъ въѣзжалъ въ него сквозь Московскую заставу въ самый Рождественскій сочельникъ, и когда ему представилась пестрая, живая панорама столичной дѣятельности — въ его памяти обновились всѣ радостныя и забавныя воспоминанія дѣтства. Между тѣмъ, какъ дымящаяся тройка шагомъ пробиралась между тысячами возовъ и пѣшеходовъ, а ухарскій извощикъ, заломивъ шапку на бекрень, стоя возглашалъ: «пади, пади!» на обѣ стороны, онъ съ улыб-

кою перебиралъ всѣ степени различныхъ возрастовъ, сословій и образованности, по мѣрѣ того, какъ они развивались передъ его глазами. Вещественные образы пробуждали въ душѣ его давно забытые обычаи, давно простывшія знакомства и множество приключеній буйной его молодости въ разныхъ кругахъ общества.

Въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе заботъ въ различныхъ этажахъ домовъ, въ отдѣльныхъ частяхъ города, во всѣхъ классахъ народа! Сѣнная площадь, думалъ гусаръ нашъ, проѣзжая черезъ нее, въ этотъ день наиболѣе достойна вниманія наблюдательной кисти Гогарта, заключая въ себѣ всѣ съѣстные припасы, долженствующіе исчезнуть завтра, и на камчатныхъ скатертяхъ вельможи, и на обнаженномъ столѣ простолюдина. Воздухъ, земля и вода сносятъ сюда несчетныя жертвы праздничной плотоядности человѣка. Огромныя замороженныя стерляди, бѣлуги и осетры, растянувшись на розвальняхъ, кажется, зѣваютъ отъ скуки въ чуждой имъ стихіи и въ непривычномъ обществѣ. Ощипанные гуси, забывъ Капитольскую гордость, словно выглядываютъ изъ возовъ, ожидая покупщика, чтобы у него погрѣться на вертелѣ. Рябчики и тетерева съ зеленѣющимися елками въ ножкахъ. тысячами слетѣлись изъ Олонец-

ких и Новгородских лѣсов, чтобы отвѣдать столичнаго гостепріимства, и уже указательный перст гастронома назначает им почетное мѣсто на столѣ его. Цѣлыя племена свиней, всѣх поколѣній, на всѣх четырех ногах и съ загнутыми хвостиками, впервые послушные дисциплинѣ, стройными рядами ждут ключниц и дворецких, чтобы у них, на запятках, совершить смиренный визит на поварню, и кажется, съ гордостію любуясь своею бѣлизною, говорят вам: «я разительный примѣр усовершаемости природы: бывъ до смерти упрекомъ неопрятности, становлюсь теперь эмблемою вкуса и чистоты, заслуживаю лавры на свои окорока, сохраняю платье вашим модникам и зубы вашим красавицам!» — Уголъ, гдѣ продают живность, сильнѣе манит взоръ объѣдалъ — но это на счет ушей всѣх прохожих. Здѣсь простосердечный баранъ — эта четвероногая идиллія, выражает жалобным блеяньем тоску по родинѣ. Там визжит угнетенная невинность, или поросенок въ мѣшкѣ. Далѣе эгоисты телята, помня только пословицу, что своя кожа къ тѣлу ближе, не внемлют голосу общей пользы, и мычат, оплакивая скорую разлуку съ пестрою своею одеждою, которая достанется или на солдатскіе ранцы, или, что еще горче, на пере-

плеты глупыхъ книгъ. Вблизи безпечныя курицы разныхъ націй, и хохлатыя цесарки и пѣгія Турчаночки, и раскормленныя землячки наши, точь въ точь словоохотныя кумушки, кудахтаютъ, не предвидя бѣды надъ головою, критикуютъ свѣтъ, который видятъ онѣ сквозь щелочку своей корзины и, кажется, потрунпаютъ надъ сосѣдомъ, индѣйскимъ пѣтухомъ, который, поджимая лапки отъ холоду, громко бранитъ на хозяина, что онъ вывезъ его въ публику безъ теплыхъ сапоговъ. Словомъ: какое обширное поле для благонамѣреннаго писателя басенъ! сколько предметовъ для самой басни, гдѣ поросенокъ нерѣдко учитъ нравственности, курица домоводству, лисица политикѣ, или какой нибудь кротъ читаетъ диссертацію о добрѣ и злѣ, не хуже доктора Философіи! Да и одному ли писателю апологовъ легко подбирать здѣсь перья? Проницательный взоръ какого нибудь пустынника Гавани или Коломны или Прядильной улицы могъ бы собрать здѣсь сотни портретовъ для замысловатыхъ статеекъ подъ заглавіемъ: «Нравы,» какъ нельзя лучше. Онъ бы сей часъ угадалъ въ толпѣ покупщиковъ, и приказнаго съ собольимъ воротникомъ, покупающаго на взяточный рубль гусиные потро-

битой воздухомъ и надеждой, когда онъ со вздохомъ лаская правой рукою утку, сжимаетъ въ карманѣ лѣвою послѣднюю пятирублевую ассигнацію, словно боясь, чтобъ она не выпорхнула, какъ воробей, — и дворецкаго знатнаго барина, торгующаго небрежно цѣлый возъ дичины,—и содержателя стола какого-то казеннаго заведенія, который ведетъ безграмотныхъ продавцевъ въ лавочку, росписываться въ его книгѣ въ двойной цѣнѣ за припасы, — и артиста Французской кухни, раздувающаго перья каплуна съ важнымъ видомъ знатока, — и Русскаго набожнаго повара, который съ умиленнымъ сердцемъ, но съ краснымъ носомъ, поглядываетъ на небо, ожидая звѣзды для обѣда, — и расчетливую Нѣмку въ китайчатомъ капотѣ, которая ластится къ четверти телятины; — и повариху-Чухонку, покупающую картофель у земляковъ своихъ, — и наконецъ, подлѣ толстаго купца, уговаривающаго простяка крестьянина «знать совѣсть» — сухощавую жительницу инаго міра — Петербургской стороны, которая заложила свои янтари, чтобъ купить цикорія, сахарцу, кофейку и Волошскихъ орѣховъ, выглядывающихъ изъ узелка въ небольшихъ свертках. Площадь кипитъ. Слитый говоръ слышится издалека, сквозь который только по-

рой можно отличить слова: «баринъ! баринъ! ко мнѣ! у меня лучше, у меня дешевле, для почину, для васъ!» и тому подобное. Въ улицахъ толкотня, на тротуарахъ возня по разбитому въ песокъ снѣгу; сани снуютъ взадъ и впередъ — это праздникъ смурыхъ извощиковъ, такъ характеристически названныхъ Ваньками, на которыхъ везутъ, тащатъ и волокутъ тогда все съѣстное. Всѣ трубы дымятся и окрашиваютъ мракомъ туманы, висящіе надъ Петрополемъ. Отовсюду на васъ пылятъ и брызжутъ. Парикмахерскіе ученики бѣгаютъ какъ угорѣлые, со щипцами и ножницами. На голоса разнощиковъ являются и исчезаютъ въ форточкахъ головы Нѣмочекъ въ папильоткахъ. Ремесленники спѣшатъ дошивать заказное, между тѣмъ какъ ихъ мастера сводятъ счеты, изъ коихъ едва ли двадцатый будетъ уплаченъ. Купцы въ лавочкахъ и въ Гостиномъ дворѣ брякаютъ счетами, выкладывая годовые барыши. Невскій проспектъ словно горитъ. Кареты и сани мчатся на перегонку, встрѣчаются, путаются, ломаютъ, давятъ. Гвардейскіе офицеры скачутъ покупать новомодные эполеты, шляны, аксельбанты, примѣривать мундиры и заказывать къ Новому году визитныя карточки, — эти печатныя свидѣтельства, что

Фрачные, которыхъ военная каста называетъ обыкновенно «рябчиками,» покупаютъ галстухи, модныя кольца, часовыя цѣпочки и духи, — любуются своими ножками въ чулкахъ à jour, и повторяютъ прыжки Французскихъ кадрилей. У дамъ свои заботы важнѣйшія, которымъ, кажется, посвящено бытіе ихъ. Портные, швеи, золотошвейки, модныя лавки, Англійскіе магазины, всѣ заняты — ко всѣмъ надобно заѣхать. Тамъ шьется платье для бала; тамъ вышивается золотомъ другое для представленія ко Двору; тамъ заказана прелестная гирлянда съ цвѣтами изъ Потеряннаго рая; тамъ, говорятъ, привезли новыя перчатки съ застежками — тамъ надо купить модныя серьги или браслеты, передѣлать фермуаръ или діадиму, выбрать къ лицу Парижскихъ лентъ, и перепробовать всѣ восточные духи.

У Нѣмцевъ, составляющихъ едва ли не треть Петербургскаго населенія, канунъ Рождества есть дѣтскій праздникъ. На столѣ, въ углу залы, возвышается деревцо, подернутое покрываломъ Изиды. Дѣти съ любопытствомъ заглядываютъ туда, и уже сердце ихъ пріучается биться надеждой и опасеніемъ. Наконецъ наступаетъ вожделѣнный часъ вечера. Все семейство собирается вмѣстѣ. Глава онаго торжественно срываетъ покрывало, и глазамъ вос-

хищенныхъ дѣтей предстаетъ Weihnachtsbaum въ полномъ величіи, увѣнчанное лентами, увѣшанное игрушками, красивыми бездѣлками и правоучительными билетиками для рѣзвыхъ и лѣнивыхъ — каждая вещь съ надписью, кому, и каждому по заслугамъ. Этотъ pour le mérite радуетъ больше и невиннѣе, , чѣмъ всѣ награды честолюбія въ позднѣйшихъ возрастахъ. Вѣчно люди осуждены гоняться за игрушками; одно дѣтство счастливо ими безъ раскаянія.

Наконецъ день Рождества Христова свѣтаетъ въ туманѣ, и вы волею и неволею пробуждены крикливымъ пѣніемъ школьниковъ, которые, какъ Волхвы, путешествуютъ съ огромною звѣздою изъ картона, съ разноцвѣтною фольгою, прорѣзью, подвѣсками и свѣчами. Колокола звонятъ, и послѣ обѣдни священники со всѣмъ причетомъ объѣзжаютъ приходъ для Христославства. Обѣдъ сего дня есть семейное собраніе, и горе тому племяннику, который осмѣлится не пріѣхать поцѣловать ручку у тетушки, и отвѣдать гуся на ея столѣ. Со втораго дня начинаются настоящія святки, то есть, колядованья, гаданья, литье воску и олова въ воду — гдѣ красавицы мнятъ видѣть или вѣнецъ или гробъ, то сани, то цвѣты съ серебряными листиками, — наконецъ *подблюдныя* пѣсни, и бѣганье за ворота.

и всѣ старинные обряды язычества. Но, увы! — подблюдныя пѣсни остались у однихъ только купцевъ; распросы прохожихъ объ имени и слушанье подъ окнами — у однихъ мѣщанъ. Средній кругъ дворянства въ столицѣ оставилъ у себя только фанты — заведеніе не вовсе Русское, но весьма пріятное; но хорошее, лучшее общество ограничилось одними балами, какъ будто человѣкъ созданъ для башмаковъ. Оно отказалось даже отъ jeux d'esprit; быть веселымъ и умнымъ, кажется намъ, слишкомъ обыкновенно — слишкомъ простонародно!

«Помилуйте, господинъ сочинитель!» слышу я восклицаніе многихъ моихъ читателей: — «вы написали цѣлую главу о Сытномъ рынкѣ, которая скорѣе можетъ возбудить аппетитъ къ ѣдѣ, чѣмъ любопытство къ чтенію.»

— «Въ обоихъ случаяхъ вы не въ проигрышѣ, милостивые государи!»

«Но скажите по крайней мѣрѣ, кто изъ двухъ нашихъ гусарскихъ друзей, Греминъ или Стрѣлинскій, пріѣхалъ въ столицу?»

— «Это вы не иначе узнаете, какъ прочитавъ двѣ или три главы, милостивые государи!»

«Признаюсь, странный способъ заставить

— «У каждаго барона своя фантазія, у каждаго писателя свой разсказъ. Впрочемъ, если васъ такъ мучитъ любопытство — пошлите кого нибудь въ комендантскую канцелярію заглянуть въ списокъ пріѣзжающихъ.»

III.

Вы клятву дали? Эта клятва
Лишь перелетным вѣтрамъ жатва.

Въ числѣ самыхъ блистательныхъ баловъ того года, былъ данный княземъ О***, три дня послѣ Рождества. Кареты, сверкая гранеными фонарями, какъ метеоры, влекомые четверками, неслись къ разсвѣщенному подъѣзду, на которомъ несчастный швейцаръ, въ павлиньемъ своемъ уборѣ, попрыгивалъ съ ноги на ногу отъ Русскаго мороза. Дамы вынархивали изъ каретъ и, сбросивъ передъ зеркаломъ ананзалы черныя обертки свои, являлись подобно Майскимъ бабочкамъ, блистая цвѣтами радуги и блестками злата. Скользя, будто воздушныя явленія, по зеркальному паркету, въ слѣдъ за разряженными своими матушками и

тотушками, какъ мило отвѣчали дѣвицы легкимъ склоненіемъ головы на вѣжливые поклоны знакомыхъ кавалеровъ, и улыбкою на значительные взоры своихъ пріятельницъ, между тѣмъ, какъ на нихъ наведены всѣ лорнеты, всѣ уста заняты ихъ анализомъ, но можетъ быть, ни одно сердце не бьется истинною къ нимъ привязанностію.

Всѣ дѣйствія и явленія, на которыя обыкновенно дѣлится классическій балъ высшаго общества, приходили и проходили своей чередою. Строгіе взоры матушекъ, выученная любезность дочерей, самоувѣренное пустословіе щеголей во фракахъ и въ мундирахъ; тѣснота въ залѣ танцевъ, и не отъ танцующихъ, но отъ зрителей, — безмолвіе въ комнатѣ шахматовъ, ропотъ за столами виста и экарте, за коими прошедшее столѣтіе въ лицахъ проигрывало важность свою, а нынѣшнее свою веселость; ловля выгодныхъ жениховъ и невѣстъ — вотъ, что занимало три четверти общества, между тѣмъ какъ остальные были жертвою тайной зѣвоты, «неутолимой ни какимъ сномъ» — какъ говоритъ Байронъ. Забавнѣе всего было созерцать и слѣдить охотниковъ за браками (mariage-hunters) обоихъ половъ. Разсѣянно, небрежно, будто изъ милости *подавая руку* молодому офицеру, кня-

на NN. прогуливалась въ польскомъ, едва слушая краемъ уха комплименты новичка; за то, какъ быстро расцвѣтало улыбкою лице ея, когда подходилъ къ ней адъютантъ съ магическою буквою на эполетахъ; какъ привѣтливо протягивала она ему руку свою, будто говоря: «она ваша,» поправляя другою длинные свои локоны и длинныя свои перчатки, и доселѣ безмолвныя уста ея изливали потокъ любезностей, подобно Самсонову фонтану въ Петергофѣ, который брызжетъ только для важныхъ посѣтителей. Вотъ и заботливая физіономія Полины У***: она, кажется, только что покинула грифель, но не бросила своей выкладки вѣроятностей о производствѣ въ чинъ того и того-то, ни оцѣнки знатности родства и силы протекціи того и того-то, ибо протекція въ нашемъ вѣкѣ стоитъ наслѣдства. Взоръ ея не замѣчаетъ ничего, кромѣ густыхъ эполетовъ, кромѣ звѣздъ, которыя блещутъ ей созвѣздіемъ брака, и дипломатическихъ бакенбардъ, въ которыхъ фортуна свила себѣ гнѣздышко. У мужчинъ, имѣющихъ за собою породу или богатство, или чины, или передъ собой видъ и надежды, тѣ же затѣи, подобные же выборы. По виду ихъ, скорѣе заключить можно, что они въ биржевой, а не въ *бальной залѣ*. «Эта дѣвушка прелестна,» ду-

мает одинъ: «но отецъ ея молодъ; Богъ знаетъ, сколько проживетъ онъ лѣтъ и денегъ. Эта умна и образована, дядя ея на важномъ мѣстѣ; но, говорятъ, онъ колеблется — тутъ надобно подумать, то есть, подождать. Вотъ эта, правда, не очень красива и очень недалека, за то какъ одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душъ, изъ которыхъ ни одна не таетъ въ Ломбардѣ или въ Двадцатилѣтнемъ Банкѣ, какъ большая часть нашихъ приданыхъ. Я невольникъ ея!» И вотъ нашъ искатель, подсѣвъ сперва къ матушкѣ ея, со вниманіемъ слушаетъ вздоры — старая, но всегда удачная дипломатика, — потомъ разсыпается въ привѣтствіяхъ дочери, танцуя, дѣлаетъ влюбленные глазки, и облизывается, считая въ мысляхъ ея червонцы.

Балъ уже склонялся къ концу, и многіе изъ Корифеевъ моды, зѣвая въ гостиной на просторѣ, клялись, что онъ чрезвычайно веселъ, какъ вдругъ шумъ и восклицанія: маски, маски! привлекъ всѣхъ бѣглецовъ въ залу танцевъ. Въ самомъ дѣлѣ два блестящіе кадриля, одинъ въ Испанскомъ, другой въ Венгерскомъ костюмахъ, заслуживали вниманіе равно по богатству, по вкусу уборовъ и по стройности замаскированныхъ. Обѣжавъ кругомъ залу, каждый изъ нихъ бросилъ по за-

гадкѣ знакомыхъ и незнакомыхъ, возбуждая слѣдомъ споръ увѣряющихъ, что это онъ или не онъ. Хозяинъ, радуясь, что случай далъ разнообразіе его балу, пригласилъ замаскированныхъ къ танцамъ. Мазурка загремѣла, и Венгерцы, попросивъ четырехъ дамъ сдѣлать имъ честь украсить кадриль ихъ, выиграли одобреніе всѣхъ окружающихъ ловкостію и развязностію движеній, новостью и благородствомъ фигуръ. Наконецъ послышалась одушевленная живая музыка французскаго кадриля, и одна изъ масокъ, принадлежавшая, казалось, къ толпѣ тѣхъ, которые воображаютъ, что они все сдѣлали для общества, если надѣли на себя пышный костюмъ, маска, доселѣ безмолвно стоявшая у стѣны, гордо завернувшись въ бархатную, расшитую золотомъ епанчу, вдругъ сбросила ее съ себя на полъ, и легкою стопой приблизилась къ графинѣ Звѣздичъ, окруженной вздыхателями. «Дозволитъ ли графиня незнакомцу имѣть счастіе танцовать съ нею!» произнесъ Испанецъ почтительно, прижавъ къ груди беретъ свой, украшенный перьями и брилліантами.

— «Очень охотно, прекрасная маска!» вставая отвѣчала графиня. «Новыя знакомства нерѣдко избавляютъ насъ отъ скуки старыхъ, и въ этомъ отношеніи я уже вамъ

обязана,» прибавила она, лукаво поглядывая на оставленную группу. «Впрочемъ, быть можетъ, мы не совсѣмъ незнакомы другъ другу?»

«Я здѣсь чужестранецъ, графиня. Да если бы и не былъ имъ — все нашелся бы въ большомъ замѣшательствѣ, боясь попасть въ категорію стараго знакомства, и не имѣя дарованій оправдать новаго.»

Алина вздрогнула отъ звука голоса и какого-то нѣжно укорительнаго тона Испанца.

— «Вы обвиняете меня слишкомъ поспѣшно, распространяя на всѣхъ слова, сказанныя шутя,» отвѣчала она: «но полно-те скрытничать: мнѣ кажется, я могу подсказать вамъ имя ваше,» продолжала она, стараясь заглянуть подъ полумаску.

«Я не зналъ, что графиня въ тысячѣ прелестей и добрыхъ качествъ имѣетъ даръ ясновидѣнія . . . . Я очень сомнѣваюсь, чтобы мое имя могло быть напечатано на золотомъ листѣ жѣлча; но по всякомъ случаѣ позвольте избавить васъ отъ усталости произносить его, — я называюсь Донъ Алонзо де Гверера и Молина и Фуэнтесъ и Рioго и Колибрадосъ . . .»

— «Довольно, слишкомъ довольно имѣть въ наказаніе за мое любопытство, но слиш-

комъ мало къ его удовлетворенію. И такъ, Донъ Алонзо, вы меня знаете?»

«Какой смертный можетъ похвалиться, что онъ знаетъ женщину!» — Танцы разлучили ихъ, и имъ во все время не удалось сказать другъ другу ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Кадриль восхитилъ всѣхъ; игроки бросили карты, домино и шахматы; все стѣснилось въ любопытный кругъ около танцующихъ, и отвсюду слышалось: «Ah, qu'ils sont charmants! Ah, comme c'est beau çà!» Особенно графиня и кавалеръ ея казались созданными, чтобы возвысить искусство и красоту другъ друга. Побѣда осталась за ними — они пересіяли всѣ соперническія звѣзды — и любопытство узнать Испанца возрасло во всѣхъ до высшей степени, но болѣе всѣхъ въ прелестной графинѣ. Провожая ее на мѣсто, посреди ропота, зависти, одобренія и привѣтовъ, Испанецъ снова просилъ осчастливить его на попурри — и снова получилъ согласіе. Попурри и котильонъ (которые сливаются нынѣ по-одино) — роковые танцы для незнакомыхъ между собою. Я всегда называлъ ихъ двухъчасовою женитьбою, потому, что каждая пара испытываетъ въ нихъ всѣ выгоды и невыгоды брачнаго состоянія. Счастлива дама, которой

разбирающій въ то время послѣдне-прочитанную фразу Окена, и не безумолкный попугай, который на трехъ языкахъ говоритъ вамъ нелѣпости. Счастливъ и кавалеръ, которому фортуна даруетъ даму, отражающую все ваше остроуміе, не однимъ вѣеромъ, не одними оледеняющими: «oui, Monsieur; certainement, Monsieur.» За то, какъ осторожны дамы въ выборѣ кавалеровъ на котильонъ! Всѣ пружины миніятюрной ихъ политики пущены въ игру заранѣе, чтобы заставить себя «ангажировать» тѣмъ, кого любятъ онѣ слушать, или хотятъ заставить слушаться. Слѣпое счастіе однако же послужило Испанцу: никто за недѣлю не звалъ графини на попурри, а толпа окружающихъ не смѣла на попытку — боясь отказа передъ глазами соперниковъ, и воображая, что она давно уже избрала или избрана. Теперь, подъ громъ музыки, подъ говоръ сосѣдей, уединенъ съ нею въ амбразурѣ окна, Донъ Алонзо могъ говорить все, что допускаетъ свѣтская любезность, возвышенная правомъ маски. Разговоръ перелеталъ то мотылькомъ, то пчелой съ цвѣтка на цвѣтокъ, отъ предмета къ предмету. — Умъ неистощимъ, когда насъ понимаютъ; онъ сыплетъ искры, ударяясь о другой. Пара наша довольна была *другъ другомъ*, какъ нельзя болѣе. Графинѣ,

норой, казалось, что съ нею бесѣдовалъ знакомый и когда-то милый голосъ. «Это Гремминъ,» думала она сама съ собою: «тутъ нѣтъ «никакого сомнѣнія! Что мудренаго пріѣхать «ему въ отпускъ.» — Но вдругъ этотъ голосъ измѣнялся, и одна учтивая привѣтливость слѣдовала, какъ холодная тѣнь, за выраженіями ласки. Со всѣмъ тѣмъ, какая-то невольная довѣренность овладѣла графинею, и разговоръ неприятно переходилъ въ тонъ болѣе и болѣе сердечный, какъ вдругъ Испанецъ отвелъ отъ Алины досель вперенные на нее взоры, и небрежно бродя ими по залѣ, съ видомъ моднаго злословія, спросилъ: «Скажите, графиня, не уже ли это прыгающее memento mori — князь Пронскій? Онъ такъ часто мѣняетъ свои покрои, прически и мнѣнія, что не мудрено ошибиться! Боже мой, какъ онъ прыгаетъ! онъ чуть-чуть не запутался въ люстрѣ.»

— «Не дивитесь этому, Донъ Алонзо: развѣ не видимъ мы, что и ржавые флюгера скрипятъ, но вертятся?»

«Совершенная правда, графиня. Но флюгера кончаютъ тѣмъ, что отъ ржавчины дѣлаются постоянны, а князь, кажется, съ каждымъ годомъ легче и легче, такъ, что въ сотый день своего рожденія можно надѣяться,

онъ, какъ шампанская пробка, вспрыгнетъ до потолка. — Эта дама въ перьяхъ, « pendant » Князя Пронскаго, летающая воланомъ со стороны на сторону, вдова генерала Крестова, графиня? »

Наклоненіе головы увѣрило Испанца, что онъ не ошибся.

« Посмотрите жъ, пожалуйте, какъ нѣжно глядитъ она на кавалера своего, гвардейскаго прапорщика, между тѣмъ, какъ онъ будто ждетъ отъ нея благословенія, а не любви. Позвольте еще испытать ваше терпѣніе, графиня: кто этотъ человѣкъ съ прагматическими пуговицами и пергаминнымъ лицемъ, стоящій въ рисовальной позиціи? »

— « Это представитель всѣхъ предразсудковъ вѣка Лудовика XIV, кавалеръ посольства, Сенъ-Илюше. Какъ истинный эмигрантъ, онъ ничему не выучился и ничего не забылъ, но вѣчно доволенъ самъ собою — а это чего нибудь да стоитъ. Но какъ вамъ нравится сосѣдъ его, нашъ любезный соотечественникъ? Онъ такъ влюбленъ въ себя, что безпрестанно смотрится въ свои пуговицы, гдѣ нѣтъ зеркалъ.»

« Онъ безцѣненъ, графиня! Если бъ доктора согласились общею подпискою воздвигнуть монументъ болѣзнямъ, онъ могъ бы служить идеаломъ для статуи бога насморка.

По черезъ пару далѣе его, я почти готовъ парировать, что длинная фигура въ бѣломъ кирасирскомъ вицмундирѣ — ротмистръ фонъ Штраль. Какъ похожъ онъ на статую командора, который въ первый разъ слезъ съ лошади, чтобы позвать Донъ Жуана на ужинъ! Дама его, если не ошибаюсь, Елена Раисова? Но она напрасно раздуваетъ опахаломъ своимъ вниманіе въ неподвижномъ рыцарѣ.... Конгревовскія ракеты ея остроумія лопаютъ въ пустынѣ.»

— «Вы, Донъ Алонзо и Фуэнтесъ и Колибрадосъ, не болѣе щадите нашъ полъ, какъ и своихъ собратій. Должно полагать, вы многое претерпѣли отъ женщинъ?»

«И кажется, срокъ моего испытанія не кончился, прекрасная графиня,» отвѣчалъ съ чувствомъ Испанецъ, устремя на нее сверкающіе глаза. Графиня, чтобы избѣжать сего тона, обратила разговоръ въ прежнюю струю.

— «Вы сказываетесь новичкомъ, Донъ Алонзо, въ Петербургѣ и на балѣ — и потому я дивлюсь, что до сихъ поръ не спросили меня о двухъ герояхъ нашихъ увеселеній, о Кассорѣ и Поллуксѣ каждой мазурки, каждаго кадриля. Я разумѣю о графѣ Вейсенштейнѣ, племянникѣ Австрійскаго фельдмаршала, и *маркизѣ* Фіери, его другѣ. Они путешеству-

мотъ, смотрятъ свѣтъ, и показываютъ себя . . . же уже ли вы до сихъ поръ не видали графа Вейсенштейна? »

« Я ничего не видалъ, кромѣ васъ! »

— « Такъ должны замѣтить его неотмѣнно. Съ какими глазами покажетесь вы въ свое отечество, не узнавъ великаго человѣка, научившаго насъ галопировать! Вотъ онъ проходитъ мимо . . . . молодой человѣкъ съ усиками, въ Вѣнскомъ фракѣ . . . но вы не туда смотрите, Донъ Алонзо! »

« Ахъ, тысячу разъ прошу прощенія, графиня! . . . . Такъ это-то милый крокодилъ, который за каждымъ déjeûner dansant глотаетъ по полудюжинѣ сердецъ, и увлекаетъ за собой остальные манежнымъ галопомъ? Mais il n'est pas mal, vraiment. Жаль только, что онъ какъ будто накрахмаленъ съ головы до ногъ, или боится измять косточки своего корсета.

— « Вслѣдъ за нимъ вертится маркизъ Фіери. »

« Прекрасные бакенбарды! Выразительные глаза! и онъ смотритъ ими такъ увѣрительно, какъ будто говоритъ: любите меня, или смерть! »

— « Многія находятъ его весьма остроумнымъ. »

« О, безконечно остроумнымъ! Всѣ маркизы имѣютъ патентъ на остроуміе до двѣнадцатаго колѣна. Я увѣренъ, что съ запасомъ модныхъ галстуховъ и жилетовъ, онъ не забылъ привести для здѣшнихъ дамъ Итальянскаго чичисбеизма и Вѣнской любезности!»

— «И вы не ошиблись, Алонзо! Онъ очень занимателенъ въ дамскомъ обществѣ, и не считаетъ полъ нашъ какою нибудь Варварійскою республикою!»

«Кажется, эта стрѣла летитъ въ Испанію, графиня?»

— «Конечно, Донъ Алонзо! въ ваше отечество, въ отечество истиннаго рыцарства, между тѣмъ, какъ вы, вмѣсто того, чтобы защищать прекрасныхъ — объявляете имъ войну злословія.»

«Если бъ всѣ женщины были подобны вамъ, графиня, я не имѣлъ бы причины стать ихъ непріятелемъ.»

— «Вы, кажется, хотите лестію выкупить напередъ какую нибудь злость противъ цѣлаго нашего пола. Но я на часахъ противъ васъ, Донъ Алонзо. Комплименты врага — опасные переметчики.»

«Они выдуманы не для васъ, графиня.

Самые затѣйливые вымыслы, касаясь васъ, становятся обыкновенными истинами.»

— «Я не предполагала, что земля ваша такъ же легко произращаетъ лесть, какъ апельсины и лимоны!»

«На родинѣ моей, въ этомъ саду прекрасныхъ произрастепій, я не научился однако же прозябать душею, какъ большая часть людей холоднаго здѣшняго климата. Сердце мое на устахъ, графиня, и потому мудрено ль, что пораженный достоинствами или красотою, я не могу таить чувства? Вы можете обвинить мои выраженія, но искренность — никогда.»

— «Вашу искренность, Донъ Алонзо! Я не имѣю на нее никакого права, да и можно ли узнать душу, не видавъ лица, ея зеркала. Человѣкъ, который такъ упорно скрывается подъ маскою, можетъ сбросить съ нею и маскарадныя свои качества.»

«Признаюсь, графиня, я бы желалъ, если бъ могъ, съ этимъ костюмомъ сбросить съ сердца воспоминаніе . . . . болѣе чѣмъ воспоминаніе настоящаго. Но позвольте мнѣ хранить маску . . . . можетъ быть, для обѣта своимъ товарищамъ; можетъ быть, въ подраженіе дамамъ, которыя носятъ вуаль, что-

бы возбуждать любопытство, не могши изумлять красотою . . . . может быть, для удаленія отъ васъ непріятнаго сюрприза видѣть лице мое.»

— «Чѣмъ болѣе хотите вы таиться, тѣмъ вѣрнѣе я васъ узнаю. Но погодите: я женщина, и вы мнѣ дорого заплатите за свое упрямство.»

«Вѣрьте, графиня, я уже плачу за него и . .» Вихорь вальса умчалъ графиню на средину, гдѣ законы попурри заставили ее протанцовать соло въ pastourelle, одной изъ фигуръ Французскихъ кадрилей.

— «Вы мечтаете?» сказала графиня, возвращаясь на мѣсто.

«И мечтой моей на яву были — вы. Я любовался вами, прекрасная графиня, когда, склонивъ очи къ землѣ, будто озаряя порхающія стопы свои, вы, казалось, готовы были улетѣть въ свою родину — въ небо!»

— «О нѣтъ, нѣтъ, Донъ Алонзо! я бы не хотѣла такъ неожиданно покинуть землю; мнѣ бы жаль было оставить родныхъ и добрыхъ моихъ знакомыхъ. Нѣтъ, благодарю покорно!... Взрывъ вашего воображенія закинулъ меня слишкомъ высоко. Вы поэтъ,

«Не болѣе какъ историкъ, графиня . . . безпристрастный историкъ,» возразилъ Испанецъ, скидывая перчатку съ лѣвой руки, потому, что въ это время танецъ уже кончился.... Невольное: ахъ! вырвалось у графини, когда въ глаза ей сверкнулъ перстень Испанца. По немъ она узнала Гремина. Съ сильнымъ волненіемъ сжимая руку маски, она произнесла: «Историкъ долженъ помнить, гдѣ и отъ кого получилъ онъ перстень съ небольшимъ изумрудомъ; онъ долженъ помнить, какъ виноватъ онъ передъ....» Графиня не успѣла кончить слова, какъ отъѣзжающія маски почти увлекли съ собою Испанца. Онъ едва могъ у ней попросить позволенія явиться на другой день для объясненія загадки.

— «Я этого требую,» отвѣчала Графиня, — и незнакомецъ исчезъ, какъ сонъ. Котильонъ и ужинъ показались ей двумя вѣчностями. Она была задумчива, разсѣянна: отвѣчала *нѣтъ*, гдѣ надобно было говорить *да*, и мнѣ *очень жаль* — вмѣсто *я очень рада*. «Она хочетъ насъ мистифировать,» говорили между собою модники. «Она вѣрно гадаетъ о суженомъ!» подумала горничная, Параша, когда графиня, пріѣхавъ домой, опустила *тафтяные цвѣты свои* въ серебряный умывальникъ,

а брилліантовыя серьги заперла въ огромный картонъ.

Если бъ кто нибудь догадался сказать: «она влюблена,» тотъ, я думаю, ближе всѣхъ былъ бы къ истинѣ.

IV.

**Для насъ, отъ насъ, а право жаль
— Ребра Адамова потомки,
Какъ свѣтлорадужный хрусталь,
Равно плѣнительны и ломки.**

Лучи холоднаго солнца давно уже играли по алмазнымъ цвѣтамъ цѣльныхъ стеколъ графини Звѣздичъ, но въ спальнѣ ея, за тройными завѣсами, лежалъ еще таинственный мракъ, и богъ сна вѣялъ тихимъ крыломъ своимъ. Ничего нѣтъ сладостнѣе мечтаній утреннихъ. Первая дань усталости заплачена сначала, и душа постепенно беретъ верхъ надъ внушеніями тѣла, по мѣрѣ того, какъ сонъ становится тоньше и тоньше. Очи, обращенныя внутрь, будто проясняются, видѣнія свѣтлѣютъ, и сцѣпленіе идей, образовъ, приключеній сонныхъ становится явственнѣе, порядочнѣе, вѣроятнѣе. Память можетъ вполнѣ схватить сихъ

созданій, не оставляющихъ по себѣ ни праха, ни тѣни — но это жизнь сердца . . . . . оно еще бьется — оно еще горячо ихъ дыханіемъ, оно свидѣтель ихъ мгновеннаго бытія. Такія мечты лелѣяли сонъ Алины, и хотя въ нихъ не было ничего опредѣленнаго, ничего такого, изъ чего бы можно было выкроить сновидѣніе для романтической поэмы или историческаго романа, за то въ нихъ было все, чѣмъ любитъ наслаждаться юное воображеніе. Начальныя грезы ея были однако менѣе цвѣтисты, хотя очень забавны. То около нея кружился чудесный вальсъ, составленный изъ эполетовъ, аксельбантовъ, султановъ, шпоръ и орденовъ . . . . вся лавка Нетелина танцовала казачка. То, казалось, она подавала пилюли покойному мужу; то снова погружалась въ Баденскія воды, будто въ потокъ забвенія . . . . и вдругъ стѣны третьей станціи вставали около нея съ лубочными своими портретами, на которые глядитъ она, переписывая давно намъ знакомое посланіе, и вотъ, кажется ей, одинъ портретъ мигаетъ ей очами, улыбается, усы шевелятся; онъ готовъ выпрыгнуть изъ рамокъ, но она сама кидается къ нему на встрѣчу . . . «Это вы, Гремикъ!» вскрикиваетъ графиня... «Нѣтъ, это Блюхеръ.» И снова гремитъ и мчится котильонъ, и снова слышатся поты

Французскаго кадриля . . . . какой-то незнакомецъ, въ Испанской мантіи на гусарскомъ доломанѣ, приближается къ ней и . . . Но перечесть всѣ вздоры, которые мы видимъ во снѣ, значило бы бредить на яву, и потому я скажу только, что часы добивали десять, когда колокольчикъ графини слился съ послѣднимъ ихъ ударомъ. Параша распахнула внутреннія ставни, отдернула занавѣсы, и уже нѣсколько минутъ стояла у ногъ кровати съ раскинутою шалью, но Алина Александровна изволила еще почивать съ открытыми глазами, еще на кругу ея полога мечты проходили, подобно фантасмагорическимъ тѣнямъ. — «Онъ пріѣдетъ,» наконецъ весело произнесла она, сбрасывая одѣяло: — «онъ скоро пріѣдетъ.»

— «Кто, ваше сіятельство?» простодушно спросила служанка, помогая ей одѣваться.

«Кто?» Графиня задумалась . . . . Она чувствовала, что на простой этотъ вопросъ не могла отвѣчать утвердительно. «Увидимъ!» отвѣчала она со вздохомъ.

«Накажи только швейцару, что если пріѣдетъ молодой гусарскій офицеръ, котораго онъ до сихъ поръ не видалъ, то просить его на верхъ безъ всякихъ докладовъ. Всѣмъ другимъ отказывать: слышишь ли, Параша?»

« Слышу, ваше сіятельство; — только не понимаю,» прибавила Параша потихоньку.

И сама графиня худо понимала, что съ нею сталось. За чашкой чаю и за туалетомъ, она имѣла довольно времени подумать о минувшемъ и настоящемъ. Она была въ большой нерѣшимости, какъ встрѣтить человѣка, который былъ такъ близокъ ей во дни неопытности, когда всякій прыжокъ сердца кажется любовью, каждый конфектный девизъ изъясненіемъ, и первое милое личико любезнымъ предметомъ; — человѣка, забытаго ею такъ скоро въ разсѣяніи забавъ и путешествій, и къ которому вдругъ, въ одинъ вечеръ, привязалось сердце ея вновь, со всею свѣжестію мечты, доселѣ ею неизвѣданною! Странность ли его появленія, таинственность ли его поступковъ, воспоминаніе ли прежняго или *безпричинная* прихоть, только графиня чувствовала, что это нѣчто похожее на любовь. Но всего страннѣе было — колебаніе ея между извѣстностью и сомнѣніемъ о замаскированномъ Испанцѣ. Она звала его Гремипъ, а думала о комъ-то другомъ; ей нравилось именно то, чего никогда не замѣчала она въ Гремипѣ: ее плѣнили новость и разнообразіе разговоровъ и познаній маски, такъ, что она едва не болѣе желала знать Испанца всегда Испан-

цѣмъ, тѣмъ увидѣть въ немъ Гремина. Она кончила однако жъ заключеніемъ, что свѣтъ и опытъ удивительно какъ развертываютъ молодыхъ людей, и что любезность Гремина достигла теперь полнаго цвѣту... «Но я должна со всѣмъ тѣмъ наказать его, какъ безпечнаго поклонника, и какъ недовѣрчиваго хитреца. Вы испытаете, князь, что и я недаромъ прожила три года на бѣломъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ и мы жили въ Аркадіи! Я буду съ вами холодна какъ мраморъ — однако жъ который часъ, Параша?»

«Три четверти перваго, ваше сіятельство!»

«Эти часы ужасно отстаютъ, Параша! На моихъ уже пятьдесятъ минутъ перваго!»

— «Ваши часы идутъ за одно съ сердцемъ, подлѣ котораго лежатъ они: любовь прилипчивая болѣзнь, ваше сіятельство,» сказалъ бы я графинѣ, если бъ я былъ ея *служанкою* — но судьба создала меня только покорнымъ *слугою* прекрасныхъ, и я долженъ часто молчать, когда могъ бы ввернуть словцо очень кстати.

Между тѣмъ Параша, окончивъ свою должность при туалетѣ, вышла; но графиня все вертѣлась еще передъ трюмо въ прелестномъ утреннемъ платьѣ, и, подобно поэту, который точитъ и гладитъ стихи свои, чтобы они по

заглядѣлась на прекрасный султанъ — такъ и выбился до самаго воротника!»

«А воротникъ его коричневый, не правда ли, Параша?»

— «Коричневый, ваше сіятельство .... я не видала гвардейскихъ офицеровъ съ такими воротниками, — однако жъ онъ вѣрно гвардеецъ .... у него такая прекрасная карета...»

«Это онъ» произнесла графиня, не слушая ученыхъ замѣчаній своей горничной, и рѣшительно протекла всѣ комнаты до гостиной. Но когда должно было вступить туда, бодрость ее оставила, и она долго держалась за позолоченную ручку дверей, припоминая, какое лицо должно ей принять, и что говорить. Наконецъ дверь распахнулась, и графиня, опустя очи, вошла въ гостиную, краснѣя подняла ихъ — и что же? передъ нею стоялъ бѣлокурый гусарскій офицеръ, но вовсе не князь Гремінъ. Быстро смѣнялись розы и лиліи на щекахъ графини, — она неподвижно глядѣла на незнакомца .... но онъ, вѣроятно болѣе приготовленный къ подобной встрѣчѣ, послѣ обычныхъ поклоновъ, первый прервалъ молчаніе: «Я долженъ просить у васъ *прощенія, графиня*, и за вчерашнюю мистификацію, и за странность настоящаго визита

гусарскаго маіора Валеріана Стрѣлинскаго, а Валеріанъ Стрѣлинскій дерзаетъ ходатайствовать за Испанскаго гидальго, хотя съ большимъ сомнѣніемъ на счетъ дѣйствительности обоихъ и взаимныхъ порукъ!»

Смущеніе свѣтской женщины — минута. Съ любезно-шутливымъ тономъ отвѣчала она: «Напрасное сомнѣніе, господинъ маіоръ! Я очарована случаемъ познакомиться съ вами безъ маски, и конечно ничего не теряю въ вашемъ превращеніи.»

— «Ваши слова для меня оракулъ, графиня, и позвольте сказать, на этотъ разъ такъ же двусмысленны. Ничего не теряете, сказали вы, но изъ чего? изъ хорошаго или дурнаго мнѣнія обо мнѣ?»

Есть люди, умѣющіе такъ естественно говорить самыя необыкновенныя вещи, предлагать самые нескромные вопросы въ мірѣ, что въ ихъ устахъ они ни сколько не кажутся странными, и съ первой минуты знакомства располагаютъ всякаго къ подобной же откровенности. Стрѣлинскій принадлежалъ къ ихъ числу.

«Вы слишкомъ требовательны, маіоръ,» *отвѣчала графиня*, улыбаясь. «Теперь вы бы *могли усомниться* въ истинѣ моего отвѣта, *потому только*, что онъ сказанъ при первомъ ва

шемъ посѣщеніи: я храню это удовольствіе для позднѣйшаго знакомства.»

— «Но какъ осмѣлюсь я скучать вамъ повтореніемъ визитовъ, неувѣренный въ прощеніи за первый? Вы желали видѣть меня безъ маски, графиня: будьте же снисходительны къ моимъ самороднымъ странностямъ. Руку на сердце, и скажите искренно — вы не меня ожидали увидѣть въ Донъ Алонзѣ?»

«Я не ожидала увидѣть васъ, Стрѣлинскій! но вы знаете, что не всегда желаютъ, кого ждутъ....»

— «И, позвольте докончить рѣчь вашу — иногда терпятъ, кого не ждутъ — не такъ ли, графиня?»

«Совершенно не такъ, Стрѣлинскій. Вы злой переводчикъ добрыхъ мыслей. Я думала, что утро излечитъ васъ отъ вчерашней непріязни къ женщинамъ — но теперь вижу, что вы неисправимы.»

— «Неисправимъ, что до искренности, графиня. Я солдатъ, и вѣчный, неизмѣнный отзывъ мой — *истина*, во всѣхъ случаяхъ жизни, въ уединеніи и въ шумѣ свѣта, при послѣднемъ, какъ и при первомъ свиданіи, и я, не обинуясь, скажу вамъ: я такъ высоко цѣню *ваше добро* расположеніе, что и часо-

звѣстность о немъ мнѣ будетъ тя-

думаю, Стрѣлинскій, удовольствіе, съ
ь провела я время танца съ вами,
служить тому лучшимъ поручитель-

«Вы такъ добры, такъ снисходитель-
фиия! Со всѣмъ тѣмъ я не осмѣли-
овладѣть вполнѣ этимъ комплиментомъ
вшій вечеръ.»

вполнѣ, maiоръ?» отвѣчала графиня
какъ будто не угадывая, на что мѣ-
рѣлинскій: «не уже ли же вы удѣляете
о часть своему Испанскому платью?
на, что вчерашній Донъ Алонзо и въ
мъ мундирѣ будетъ такъ же веселъ и
ть, какъ прежде, и постарается вновь
и роскошные цвѣты Гренады подъ
небо нашего отечества.»

«Небо вездѣ небо, графиня, хотя не
можетъ, не каждый хочетъ, не каждый
наслаждаться имъ! и не всѣ цвѣты о-
благородною росою....» Онъ замял-
ная, какой родительный падежъ при-
ода, но глаза договорили его мысль
ловъ — и, какъ казалось, прекрасная
во все на это не сердилась. Даже, ес-
ть достовѣрнымъ историкаиъ (вы знае-

же, что и Наполеонъ не казался г
ему камердинеру, и Клеопатра был
какъ женщина въ глазахъ ея напе
то при словѣ «небо,» которому
маіоръ далъ нѣжное значеніе зву
что-то похожее на вздохъ вырвало
ди ся.

Потомъ разговоръ склонился
новости, которыми всегда испещр
ная атмосфера. Потомъ графиня
ла маленькія приключенія своихъ
такъ мило, Валеріанъ слушалъ
тельно! — а это великое искусств
съ женщинами: онѣ требуютъ, что
мали имъ не только слухомъ, но
и скорѣе простятъ всякую глупост
имъ говорите, нежели разсѣянност
ихъ слушаете. Однимъ словомъ: м
ми знакомцами царствовала така
что можно было закладывать сто
ного: Амуръ былъ настройщикомъ
Они шутили, смѣялись, спорили,
какъ жили вмѣстѣ. И между тѣм
ихъ вели столь сильный перекрес
что онъ не только имъ, но и
могъ казаться потѣшнымъ. Одни
тель говорилъ, что сердце он
пушка съ порохомъ, сердце ж

отклянка съ духами; но какъ бы то ни было, и то и другое вещи легковозгараемыя, и потому казалось весьма сомнительнымъ, чтобы онѣ могли уцѣлѣть отъ пламени. Но женщины и въ самомъ пылу не забываютъ ни приличій, ни бездѣлицъ, лежащихъ на сердцѣ. Приданое Евы — любопытство и оскорбленное самолюбіе — подстрекало графиню узнать какимъ образомъ могло кольцо, подаренное Гремину, перейти въ руки Стрѣлинскаго! Она не скрывала отъ себя, какъ ни досадно то было, что maiorъ по вчерашнимъ словамъ угадалъ ея тайну, если тайной что нибудь ему было прежде, ибо встрѣчу съ собой она не считала случайною, и потому, возвративъ улитку разговора на маску его, она слегка похвалила его умѣнье превратить себя изъ блондина въ черноволосаго, и искусство мѣнять голосъ по произволу — и пошла прямо къ цѣли. — «Откровенно скажу вамъ, Стрѣлинскій,» примолвила она: «вы бросили меня въ туманъ загадокъ, недоумѣній. Особенно эмалевое кольцо ваше съ изумрудомъ ввело меня въ ребяческое заблужденіе .... мнѣ показалось оно не вовсе незнакомо.»

— «Кольцо это,» отвѣчалъ Стрѣлинскій, какъ будто пробуждаясь отъ сна и подавая его графинѣ: «кольцо это сдѣлано было года

два тому назадъ въ подраженіе кольцу одного изъ друзей моихъ, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга. Я очелъ его моднымъ; вкусъ въ отдѣлкѣ и форма мнѣ понравились — и услужливые Кіевскіе Жиды тотчасъ сработали что-то подобное. Все это было дѣломъ случая, но теперь кольцо мое получило для меня новую цѣну, какъ замѣтное звено лестнаго вашего знакомства, графиня.»

Между тѣмъ лице графини прояснилось... Разсмотрѣвъ кольцо, она увѣрилась, что оно только издали похоже на подаренное ею нѣкогда, и не носило на себѣ знака давно стертой съ ея сердца привязанности. Самолюбіе ея было утѣшено, и она, отдавая кольцо Стрѣлинскому, очень благосклонно возразила ему: «вы напрасно приписываете магнитную силу этой бездѣлкѣ. Не она, а любезность ваша причиной знакомства. Посѣщая почтенную вашу тетушку, мы и безъ этого случая конечно бы узнали другъ друга. Кромѣ того, живучи въ одномъ кругу, вѣроятно ль, чтобъ мы гдѣ нибудь не встрѣтились? Кстати о балахъ, Стрѣлинскій: гдѣ вы будете встрѣчать Новый годъ? Что до меня касается, я отозвана уже за мѣсяцъ на ежегодный и единственный балъ къ княгинѣ Борисъ. Вы, кажется, родня имъ?»

— «Впервые благодарю боговъ — я ей племянникъ! По крайней мѣрѣ я долженъ вѣровать въ это по самымъ чувствительнымъ доказательствамъ! Она не упускаетъ ни одного случая пожурить меня, сажаетъ за дѣтскій столъ, когда за большимъ тѣсно и, по-Московски, нерѣдко подчиваетъ пипучимъ медкомъ вмѣсто шампанскаго. — Но погода прекрасна, графиня, и конечно вы оживите Невскій булеваръ своимъ присутствіемъ?» прибавилъ Стрѣлинскій, вставая.

«Я только въ надеждѣ скораго возврата лишаю себя удовольствія вашей бесѣды, Стрѣлинскій! Я всегда вамъ рада . . . прошу не принять этого за пустой звукъ, и жаловать ко мнѣ попросту, безъ чиновъ. Каждый вторникъ, добрые пріятели и подруги посѣщаютъ меня и, если вамъ не будетъ скучно съ нами убить время . . .»

— «Скажите лучше, оживить время, графиня . . . Вѣрьте, что если бъ мнѣ должно было покупать минуты вашей бесѣды цѣлыми годами жизни, я и тогда счелъ бы себя счастливымъ, наслаждясь, какъ бабочка, одной весною. Мицкевичъ говоритъ, что въ маѣ одно мгновеніе прелестнѣе цѣлой недѣли въ

«Не забудьте, что у насъ зима!» сказала графиня, улыбаясь, и Стрѣлинскій раскланялся со вздохомъ.

. . . . . .

«Славно сыграно, Валеріанъ!» могутъ воскликнуть читатели сходящему съ лѣстницы Стрѣлинскому; но самъ онъ, ступивъ въ полярный кругъ отсутствія отъ милаго предмета, совсѣмъ не думалъ расточать себѣ подобныя похвалы: онъ чувствовалъ, что испытаніе за друга становилось ему постороннею вещію; что теперь влюбленному, и можетъ быть любимому, тяжка была бы холодность графини, мучительна разлука съ ней, и неспосна ея перемѣна; однимъ словомъ, что собственное его благополучіе зависѣло отъ ея взаимности. «Все это пройдетъ, все это минетъ, говорилъ онъ самъ себѣ: я слишкомъ вѣтренъ для постоянной любви.» Но это не проходило. «Стоитъ только избѣгать случаевъ видѣть ее дня три, и сердце мое погаснетъ, какъ лампада безъ масла!» думалъ онъ, и чтобы оправдать такую благоразумную рѣшимость, поскакалъ съ повинною головою къ княгинѣ Борисъ, чтобы не пропустить бала, гдѣ будетъ прелестная и, разумѣется, божественная Алина. Любовь щедра на эпитеты и обоготворенія; но, пройдетъ время — и отступники своихъ идоловъ, мы

первые готовы сокрушить ихъ, и громить прежнія наши святилища.

Въ театрѣ, на балахъ, на музыкальныхъ вечерахъ, на танцовальныхъ завтракахъ, на званыхъ обѣдахъ, на прогулкахъ и катаньяхъ, безъ всякаго намѣренія, Богъ знаетъ какъ, Алина встрѣчалась съ Валеріяномъ: тутъ нѣтъ еще дива, но странно было то, что они почти все время проводили вмѣстѣ. Изъ одной учтивости подходилъ онъ къ ней сначала; но потомъ слово за слово, взоръ за взоромъ — мечтатель забывалъ свѣтъ и время, и только зловѣщій крикъ лакея: «Графини Звѣздичъ карета!» разрушалъ его упоеніе, и съ превыспренихъ сводилъ въ прохладныя сѣни. Графиня любила театръ — Валеріанъ хорошо зналъ и мастерски судилъ его. Графиня въ совершенствѣ владѣла арфою — Стрѣлинскій увѣрялъ, что онъ страстный охотникъ до музыки — что онъ dilettante отъ султана до шпоръ, — и потому странно ли, что онъ такъ часто являлся въ ея ложѣ, или садился подлѣ нея въ концертахъ? Все это было изъ любви къ искусствамъ, не болѣе. Немного труднѣе найти было отговорку слишкомъ частой случайности, благодаря которой, ему удавалось подавать руку графинѣ, при переходѣ изъ гостиной въ столовую, и тонкій наблюдатель

мог бы похвалить его глазомѣръ — когда онъ, будто вовсе не замѣчая, такъ расчетливо становился въ рядъ кавалеровъ, что ему всегда выпадала на долю рука Алины и, стало быть, мѣсто подлѣ нея за столомъ . . . Нѣжная улыбка, ласковое словцо и, порой, легкое давленіе милой руки бывали наградою его хитрости.

« L'amour est l'égoïsme à deux » сказала мадамъ Сталь, и весьма справедливо. Стрѣлинскому лестно было получить отъ графини преимущество надъ толпою вздыхателей многорѣчивыхъ и безъ рѣчей, когда свивались круги мазурки или французскихъ кадрилей; а графинѣ, съ своей стороны, казалось пріятно имѣть кавалеромъ такого отличнаго танцора, какъ Стрѣлинскій. Въ кругу общества и въ тѣсныхъ уединеніяхъ они нравились другъ другу остроуміемъ и оригинальностію; и наконецъ, когда оба они заглядывали въ будущее, то конечно не могли найти другъ для друга лучшей партіи. Та и другой съ хорошимъ родствомъ, тотъ и другая независимы и богаты — случай, удаляющій всякую мысль о корысти: все благопріятствовало обоюдной склонности. Графиня подружилась съ сестрою Стрѣлинскаго, Ольгою, дивясь, какъ до сихъ поръ она не умѣла оцѣнить всѣхъ любезныхъ ея

качествъ. Валеріанъ удивлялся, съ своей стороны, тонкости вкуса графини въ выборѣ знакомыхъ — и подобно блуждающей доселѣ кометѣ, началъ обращаться въ кругу ихъ. — Нужно ли сказывать, какое солнце покорило его центровлекущей силѣ своей?

V.

«Она расцвѣтала, какъ дѣвственная
Мечта юности; была чиста и прелестна,
Какъ земля въ первый день творенія.»

Старинная Эпитафія.

Въ домашней жизни Валеріанъ былъ едва ли не счастливѣе, чѣмъ въ свѣтѣ. Подлѣ сестры своей Ольги отдыхалъ онъ сердцемъ отъ остроумія модныхъ умницъ и отъ безумія собственной страсти. Подлѣ ней утихало волненіе сомнѣній, и ревность свивала коршуновы крылья свои. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было и самому мизогину не полюбить этого невиннолилаго существа! Воспитанная въ Смольномъ Монастырѣ, она, подобно всѣмъ подругамъ своимъ, купила невѣдѣніемъ бездѣлицъ общежитія, спасительное невѣдѣніе раннихъ впечатлѣній порока и безвременнаго мятежа страстей. *Она прелестна* была въ свѣтѣ, какъ

образецъ высокой простоты и дѣтской откровенности. Отрадно было успокоить взоръ на свѣтломъ лицѣ ея, на которомъ еще ни игра страстей, ни лицемѣріе приличій, не впечатлѣли слѣдовъ, не бросили тѣней. Отрадно было согрѣть сердце ея веселостію, ибо веселость — цвѣтъ невинности. Въ мутномъ морѣ свѣтскихъ предразсудковъ, позолоченной непорочности, суетнаго ничтожества — она возвышалась, какъ зеленѣющій свѣжій островокъ, гдѣ усталый пловецъ могъ найти покой и довѣріе. Она не могла понять, для чего бы ей стыдиться слезъ умиленія при разсказѣ о великодушномъ поступкѣ, или румянца негодованія, слыша о низостяхъ людскихъ. — Не понимала, почему неучтиво сказать человѣку въ глаза: «Ахъ! какъ вы добры!» или: «ахъ! какъ вы злы!» если онъ то заслуживалъ; не понимала, почему ей не прилично сѣсть подлѣ умнаго молодаго человѣка, съ которымъ пріятно разговаривать, и почему она обязана слушать нелѣпости пожилаго потому только, что онъ со звѣздою. Она нерѣдко смѣшила васъ самыми странными вопросами, но чаще приводила въ смущеніе самыми проницательными. То забавляла незнаніемъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, то изумляла новостію мыслей, глубиною чувствъ и

неколебимостію воли на все прекрасное. Не говорю о прелестяхъ, коими одарила ее природа; не говорю о совершенствахъ, данныхъ образованіемъ. Она горячо и нѣжно любила брата, который остался ей единственнымъ другомъ, единственнымъ покровителемъ на землѣ. Веселить, радовать, предупреждать малѣйшее его желаніе было сладчайшею заботою Ольги. Она играла для него на піано; пѣла его любимыя пѣсни, порхала передъ нимъ, какъ ласточка — и разсказывала анекдоты своей монастырской жизни: какъ, напримѣръ, однажды цѣлый классъ перепадалъ въ обморокъ отъ того, что одной показалось, будто она увидѣла ужаснаго звѣря — мышь! Какъ онѣ цѣлыя три ночи не спали отъ страху отъ какой-то птицы, которая «половину была кошка, а половину не знаю чего, укала и сверкала глазами подъ окнами!» — Валеріанъ смѣялся отъ чистаго сердца, между тѣмъ какъ сестра не вовсе понимала, что такъ смѣшнаго было въ ея разсказахъ. «Врочемъ,» прибавляла она, извиняясь — «я была тогда такая *кофейная*.»

Чтобы вполнѣ понять эту фразу, надобно знать, что въ Смольномъ Монастырѣ три возраста воспитанницъ отличаются тремя цвѣтами платья: кофейнымъ, голубымъ и бѣлымъ, изъ

конхъ первый присвоенъ самому младшему, и потому между двумя старшими возрастами названіе кофейной служитъ какъ бы упрекомъ въ простотѣ.

«Дай Богъ,» возражалъ тогда Валеріанъ, лаская ее: «чтобы ты всегда осталась кофейною сердцемъ.»

Однажды вечеромъ Ольга фантазировала на форте-піано, между тѣмъ какъ братъ, задумавшись, слушалъ ее, облокотясь о ручку креселъ — и вдругъ она вспрыгнула весело, схватила Валеріана за руку и, быстро глядя ему въ глаза, сказала: «Не правда ли, братецъ, ты женишься на графинѣ Звѣздичъ?»

Полуизумленъ, полусмущенъ словами сестры, въ которыхъ заключались и неожиданный вопросъ и вмѣстѣ нѣжная просьба, онъ долго, долго смотрѣлъ на нее, можетъ быть разгадывая ея мысли, можетъ быть собирая свои — и наконецъ отвѣчалъ съ улыбкою: «Какой вѣтеръ навѣялъ тебѣ, милая, такую странную мысль?»

— «Странную мысль, братецъ? Напротивъ, мнѣ кажется, самую естественную. Если Богъ не судилъ вамъ родиться братомъ и сестрою, чтобы дѣлить горе и веселье, то *думаю, къ этому* нѣтъ другаго пути, кромѣ же-

нитьбы. Какъ могли бы иначе соединиться два сердца, которыя любятъ другъ друга?»

«Но кто тебѣ сказалъ, что мы любимъ другъ друга?»

— «Ахъ, какой ты лицемѣръ, братецъ! и передъ кѣмъ же? Передъ сестрою своей! Развѣ я не люблю тебя? Развѣ родные не друзья, дарованные небомъ? Да и почему тебѣ скрывать свою привязанность къ особѣ, достойной любви?»

«Миръ! миръ, моя проницательная сестрица! Положимъ, въ угоду тебѣ, что я влюбленъ въ Алину. Но теперь вопросъ: любимъ ли я взаимно?»

— «Въ этомъ я порукой, mon frère, графиня любитъ тебя, какъ и сама.»

«Я не думаю, что она избрала сестру мою наперсницею своихъ тайнъ!»

— «О нѣтъ, братецъ! прямо она не говорила мнѣ о томъ ни слова; но она такъ часто говоритъ о тебѣ, такъ охотно встрѣчается съ тобою, что склонность ея только тебѣ можетъ казаться тайною. Я мало знаю свѣтъ, людей еще менѣе; но есть вещи, которыя угадываю я собственными чувствами.»

«Ты просвѣщеннѣе, нежели я думалъ, любезная Ольга.»

— « Просвѣщеніе! это похоже на упрекъ, братецъ; вотъ каковы мужчины! Вы преслѣдуете насъ — за наше невѣдѣніе, и еще больше гнѣвастесь за наше познаніе. Ты несправедливъ отъ того, что тебѣ досадно, какъ могла неопытная монастырка проникнуть въ таинства своего скрытнаго братца. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ умѣть и какъ смѣть отличить любовь отъ ненависти!! Нѣтъ, mon frère, я скорѣй имѣю право сердиться за твою недовѣрчивость и за то, что ты воображалъ меня такою простенькою. »

« Я точно виноватъ, я въ самомъ дѣлѣ несправедливъ противъ тебя, моя милая, добрая Ольга! » сказалъ съ нѣжностію Валеріанъ, поцѣловалъ ее въ чело. « Съ этихъ поръ между нами нѣтъ тайнъ. »

— « Это напрасно, Валеріанъ. Я не хочу того знать, что мнѣ знать безполезно; но можетъ ли быть чуждо душѣ моей все, что касается до твоего счастія? Признаюсь тебѣ въ моемъ рѣбячествѣ — я уже не разъ строила воздушные замки, соединяя тебя въ мечтахъ съ графинею. Какъ весело, — какъ радостно тогда будетъ намъ! . . . Мы поѣдемъ жить въ деревню, по которой я такъ давно вздыхаю, по снѣ и на яву. Мы будемъ всегда вмѣстѣ — счастливы тѣмъ, что мы вмѣстѣ.

вдалекѣ отъ докучливыхъ гостей. Невидимо полетитъ для насъ время, лѣтомъ съ природой, зимой съ дружествомъ, всегда съ любовью. Мы будемъ гулять, кататься въ лодкѣ, ѣздить верхомъ — я надѣюсь, ты мнѣ позволишь это, братецъ! ты купишь для меня хорошенькую лошадь — не правда ли? Вечеру мы за чайнымъ столикомъ шутимъ, смѣемся; потомъ поемъ, танцуемъ. Читаемъ Вальтеръ-Скота; иногда и разсуждаемъ очень серіозно — вѣдь нельзя вѣкъ толковать о бездѣлицахъ. Иногда къ намъ будутъ пріѣзжать сосѣди — антики и добрые наши знакомые: — вѣрно и князь Греминъ не забудетъ прежнихъ друзей своихъ.»

«А тебѣ нравится князь Греминъ, Ольга?» спросилъ Велеріанъ, болѣе для избѣжанія рѣшительнаго отвѣта, нежели для удовлетворенія любопытства.»

— «Я очень люблю его, братецъ, и отъ самаго малолѣтства. Ты такъ часто ѣздилъ съ нимъ въ монастырь — онъ называлъ меня ma cousine, и такъ охотно слушалъ мое болтанье, что я только передъ нимъ и тобою не краснѣла говорить. Бывало я нетерпѣливо жду, когда вы пріѣдете; а бывало и праздникъ не въ праздникъ, когда васъ нѣтъ. Я крѣпко плакала по васъ обоихъ по переводѣ вашемъ

изъ Петербурга . . . признаюсь тебѣ, братецъ, въ моемъ ребячествѣ — я еще до сихъ поръ берегу на память прекрасное куриное перо, выроненное изъ султана князя.»

— «Султаны, душенька, дѣлаются изъ пѣтушьихъ перьевъ.»

«Какъ будто это не все равно, mon frère? Развѣ пѣтухъ не братъ курицы?»

— «Такъ, но не совсѣмъ такъ. Напримѣръ: ты мнѣ сестра, а не смѣшно ли бъ было, если бы кто нибудь, принимая одну за другаго, сказалъ, что у Ольги прекрасные усы? Однако, что далѣе?»

«Чѣмъ далѣе, тѣмъ ближе къ моему ребячеству. Ты, я думаю, помнишь, братецъ, съ какой снисходительностію распрашивалъ князь о моихъ урокахъ, о моихъ занятіяхъ; какъ ясно поправлялъ мои заблужденія и, мутя, развивалъ мои мысли, училъ доброму, и такъ просто, такъ понятно! Я боялась ошибиться передъ нимъ болѣе, чѣмъ передъ своими учителями — за то мнѣ было такъ весело, когда онъ хвалилъ меня! Больше всего я любила слушать историческіе его анекдоты — онъ очень мило ихъ разсказывалъ. Я плакала, слушая о бѣдствіяхъ Маріи Стюартъ! Я привыкла ненавидѣть коварную Елисавету, хоть ее и называютъ доброю и премудрою. Я научи-

лась любить Генриха IV, отца и друга своихъ подданныхъ, за то, что будучи добрымъ царемъ, онъ не разучился быть добрымъ человѣкомъ. Князь заставилъ меня восхищаться геніемъ нашего Великаго ПЕТРА, скромнаго въ счастіи, неколебимаго въ бѣдѣ — и всего болѣе подъ Прутомъ, когда онъ пишетъ указъ Сенату не слушать его впредь, если онъ, принужденный Турками, повелитъ что нибудь недостойное себя или Россіи. Гдѣ найдемъ мы примѣръ чистѣйшаго самоотверженія, высшей любви къ отечеству!! Ахъ, братецъ, я очень люблю князя!»

«Въ самомъ дѣлѣ, Ольга?» сказалъ Стрѣлинскій, и погрузился въ думы, равно объ Ольгиномъ, какъ и своемъ будущемъ. «Не будь этого проклятаго письма отъ Репетилова къ Гремину,» думалъ онъ, «и мы оба могли быть счастливы; я съ Алиной, онъ съ Ольгою. Ни мнѣ нельзя желать лучшаго зятя, ни ему лучшей жены. Одна только кротость Ольги можетъ умѣрить вспыльчивость его характера; только съ нею нашелъ бы онъ покой, о которомъ напрасно мечтаетъ: свѣтская женщина — вѣчно будетъ ему виной сомнѣній и ревности. Теперь совсѣмъ иное дѣло. Я не опасаюсь прежней привязанности Гремина, но его всегдашняго упрямства. Онъ го-

товъ увѣрять меня и увѣрить себя, что влюбленъ до безумія .... вотъ уже два раза я писалъ къ нему — и нѣтъ отвѣта; это что нибудь да значитъ! Но какъ бы то ни было — я не уступлю Алины другому, даже другу, ни за какія блага, ни отъ какихъ бѣдъ въ мірѣ! Любитъ или притворяется она, что любитъ меня, но должна быть моею, не смотря ни на что минувшее, ни на что будущее. Я рѣшился.»

VI.

«Такъ! я мечтатель, я дитя,
Мой замокъ карты:—но не вы ли
Его построили, шутя,
И насмѣхаясь, разорили!»

Въ книгѣ любви всего милѣй страница *ошибокъ;* по всему своя пора. Теперь Алина была уже не та шестнадцатилѣтняя, неопытная женщина, увлеченная потокомъ примѣровъ и обольстительною логикою обожателей, — которая, обрадована первой связью, какъ новою игрушкой, и воображая себя героинею романа, писала страстныя письма къ князу Гремину. Съ тѣхъ поръ, однакожъ, только въ этомъ могла она упрекать себя, только надъ этимъ могъ подшучивать Стрѣлинскій, хотя онъ, движимый ревностію, шпарилъ землю и воздухъ, желая узнать что нибудь похожаго на любовь въ цѣлой жизни графини. Строгость настоящаго ея поведенія была при-

мѣрна въ отношеніи ко всей молодежи, которая вилась около нея. Едва кто нибудь изъ нихъ переступалъ границу шутки, едва произносилъ одну влюбленную ноту, не только слово, — мыльный дождь нравоученія и градъ насмѣшекъ разражались надъ головой селадона. Привыкнувъ за границею обходиться непринужденно съ мужчинами, она никогда не дозволяла ихъ вольности превращаться въ своеволіе, и между тѣмъ, какъ ея красота и любезность привлекали всѣхъ, ея осторожность держала всѣхъ въ почтительномъ отдаленіи. Стрѣлинскій, правда, составлялъ исключеніе, но и онъ уже не разъ испыталъ на себѣ, что природа и свѣтская любовь не дѣлаютъ скачковъ, а потому, какъ ни увѣренъ былъ, что его любятъ взаимно, но роковое слово: «люблю!» двадцать разъ замирало на устахъ, прежде, чѣмъ онъ выговорилъ, какъ будто съ нимъ онъ долженъ былъ разсыпаться, какъ кладъ отъ аминя. И графиня то же, какъ и всякая женщина, казалось, испугана этимъ словомъ — «люблю васъ,» какъ выстрѣломъ, — какъ будто каждая въ немъ буква составлена изъ гремучаго серебра! И какъ ни приготовлена была она къ объясненію, какъ ни увѣрена была, что это должно случиться *рано или поздно* — но вся кровь ея сердца

ыхнула въ лицо, когда Стрѣлинскій, улучъ гибкую минуту, съ трепетомъ открылъ бовь свою!... Оставляю читателямъ дорисать и угадать продолженіе этой сцены. Я аю, каждый со вздохомъ или съ улыбкою сетъ припомнить и помѣстить въ нее отки подобныхъ сценъ своей юности — и ждый ошибется немного.

Прелестны первыя волненія и восторги асти, когда неизвѣстность воздвигаетъ чая бури сердца, но еще сладостнѣе покой довѣренность открытой взаимности. Товъ любви находимъ мы всѣ радости, всѣ шенія дружбы, самой нѣжнѣйшей, самой дупредительной, и если первый мѣсяцъ ка называютъ *медовымъ*, то первый мѣсяцъ рытой любви, по всѣмъ правамъ, именовать кно *нектарнымъ* — это небосклонъ послѣ зы: свѣтлый, но безъ зноя, прохладный ъ облаковъ.

Слившись сердцами, графиня и Стрѣлинкій вкушали нѣгу сего лучшаго возраста бви, не отнимая устъ отъ чаши. Прямой, ровенный, благородный характеръ маіора ько по наружности казался противорѣчіемъ утонченнымъ, свѣтскимъ обращеніемъ граии. Какъ скоро взаимное уваженіе и серд*ечная теплота* растопили оковы приличій,

или, лучше сказать, принужденностей, нѣжная искренность и беззавѣтное довѣріе заступили въ ней мѣсто недоступности и тонкаго злословія. — Даже робость, несомнѣнный признакъ истинной любви, замѣнила самоувѣренность. Совѣтъ Валеріана сдѣлался ей необходимъ для самыхъ бездѣлокъ въ выборѣ нарядовъ; его одобреніе на каждый шагъ въ обществѣ, его доброе мнѣніе для всѣхъ протекшихъ и настоящихъ случаевъ жизни. Въ одинъ-то изъ подобныхъ часовъ изліяній душевныхъ, Алина рука съ рукой подлѣ Стрѣлинскаго, любуясь выразительными его очами, говорила: «Валеріанъ! свѣтъ можетъ осуждать меня за легкомысліе первыхъ лѣтъ моего замужства, но твое сердце меня оправдаетъ. Въ пятнадцать лѣтъ меня посадили за столомъ, подлѣ какого-то старика, котораго запомнила я только по чудесной табакеркѣ изъ какой-то раковины. Ввечеру мнѣ очень важно сказали: «Онъ твой женихъ: онъ будетъ твоимъ супругомъ;» но что такое женихъ? что такое супругъ? мнѣ и не подумали объяснить, и я мало заботилась распрашивать. Мнѣ очень понравилось быть невѣстою; — какъ дитя, я радовалась конфектамъ и нарядамъ и всѣмъ бездѣлкамъ, которыя мнѣ дари-

Когда онъ подарилъ мнѣ прелестные золотые часы, потому что въ недавно брошенныхъ мною игрушкахъ были только оловянные. Наконецъ я стала женою, не переставъ быть ребенкомъ, не понимая, что такое обязанности супружества и, признаюсь, по тому только замѣтила перемѣну состоянія, что меня стали величать «вашимъ сіятельствомъ.» Долго не замѣчала я, что мужъ мой мнѣ не пара, ни по лѣтамъ, ни по чувствамъ. Для визитовъ мнѣ было все равно, съ кѣмъ ни сидѣть въ каретѣ; дома же онъ слишкомъ занятъ былъ своими недугами, а я своими забавами и гостями. Однако же въ семнадцать лѣтъ заговорило и сердце .... оно стѣснилось невѣдомою грустію, желало чего-то непонятнаго: это была потребность любить, и я полюбила во всей невинности души. Ты знаешь, кто былъ предметомъ этой склонности .... и я благодарю Провидѣніе, что оно судило мнѣ встрѣтиться съ человѣкомъ благороднымъ, который не думалъ, не только не желалъ употребить во зло мою неопытность. Скорая разлука показала однако жъ мнѣ, какъ ошиблась я въ своихъ чувствахъ. Я приняла за любовь желаніе нравиться, желаніе предпочтенія отъ человѣка, предпочитаемаго другими. Тщеславіе, *и охота быть, какъ* другія, довершили

кружение головы; я увѣрила себя, что страстно люблю князя Гремина, потому, что онъ казался мнѣ достойнымъ такой любви. Можетъ статься, если бы онъ поддержалъ такое расположеніе перепискою, я привыкла бы къ этой мечтѣ, будто къ чувству, и вѣрность, которую обожала я, какъ достойная поклонница сантиментализма — могла бы вовсе перемѣнить судьбу мою. Но онъ, едва мы разстались, оказался весьма невнимателенъ; — я была отъ того внѣ себя, называла это холодностію, укоряла въ неблагодарности, въ измѣнѣ — и забыла его скорѣе, чѣмъ надѣялась. За границею, чаще сама съ собою, чаще съ людьми образованными — я почувствовала необходимость чтенія и жажду познаній. Хорошія книги и еще лучше примѣры и совѣты женщинъ, умѣвшихъ сочетать свѣтскія качества съ высокими правилами, убѣдили меня, что и не любя мужа, должна любить долгъ супружества, и что величайшее изъ несчастій есть потеря собственнаго уваженія. Кочевая жизнь не давала мнѣ даже случая къ постояннымъ знакомствамъ, и сердце мое только во снѣ видѣло счастіе: въ вихрѣ забавъ, въ кругу искателей, я осталась свободна. Мужъ мой умеръ, и я цѣлый годъ траура провела въ уединеніи, съ немногими

подругами, читая въ собственномъ сердцѣ помощію книгъ, и разгадывая книги по сердцу: это возродило меня. Я постигла тогда умомъ, что до тѣхъ поръ заключалось въ чувствѣ; увѣрилась, что благополучіе есть невинность и находится въ насъ самихъ. Я не разлюбила ни удовольствій, ни выгодъ свѣта; но крайней мѣрѣ я могла бы теперь лишиться ихъ, если не безъ сожалѣнія, то безъ ропота. По возвращеніи въ Россію, обязанности къ роднымъ и обществу не дали мнѣ времени образумиться..... Меня засыпали привѣтствіями и приглашеніями, лестью и любезностію — но я уже предохранена была отъ этого чадуя знала, что всякая Парижская новинка, хоть на мигъ, но всегда увлекаетъ вниманіе публики, а поклонники въ нѣсколько вечеровъ успѣли наскучить своими переслащенными фразами — такъ, что я больше, чѣмъ когда нибудь, почувствовала пустоту сердца. Совершенная безхарактерность молодыхъ людей нашихъ, «эти образы безъ лицъ,» нашли на меня неизъяснимую тоску. Я ужаснулась, не найдя Русскихъ въ Россіи. Простительно быть легкомысленнымъ еще во Франціи, гдѣ на каждомъ шагу находишь пищу любопытству, разсѣянію, самой лѣни; гдѣ каждая бездѣлка носитъ на себѣ печать образованности,

и даже глупость не лишена остроумія. Но можно представить себѣ, какъ несносны слѣпки Парижскаго міра въ Россіи, гдѣ можно толковать только о томъ, чего у насъ нѣтъ, и гдѣ половина общества не понимаетъ, что сама говоритъ, а другая, что ей гововорятъ: одна, поторопившись выучить привозное, какъ попугай, другая опоздавъ учиться, отъ застарѣлыхъ предразсудковъ. Въ это время — я встрѣтилась съ тобою, и до сихъ поръ не умѣю себѣ объяснить, какой судьбой я такъ быстро увлеклась сердцемъ? Признаюсь, обманутая ростомъ и голосомъ, я сначала приняла тебя за Гремина: я сгарала любопытствомъ, желая увѣриться въ своей догадкѣ — скоро къ нему примѣшались чувства нѣжнѣйшія. Я вѣрила и не вѣрила, что ты Греминъ; не столько воспоминаніе прошлаго, какъ прелесть новости заманивала меня далѣе и далѣе. Я должна была сердиться на князя, но вмѣсто того, была благосклонна къ новому знакомцу. Я должна была обходиться осторожнѣе съ незнакомымъ, и довѣрилась какъ старому другу; — однимъ словомъ, я не знала, что говорила и дѣлала!.... остальное тебѣ извѣстно, милый Валеріанъ..... и Богъ тебѣ судья, если когда нибудь заставишь меня раскаяться въ любви моей!»

Валеріанъ былъ восторженъ; ему казалось, гармоническая музыка сферъ гремѣла тушъ его благополучію, и онъ, съ пылкостію юноши цѣлуя оставленную ему руку, хотѣлъ, по гусарской привычкѣ, клясться всѣмъ, что есть и чего нѣтъ на свѣтѣ, въ неизмѣнности любви своей, — но Алина остановила этотъ порывъ достовѣрности. «Не клянись, Валеріанъ,» сказала она съ нѣжностію: — «клятва почти всегда неразлучна съ измѣной — я знаю это на опытѣ. Я больше вѣрю благородству твоихъ чувствъ, нежели порукѣ звуковъ, волнуемыхъ и уносимыхъ вѣтромъ: мы уже не дѣти.»

Съ обѣихъ сторонъ дѣлались приготовленія къ браку, хотя о немъ еще не было прямыхъ условій. Валеріану однако же, они были необходимы: онъ начерталъ планъ для будущей жизни, которая вовсе не могла понравиться графинѣ, и о которой колебался онъ открыть ей. Между тѣмъ, какъ товарищи и пріятели считали его только вѣтренникомъ, заботливымъ, какъ прожить свои доходы — онъ втайнѣ дѣлалъ всѣ пожертвованія для улучшенія участи крестьянъ своихъ, которые, какъ большая часть господскихъ, достались ему полураззореннымъ и полуиспорченнымъ въ нравственности. Онъ скоро убѣдился, что

нельзя чужими руками и наемною головою устроить, просвѣтить, обогатить крестьянъ своихъ, и рѣшился уѣхать въ деревню, чтобы упрочить благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ себѣ подобныхъ, раззоренныхъ барскимъ нерадѣніемъ, хищностью управителей и собственнымъ невѣжествомъ. У него не было недостатка ни въ деньгахъ для обзаведенія, ни въ доброй волѣ къ исполненію, ни въ познаніяхъ сельскаго хозяйства — пріобрѣтенію коихъ посвятилъ онъ всѣ досуги свои; недоставало только опытности, — но она приходитъ сама собою; притомъ, первую пѣсенку не стыдно спѣть и зардѣвшись, говоритъ пословица. Мысль облегчить, усладить свои будущія заботы любовью милой подруги, и согласить долгъ гражданина съ семейственнымъ счастіемъ, ласкала Валеріана; однако же, не смотря на силу страсти, намѣренія его были тверды; въ важныхъ обстоятельствахъ жизни онъ умѣлъ владѣть собою; но чѣмъ непреклоннѣе была воля его, тѣмъ нерѣшительнѣе становился онъ открыть ее Алинѣ. Онъ чувствовалъ, какой жертвы требовалъ; зналъ, какъ трудно для молодой, прекрасной и богатой женщины отказаться отъ свѣта; «но это будетъ испытаніемъ ея привязанности,» думалъ онъ. «Если жъ нѣтъ? — Нѣтъ! Женщина, которая

предпочтетъ мнѣ свѣтскую жизнь — не знаетъ и не стоитъ истинной любви.» Скоро представился и случай къ объясненію.

Это было на масляницѣ, послѣ катанья съ Англійскихъ горъ. Ледяныя горы, милостивые государи, есть выдумка, достойная адской политики, на зло всѣмъ старымъ родственницамъ и ревнивымъ мужьямъ, которые ворчатъ и ахаютъ, но терпятъ все, покорствуя тиранкѣ-модѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы не подивился, что тѣ же самыя недоступныя дѣвицы, которыя не смѣютъ перейти черезъ бальную залу безъ покровительницы, тѣ же самыя дамы, которыя отказываютъ опереться на руку учтиваго кавалера, когда садится онѣ въ карету, весьма вольно прыгаютъ на колѣни къ молодымъ людямъ, долженствующимъ править на полету аршинными ихъ санками внизъ горы и по льду раската. Между тѣмъ, чтобы сохранить равновѣсіе, надобно порой поддержать свою прекрасную спутницу — то за стройный станъ, то за нѣжную руку. Санки летятъ влѣво и вправо, воздухъ свищетъ.... ухабъ.... сердце замерло и рука невольно сжимаетъ крѣпче руку: и матушки дуются, и мужья грызутъ ногти, и молодежъ смѣется; но *всѣ, отъѣзжая* домой, говорятъ: «Ah! que

c'est amusant!» хоть едва ли половина это думаетъ.

Валеріанъ и графиня конечно были в сей половинѣ, потому что возвратились съ катанья очень довольны — прогулкой и другъ другомъ, и холодъ, казалось, только возбудилъ обоихъ любовниковъ къ особенной нѣжности. — Стрѣлинскій избралъ этотъ часъ къ рѣшительному откровенію, и предувѣдомивъ Алину, что такъ какъ дѣло идетъ о благополучіи ихъ обоихъ на всю жизнь—то онъ не хочетъ прибѣгать ни къ какимъ околичностямъ, ни къ какимъ сѣтямъ льстивой логики или цвѣтамъ краснорѣчія, дабы убѣдить или увлечь ее, но просто изложитъ свои намѣренія, и проситъ только одного, чтобъ она безпристрастно обсудила ихъ, и откровенно сказала на то отвѣтъ свой. «Вонервыхъ, милая Алина:» сказалъ онъ, я рѣшился оставить службу, для исполненія другихъ обязанностей отечеству, которыя надѣюсь выполнить лучше, прямѣе и полезнѣе, нежели обязанности воина въ мирное время.»

Алина вздохнула и покинула кисточку темляка, которымъ играла она. «Но развѣ ты, другъ мой, не можешь служить отечеству по части гражданской или дипломатической?»

произнесла она почти просительнымъ голосомъ.

«Я недовольно приготовленъ, чтобъ быть полезнымъ, какъ Судья; службу въ Департаментахъ считаю механическою, а быть дипломатомъ несовмѣстно ни съ моими склонностями, ни съ моими правилами. Во вторыхъ, *мы* оставимъ столицу.»

Алина молчала.

«Въ третьихъ» — тутъ Валеріанъ развилъ предъ нею подробный чертежъ своихъ замысловъ, для устройства имѣнія, для усовершенствованія земледѣлія и заводовъ, для образованія крестьянъ своихъ; показалъ, какъ благодѣтелемъ будетъ примѣръ его для всего человѣчества и для окружныхъ помѣщиковъ въ особенности. Но когда объявилъ, что все это требуетъ неусыпнаго и безотлучнаго надзора, свѣтлое чело Алины подернулось думою, и она опустила руку Валеріана. «И это рѣшительно?» спросила она печально.

«Рѣшительно. Подробности будутъ зависѣть отъ воли Алины Александровны, но цѣлое остается нерушимымъ. На краткое время мы будемъ пріѣзжать въ которую нибудь изъ столицъ, но только на краткое время.»

— «Мои совѣты и мнѣнія, слѣдовательно,

теперь безполезны,» сказала Алина, нѣсколько тронутая.

«Но твое согласіе необходимо къ моему счастію, обожаемая Алина! Съ тобой каждая минута ознаменована будетъ для меня новымъ блаженствомъ, какъ для всѣхъ окружающихъ насъ, добрыми дѣлами. Ты будешь ангеломъ красоты и доброты для меня и для всего, чѣмъ я владѣю. О! не разрушь рая, мною созданнаго, которымъ я такъ долго ласкалъ свое сердце . . . милая, безцѣнная Алина! я жду приговора. Въ искреннемъ отвѣтѣ твоемъ моя судьба: могу или нѣтъ назвать тебя моею?»

— «Черезъ три дня ты узнаешь мой рѣшительный отвѣтъ, Валеріанъ; только дай мнѣ слово, не говорить со мной, не писать ко мнѣ не искать случаевъ со мною встрѣтиться во все это время. Я хочу обдумать все на свободѣ, удаленная отъ вліянія страстей.»

«Жестокая женщина! три дня — вѣкъ для влюбленнаго!» — «Жестокій человѣкъ! деревня — вѣчность для женщины!»

Съ этимъ словомъ Алина исчезла.

«Понимаю!» сказалъ Стрѣлинскій съ горькою усмѣшкою, между тѣмъ, какъ холодный потъ проступалъ на его сердцѣ — и тихими стопами вышелъ изъ комнаты графини.

VII.

Burleigh. Ihr wart es doch, der hinter meinem Rücken
Die Königin nach Fotheringschloss
Zu locken wusstet?
Leicester. ..... Hinter eurem Rücken?
Wann scheuten meine Thaten eure Stirn?

Schiller.

«Подполковникъ князь Гремин!» провозгласилъ слуга, позвѣщая гостя тетку Стрѣлинскаго, которая, сидя одна въ гостиной, раскладывала grande-patience. «Прикажете принять-съ?»

«Милости просимъ,» отвѣчала она, снимая очки и расправляя шаль свою. «Видно, князь недавно въ Петербургѣ?» прибавила она.

— «Только вчера съ дороги-съ. *Они* хотѣли видѣть Валеріана Михайловича; однако жъ, когда узнали, что вы *не выѣхали*, просили доложиться.» Сказавъ это, слуга поспѣшилъ пригласить пріѣзжаго.

Князь Гремин, котораго долгъ службы
ержалъ во фронтѣ, вопреки всѣхъ его на-
ждъ и просьбъ и желаній, долженъ былъ
сти полкъ на другія квартиры, на границу
ятвы, и онъ тѣмъ скорѣе помирился съ судь-
ю, что обязанности по дѣламъ хозяйства и
нятій строя, и новыя знакомства въ кругу
льскихъ дворянъ, давали ему тысячу раз-
ечній и забавъ. Онъ бы, вѣроятно, и во-
е отдумалъ ѣхать въ отпускъ, если бы внез-
пная смерть одного изъ дѣдовъ въ Петер-
ргѣ не призвала его туда, для полученія
слѣдства и всѣхъ хлопотъ, съ послѣдствами
разлучныхъ. Пылкій только на день въ пре-
ѣдованіи замысловъ, внушенныхъ прихотью
онъ не слишкомъ дивился молчанію Стрѣ-
нскаго, и очень покоенъ сердцемъ пріѣхалъ
столицу. Но когда на него полились но-
сти о близкомъ бракѣ Валеріана съ графи-
ю Звѣздичъ, онъ былъ оглушенъ и раздра-
ъ этимъ водоворотомъ. Ревность его про-
дилась. Мысль, что онъ въ этой связи и-
алъ смѣшную роль Криспина, привела его
бѣшенство: удача Стрѣлинскаго, которую
ъ величалъ измѣною и коварствомъ, вызва-
его на месть. Въ этихъ враждебныхъ
сляхъ поскакалъ онъ въ домъ прежняго
уга, чтобы излить на него всю желчь свое-

го негодованія; такъ-то злонаправленныя страсти и худопонятыя правила чести превращаютъ самыя благородныя существа въ кровожадныхъ звѣрей! Не заставъ дома Валеріана, князь однако же почелъ неприличнымъ не засвидѣтельствовать почтенія его теткѣ, и вотъ, скрывъ досаду свою, какъ благовоспитанный офицеръ, пробирался онъ въ гостиную, не брякнувъ ни саблей, ни шпорами — но въ залѣ онъ невольно остановился, увидѣвъ и услышавъ Ольгу, когорая, ничего не зная о гостѣ, и ничему не внимая вокругъ себя, пѣла слѣдующее, акомпанируя чистый, выразительный голосъ свой звуками фортепіана:

Скажите мнѣ: зачѣмъ пылаютъ розы
Эоирною душею, по веснѣ,
И мотылька на утреннія слезы
Манятъ, зовутъ привѣтливо онѣ?
Скажите мнѣ!

Скажите мнѣ, не звуки ль поцѣлуя
Даютъ свою гармонію волнѣ?
И соловей, плѣнительно тоскуя,
О чемъ поетъ во мглѣ и тишинѣ?
Скажите мнѣ!

Скажите мнѣ, зачѣмъ такъ сердце бьется,
И чудное мнѣ видится во снѣ:
То грусть по мнѣ холодная прольется,
То я горю въ томительномъ огнѣ?
Скажите мнѣ!

Ольга умолкла; но князь еще слушалъ, и между тѣмъ, какъ персты ея перебѣгали, фантазируя, по клавишамъ, его взоры точно также странствовали по всѣмъ чертамъ пѣвицы. Онъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, чтобы это была та самая Ольга, которую онъ такъ любилъ, какъ дитя, которую покинулъ, когда она едва становилась дѣвушкою, и которая теперь предстала ему во всемъ блескѣ, въ полномъ цвѣтѣ очаровательныхъ прелестей! Онъ любовался и стройнымъ станомъ ея, и аттическою формою рукъ, и высокимъ челомъ, на коемъ колебались гроздія русыхъ кудрей, и яхонтовыми ея очами, въ коихъ сквозь дымку мечтательности — сверкали искры души, вмѣстѣ гордой и нѣжной; ея лицемъ, на коемъ разлитъ былъ тонкій румянецъ, какъ юное утро Мая, и невинная безпечность съ глубокою чувствительностію; брови ея такъ выразительно подняты были думою, уста ея такъ мило сомкнуты улыбкой!.... казалось, она усмѣхалась дѣвственнымъ мечтамъ своимъ — созданіямъ пробуждающейся любви; казалось, она ловила взорами отдаленное въ очарованный кругъ фантазіи, которая, подобно часовой стрѣлкѣ, пробѣгаетъ время и пространство, не удаляясь отъ средоточія своего, сердца... и все было прелестно въ ней... и вол-

шебство звуковъ, проникающихъ душу, и краснорѣчіе безмолвія, плѣняющее взоръ. Это не было уже земное существо для Гремина; это былъ идеалъ совершенства. Онъ тогда только прервалъ свое созерцательное молчаніе, когда Ольга, повторяя въ задумчивости припѣвъ пѣсни, въ полголоса произнесла: «скажите мнѣ!»

«Я могу только то сказать вамъ, сударыня,» сказалъ Греминъ съ чувствомъ: «что вы поете, какъ ангелъ.»

Ольга вспрянула съ крикомъ радостнаго изумленія..... «Ахъ! Боже мой, это вы, князь Николай! Вообразите себѣ: я сей часъ о васъ думала — и вы передо мной, какъ будто мысль моя перенесла васъ въ столицу!» Яркій румянецъ вспыхнулъ розами на щекахъ Ольги.

«Вотъ доказательство, что вы можете творить чудеса, Ольга Михайловна! И вы еще не забыли меня?»

— «Я не такъ вѣтрена, князь Николай, чтобъ позабыть своего кузена и наставника.»

«Считаю себя счастливымъ, удостоясь вниманія особы, столь полной совершенствъ!»

— «Скажите, князь: неужели правда, есть игрушка, пригодная только малолѣтнымъ?

Вы сами учили меня всегда говорить
— а теперь, когда я въ состояніи цѣнить ее, говорите мнѣ комплименты. — Но крайней мѣрѣ я искренно скажу вамъ, что мнѣ пріятно бывало думать о васъ, потому что мысль эта неразлучна съ воспоминаніемъ самой счастливой поры моей — жизни въ монастырѣ.»

«Мнѣ кажется, сударыня, вы бы скорѣе могли обвинить обманчивый свѣтъ, вселившій вамъ недовѣрчивость, скорѣе скромность свою тѣмъ правдивость.»

— «Полно-те ссориться, князь Николай — и еще въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Я рада вамъ тѣмъ болѣе, что вы пріѣхали, какъ нарочно, помочь намъ развеселить братца: онъ два дня самъ не свой; печаленъ и сердитъ и прихотливъ, какъ никогда въ жизни. Но тетушка вѣрно ждетъ васъ, пойдемъ-те!»

Князь былъ принятъ, какъ родной. Доброта почтенной тетки Стрѣлинскаго и чистосердечная веселость, непринужденное остроуміе Ольги очаровали его. Часъ мелькнулъ, какъ минута, и негодованіе его вовсе было утихло — какъ вдругъ голосъ усатаго слуги: «Валеріанъ Михайловичъ пріѣхалъ и проситъ къ [illegible]олошину» — бросилъ всю кровь въ

голову князя; онъ раскаявался и поспѣшилъ къ Валеріану.

Валеріанъ съ распростертыми объятіями встрѣтилъ Гремина. «Только тебя не доставало, милый князь,» вскричалъ онъ: «чтобы посмѣяться удачѣ нашихъ предпріятій и поздравить меня съ роковымъ успѣхомъ!»

«Я пріѣхалъ не поздравлять *васъ*, господинъ Стрѣлинскій,» отвѣчалъ Греминъ насмѣшливо-холодно, отступая, чтобы уклониться отъ объятій. «Я пріѣхалъ только поблагодарить васъ за ревностное участіе въ моемъ дѣлѣ.»

— «Вы? господинъ Стрѣлинскій? право я не понимаю тебя, Греминъ!»

«За то я очень хорошо васъ понялъ, слишкомъ хорошо васъ узналъ, господинъ маіоръ!»

Во всякое другое время Стрѣлинскій никакъ бы не разсердился на обидную вспыльчивость друга, и вѣроятно шутками укротилъ и пересилилъ бы гнѣвъ его; но теперь, огорченный самъ холодностію графини, колеблемъ сомнѣніями, подзигаемъ ревностію, пошелъ на встрѣчу непріятностей, рѣшась платить насмѣшкой за насмѣшку, и дерзостью за дерзость. — «Отъ этого-то вы и ошиблись: все *что слишкомъ* — обманчиво. Не угодно ли

присѣсть, ваше сіятельство! Начало вашего привѣта похоже на правоученіе — а я не умѣю спать стоя.»

«Я постараюсь сказать вамъ такія вещи, господинъ маіоръ, которыя лишатъ васъ на долго охоты ко сну.»

— «Очень любопытенъ знать, что бы такое помѣшало моему сну, когда меня убаюкиваетъ чистая совѣсть!»

«О! вы невинны, какъ шестинедѣльный младенецъ, какъ церковная ласточка! Напрасно было бы и осуждать человѣка, у котораго совѣсть или нѣма, или принуждена молчать.»

— «Я не беру на свой счетъ этихъ рѣчей, князь; мой языкъ не имѣетъ причинъ разногласить съ совѣстію, именно потому, что она свѣтлѣе клинка моей сабли. Скажите лучше по-дружески и безъ обиняковъ: чѣмъ заслужилъ я такой гнѣвъ вашъ?»

«По-дружески? Мнѣ право странно, что вы, разрывая всѣ узы, всѣ обязанности дружества — опираясь на него, требуете довѣрія! Впрочемъ, вы живете нынѣ въ большомъ свѣтѣ, гдѣ любятъ давать векселя на имѣніе, котораго давно нѣтъ.»

— «Князь! вы огорчаете меня своимъ *правымъ обвиненіемъ* болѣе, чѣмъ обидны-

ми выраженіями. Но будьте хладнокровны и разсмотрите пристальнѣе, чѣмъ виноватъ я противъ васъ? Вспомните, кто предложилъ мнѣ испытаніе, кто неотступно требовалъ моего согласія, кто принудилъ взяться за эту роковую порученность? Это были вы, князь, вы сами. Я убѣждалъ васъ отказаться отъ подобнаго предпріятія — я вамъ предсказывалъ все, что могло случиться — и случилось волею судьбы. Сердцемъ *не льзя* владѣть по произволу.»

«Но *должно* владѣть своими поступками. Такъ, милостивый государь! я просилъ, я убѣждалъ, я заставилъ васъ взяться за это дѣло; но въ качествѣ друга, вы бы могли сами разсудить несообразность такой просьбы, и поправить мою ошибку, вмѣсто того, чтобъ ее увеличивать, ловить на нее свои выгоды, и употреблять во зло мое довѣріе; мы всегда худые судьи въ собственныхъ дѣлахъ, но безстрастный и безпристрастный взоръ дружбы доженствовалъ бы соблюдать мою пользу, а не прихоти.»

— «Странно, право, что вы дѣлаете для себя монополію изъ своихъ правилъ. Мы худые судьи въ своемъ дѣлѣ — это чистая правда, и я самъ могъ уплечься любовью, которую хотѣлъ только испытать.»

«Вы должны были предупредить это, или по крайней мѣрѣ удалиться, замѣтивъ опасность для самаго себя — но нѣтъ — вамъ угодно было осѣдлать судьбу для извиненія своей двуличности и утѣшать меня, какъ зловѣщая птица, старинною пѣснею свѣтскихъ друзей: «я говорилъ тебѣ: быть худу! я тебѣ предсказывалъ! я предупреждалъ тебя!»

— «Не забудьте, князь Греминъ, что я взялся быть вашимъ испытателемъ, но не стряпчимъ . . . . и не строилъ себѣ дороги изъ развалинъ Вавилонскаго вашего столба къ небу.»

«Поздравляю васъ, господинъ Стрѣлинскій, съ этимъ небомъ; но признаюсь, ему не завидую. Я уже излечился отъ охоты искать своего счастія въ женщинѣ, которой привязанность измѣнчива, какъ цвѣтъ хамелеона; и въ доказательство — вотъ какъ цѣню я подарки и памятки ея!» Съ этимъ словомъ онъ бросилъ въ пылъ камина письмо и перстень графини.

— «Нельзя не похвалить васъ за такую рѣшимость, князь: немного ранѣе она была бы еще больше кстати. Графиня забыла васъ такъ же, какъ и вы ее — очень

скоро послѣ разлуки. Все это было — дѣтская прихоть.»

«Прошу избавить меня, господинъ маіоръ, равно отъ вашихъ похвалъ и откровеній. Мы не Дафнисъ и Меналкъ, чтобы вести словесную войну за вопросъ, кого она любитъ или не любитъ. Только не радуйтесь и вы своимъ торжествомъ ..... женщинѣ, измѣнившей одному, легко измѣнить и другому и третьему.»

— «Будьте скромнѣе на счетъ графини, Греминъ! Я сносилъ многое за самаго себя, но когда вы дерзаете нападать на доброе имя дамы — это выходитъ и выводитъ изъ границъ самаго уступчиваго терпѣнія..... я не ангелъ.»

«Очень вѣрю. Я также далекъ отъ этой мысли, какъ вы отъ этого достоинства .... но угрозы ваши мнѣ забавны, господинъ маіоръ.»

— «А мнѣ жалокъ вашъ характеръ, господинъ подполковникъ!

«Нельзя ли узнать, почему вы удостоиваете меня своимъ сожалѣніемъ?»

— «Потому, что вы ослѣплены пустымъ тщеславіемъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ, безстрастною ревностію, а быть можетъ, и самою мелочною завистью — скачете за ты-

сачу пороть, для того, чтобъ огорчить, обидѣть, уязвить человѣка, который до сихъ поръ любилъ и уважалъ васъ.»

«Вы мнѣ доказываете любовь свою даже и этими рѣчами, господинъ Стрѣлинскій; что же касается до нашего уваженія, я только раскаиваюсь, что прежде цѣнилъ его, и теперь оно столько же для меня занимательно, какъ вѣтеръ въ Барабинской степи..... Прекрасное дружество!..... почти жениться .... и не написать мнѣ ни строчки ..... оставить меня въ такомъ невѣдѣніи, что я узналъ о свадьбѣ вашей отъ трактирныхъ маркеровъ!»

— «Я писалъ къ вамъ два раза, но вѣроятно переходъ полка замедлилъ доставку писемъ; а что до свадьбы моей, городскіе слухи опередили правду. Статься можетъ, она никогда не состоится. Я до сихъ поръ не завѣрилъ словомъ въ совершенномъ согласіи графини.»

«Вы писали! Вы не увѣрены! я право не ожидалъ, чтобы вы такъ скоро выучились прибавлять ложь къ лицемѣрію!»

— «Ложь!» вскричалъ Стрѣлинскій, задыхаясь отъ гнѣва: «ложь! — одна кровь можетъ смыть это слово!»

«Почему же и не такъ!» отвѣчалъ князь презрительно, качаясь на стулѣ. Любовь и кровь старинная рюма.»

— »Это рѣшено ..... это конечно. Однако жъ не испытывайте меня долѣе, Гремин: не заставьте насказать вамъ такихъ вещей, которыя не должны быть произносимы между благородными людьми. Когда мы встрѣтимся?»

«И встрѣтимся конечно впослѣдніе — завтра. Кто бы изъ насъ не легъ — я всегда буду въ выигрышѣ, не дышать однимъ воздухомъ съ тѣмъ, кто заплатилъ мнѣ за всю дружбу такою....»

— «Удержитесь, князь! есть слова, за которыя не спасутъ васъ ни память прежней пріязни, ни кровля гостепріимства.»

«Вамъ очень пристало говорить о пріязни, когда вы превратили въ желчь о ней воспоминаніе. А что до правъ гостепріимства, я не вымаливаю у нихъ покровительства: моя сабля мнѣ лучшій защитникъ.»

— «Бросьте пустое хвастовство, князь Гремин; завтра, такъ завтра. Выстрѣлъ самый остроумный отвѣтъ на дерзости.»

«А пуля самая лучшая награда коварству. *Завтра* вы увѣритесь, что я не изъ

той ткани, изъ которой дѣлаются свадебныя подножки — и не бубновый тузъ, чтобы въ меня цѣлить хладнокровно. Мой секундантъ не замедлитъ посѣтить васъ сего дня же.»

— «Очень радъ!»

Друзья-недруги разстались, пылая гнѣвомъ.

VIII.

Я былъ отважно хладнокровенъ;
Но признаюсь — на утрѣ лѣтъ
Не весело покинуть свѣтъ,
И сердца бой не очень ровенъ,
Когда вопросомъ *«быть или нѣтъ?»*,
Вамъ заряжаютъ пистолетъ.

Ольга не могла сомкнуть глазъ въ теченіе цѣлой зимней ночи. Какъ ни мало извѣдала она свѣтъ: — но частые разсказы о поединкахъ уже познакомили ее съ этимъ кровавымъ предразсудкомъ; а необычайная угрюмость и принужденная шутливость брата, — вѣсть, что онъ очень крупно говорилъ съ княземъ Гремінымъ наединѣ, и позднее посѣщеніе незнакомаго офицера — возбудили въ душѣ ея всѣ опасенія и страхи. Не понимая причины — она видѣла возможность ссоры между братомъ и Гремінымъ. Далеко до зари — она была уже одѣта и бродила, какъ *тѣнь, по тихимъ* и пустымъ комнатамъ. Ужас-

ное сомнѣніе волновало грудь ея; она желала и страшилась узнать роковую истину, прислушивалась къ каждому шороху, къ каждому звуку. Нѣсколько разъ на цыпочкахъ прокрадывалась она къ братней половинѣ, но тамъ было все мертво и темно. Вдругъ конскій топотъ у крыльца привлекъ все ея вниманіе — бѣлый султанъ мелькнулъ у братней маленькой лѣстницы — и вѣщее сердце ея замерло .... тяжкое предчувствіе оледенило кровь. Она слышала говоръ въ ближней комнатѣ, и не смѣла слушать: — она хотѣла удалить безпадежную извѣстность, но братская любовь преодолѣла все. Притаивъ дыханіе, взглянула Ольга въ замочную скважину: противъ самыхъ дверей топилась печка и озаряла комнату багровымъ полусвѣтомъ своимъ. Старый слуга Валеріана плавилъ свинецъ въ желѣзномъ ковшѣ, стоя передъ огнемъ на колѣняхъ и лилъ пули — дѣло, которое онъ прерывалъ частыми молитвами и крестами. У стола какой-то артиллерійскій офицеръ обрѣзывалъ, гладилъ и примѣрялъ пули къ пистолетамъ. Въ это время дверь осторожно растворилась, и третье лице — кавалеристъ гвардеецъ, во-

«Я привезъ съ собою двѣ пары, одна Кухенрейтера, другая Лепажа: мы вмѣстѣ осмотримъ ихъ.»

— «Это нашъ долгъ, ротмистръ. Приготовили ли вы пули?»

«Пули дѣланы въ Парижѣ, и вѣрно съ особенною точностію.»

— «О, не надѣйтесь на это, ротмистръ! мнѣ ужъ случилось однажды попасть въ просакъ отъ подобной довѣрчивости. Вторыя пули — я и теперь краснѣю отъ *воспоминанія* — не дошли до полствола, и какъ мы ни бились догнать ихъ до мѣста — все напрасно. Противники принуждены были стрѣляться сѣдельными пистолетами — *величиной* едва не съ горный единорогъ, и хорошо, что одинъ попалъ другому прямо въ лобъ, гдѣ всякая пуля, и менѣе горошинки и болѣе вишни — производитъ одинаковое дѣйствіе. Но посудите, какому нарѣканію подверглись бы мы, ежелибъ эта картечь разбила въ дребезги руку или ногу?»

«Классическая истина!» отвѣчалъ кавалеристъ, улыбаясь.

— «У васъ полированный порохъ?»

«И самый мелкозернистый.»

— «Тѣмъ хуже: останьте его дома. Во первыхъ, для единообразія мы возьмемъ обыкновеннаго *винтовочнаго* пороху, во вторыхъ,

полированный не всегда быстро воспыхнаетъ, а бываетъ, что искра и вовсе скользитъ по немъ.»

«Какъ мы сдѣлаемся со шпеллерами?»

— «Да, да! эти проклятые шпеллеры вѣчно сбиваютъ умъ мой съ прицѣла, и не одного добраго человѣка уложили въ долгой ящикъ. Бѣдняга Л****ой погибъ отъ шпеллера въ глазахъ моихъ: у него пистолетъ выстрѣлилъ въ землю, и соперникъ положилъ его, какъ рябчика, на барьеръ. Видѣлъ я, какъ и другой охотникъ выстрѣлилъ на воздухъ, когда онъ могъ достать дуломъ въ грудь противника. Не позволить водить шпеллеромъ — почти невозможно — и всегда безопасно, потому что непріятное, даже невольное движеніе пальца можетъ навести его — и тогда хладнокровный стрѣлокъ имѣетъ всѣ выгоды. Позволить же — долго ли потерять выстрѣлъ? Шельмы эти оружейники: они, кажется, воображаютъ, что пистолеты выдуманы только для стрѣлецкаго клоба!»

«Однако жъ, не лучше ли запретить вашему шпеллеромъ? Можно предупредить господъ, какъ обращаться съ пружиной, а въ остальномъ положиться на честь. Какъ вы думаете, почтеннѣйшій?»

«Я привезъ съ собою двѣ пары, одна Кухенрейтера, другая Ленажа: мы вмѣстѣ осмотримъ ихъ.»

— «Это нашъ долгъ, ротмистръ. Пригоняли ли вы пули?»

«Пули дѣланы въ Парижѣ, и вѣрно съ особенною точностію.»

— «О, не надѣйтесь на это, ротмистръ! мнѣ ужъ случилось однажды попасть въ просакъ отъ подобной довѣрчивости. Вторыя пули — я и теперь краснѣю отъ воспоминанія — не дошли до полствола, и какъ мы ни бились догнать ихъ до мѣста — все напрасно. Противники принуждены были стрѣляться сѣдѣльными пистолетами — величиной едва не съ горный единорогъ, и хорошо, что одинъ попалъ другому прямо въ лобъ, гдѣ всякая пуля, и менѣе горошинки и болѣе вишни — производитъ одинаковое дѣйствіе. Но посудите, какому нареканію подверглись бы мы, еслибъ эта картечь разбила въ дребезги руку или ногу?»

«Классическая истина!» отвѣчалъ кавалеристъ, улыбаясь.

— «У васъ полированный порохъ?»

«И самый мелкозернистый.»

— «Тѣмъ хуже: оставьте его дома. Во первыхъ, для единобразія мы возьмемъ обыкновеннаго винтовочнаго пороху; во вторыхъ,

сквозь, не попредя внутренностей, если онѣ сохранятъ свою упругость; кромѣ того и рука натощакъ вѣрнѣе. Позаботились ли вы о четверомѣстной каретѣ? въ двумѣстной нельзя ни помочь раненому, ни положить убитаго.»

«Я велѣлъ нанять карету въ дальней части города, и выбрать попростѣе извощика, чтобы онъ не догадался и не далъ знать.»

— «Вы сдѣлали какъ нельзя лучше, ротмистръ; а то полиція не хуже ворона чуетъ кровь. Теперь объ условіяхъ: барьеръ по прежнему — на шести шагахъ.»

«На шести. Князь и слышать не хочетъ о большемъ разстояніи. Рана только на четномъ выстрѣлѣ кончаетъ дуэль — вспышка и осѣчка не въ число.»

— «Какіе упрямцы! пускай бы за дѣло дрались — такъ и не жаль пороху; а то за женскую прихоть и за свои причуды.»

«Много ли мы видѣли поединковъ за правое дѣло? — А то все за актрисъ, за карты, за коней или за порцію мороженаго.»

— «Признаться сказать, всѣ эти дуэли, которыхъ причину трудно или стыдно разсказывать, немного дѣлаютъ намъ чести. — И такъ ровно въ полдень, и за Выборгскою за-

«Въ полдень и тамъ. Не вдалекѣ отъ трактира, на второй верстѣ, гдѣ мы съѣдемся, влѣво отъ дороги, есть пустой и довольно свѣтлый токъ; въ немъ мы будемъ защищены отъ вѣтра и сверканія солнца. Я надѣюсь однако, что мы прежде, чѣмъ сведемъ ихъ, испытаемъ всѣ средства къ примиренію? — Смертной обиды между ними не было — и можетъ, намъ удастся кончить дѣло извиненіемъ.»

— «Я бы готовъ . . . цѣлый годъ принимать заряды вмѣсто того, чтобъ жечь ихъ, если бъ удалось намъ это: но, признаюсь, мало имѣю надежды на успѣхъ. Говорить соперникамъ о мирѣ, когда они поѣхали на поле, все равно, что давать лекарство мертвецу. Пули твои никуда не годяться!» вскричалъ истерѣливо старику-слугѣ артиллеристъ, бросивъ пару ихъ на полъ: «онѣ шероховаты и съ пузырьками.»

«Это отъ слезъ, Сергѣй Петровичъ!» отвѣчалъ слуга, отирая заплаканные глаза. — «Я никакъ не могу удержать ихъ: и такъ и бѣгутъ и порой попадаютъ въ форму. Да и руки мои дрожатъ, словно у предателя Іуды. Что скажутъ добрые люди, когда узнаютъ, что я отлилъ смертную пулю моему доброму барину — какой грѣхъ ляжетъ на душу! Съ какимъ сердцемъ встрѣчу барышню, Ольгу Ми-

хайловну, если Богъ попуститъ мнѣ видѣть смерть барина! — Онъ одинъ ей вмѣсто отца роднаго! ваше высокоблагородіе! заставьте за себя молить бога — отведите барина отъ грѣха или отъ бѣды своей, уговорите, упросите его; мы . . . . всѣ . . . .» Старикъ не могъ продолжать отъ рыданій . . . . Артиллеристъ, тронутый самъ, старался утѣшить его.

« Полно, полно, старикъ! какъ не стыдно тебѣ расплакаться, какъ теленку. Ты самъ въ Четырнадцатомъ году былъ въ дѣлахъ съ барином — ты знаешь, что не всѣ пули бьютъ, и не всѣ раненые умираютъ . . . притомъ мы постараемся и уладить полюбовно. »

Ольга не могла слушать долѣе; голова ея кружилась, колѣна измѣняли. Ужасныя подробности поединка рисовали предъ нею кровавыми чертами картину братней кончины . . . « Раненаго или убитаго, » повторила она упадая въ кресла: « убитаго! » Мысли ея помутились . . . страхъ ледяною рукою своей сдавилъ сердце.

Есть минуты, есть часы тоски тяжкой, невъяснимой . . . . разумъ тогда, будто пораженный параличемъ, вдругъ прерываетъ ходъ свой; но чувство, отравленное полнымъ понятіемъ о величіи бѣды, подобно лавинѣ, рушится на сердце и погребаетъ его въ хла-

дѣ отчаянія, нѣмаго, но глубокаго, безчувственно-мучительнаго! Тогда очи не находятъ слезъ, уста выраженій — и тѣмъ ужаснѣе тоска, сосредоточенная въ груди, тѣмъ рѣдче слезы, каменѣющія на сердцѣ, которое, какъ подземная жила, переполненная пылающею сѣрой, рвется сбросить съ себя громаду, и готовое расторгнуться, не можетъ сдвинуть груза, его удушающаго, не можетъ отрѣять палящаго вздоха. Ольга не плакала, ибо не могла плакать, — ничего не слышала, ничему не внимала она. — На всѣ приглашенія, на всѣ вопросы тетки, отвѣчала она отрицательнымъ движеніемъ головы, и не трогалась съ мѣста. Наконецъ, когда ясный уже лучъ солнца, проникнувъ туманы, упалъ на чело ея, она какъ будто очнулась отъ болѣзненнаго забытія, подобно Мемноновой статуѣ на равнинахъ Ониванды. «Гдѣ братецъ?» спросила она, вставая. — «Уѣхалъ!» было отвѣтомъ — и она снова погрузилась въ мрачное онѣмѣніе, вперивъ неподвижныя очи въ окно. По лицу ея то мелькало нетерпѣніе ожиданія, то улыбаніе надежды умолить брата, но всего чаще, всего мрачнѣе ложилась тѣнь отчаянія; ибо разумъ увѣрялъ ее, что ни какіе доводы, ни какія чувства не могли совратить Валеріана съ пути, однажды избраннаго; при томъ же она

очень хорошо постигала, что судьба поединка зависѣла всего болѣе отъ обидчика, то есть, князя Гремина. «И онъ, котораго я считала благороднѣйшимъ существомъ, онъ, котораго любила, котораго воображала братомъ — брату, жаждетъ теперь крови и смерти. Ахъ! какъ злы люди,» думала она. — И между тѣмъ часы текли за часами — было одиннадцать, и вся душа Ольги перешла въ зрѣніе; какъ на перстъ судьбы, глядѣла она на тихо переступающую стрѣлку .... еще четверть, еще .... и она воскликнула: «Все погибло! Онъ не хочетъ даже проститься съ сестрою, онъ боится быть тронутымъ моею горестію .... Боже великій, подкрѣпи меня!» Ольга повергласъ ницъ передъ Образомъ, и рѣшимость осѣнила свыше теплую мольбу ея.

На второй верстѣ по дорогѣ къ Парголову, на правo, на холмѣ видѣнъ простой Русскій трактиръ, выкрашенный желтою краскою — свидѣтель многихъ несчастныхъ сценъ или веселыхъ примиреній, зимою. Лѣтомъ никто изъ порядочныхъ людей не посѣщаетъ его, равно за неопрятность, какъ и потому, что окрестныя дачи въ это время кишатъ народомъ и слѣдственно не могутъ быть покрищемъ по-

единковъ. Вся трактирная челядь высыпала на крыльцо, завидя двѣ кареты и парныя сани, пробивающіяся къ нимъ сквозь сугробы снѣга, блестящаго милліонами звѣздъ на солнышкѣ. Это, какъ можно было угадать, былъ поѣздъ вовсе не свадебный, поѣздъ нашихъ дуэлистовъ. Противниковъ развели по разнымъ комнатамъ. Артиллеристъ вызвался ѣхать впередъ — приготовить мѣсто и утоптать смертную тропу. Докторъ пригласилъ другаго секунданта сыграть партію въ биллiардъ, и вотъ соперники наши оставлены были сами себѣ на раздумье.

Валеріанъ былъ угрюмъ — но съ какимъ-то удовольствіемъ смотрѣлъ на безжизненный снѣгъ, покрывающій саваномъ долину — на траурную зелень елей. — Онъ пламенно и нѣжно полюбилъ графиню, и ея холодность, ея легкомысліе сокрушили всѣ его надежды. Онъ улыбкою встрѣтилъ мысль о смерти — потому, что смерть никому не кажется такъ утѣшительна, какъ обманутой или неудачной любви. «Три дня — и нѣтъ отвѣта, думалъ онъ... это самый понятный отвѣтъ! Ей жаль лучей своего сіятельства; ей пріятнѣе переживать свѣтскую скуку въ кругу модныхъ обезьянъ, чѣмъ наслажденіе жизнію съ мужемъ — человѣкомъ; ей лестнѣе вселять мечты и же-

очень хорошо постигала, что судьба поединка зависѣла всего болѣе отъ обидчика, то есть, князя Гремина. «И онъ, котораго я считала благороднѣйшимъ существомъ, онъ, котораго любила, котораго воображала братомъ — брату, жаждетъ теперь крови и смерти. Ахъ! какъ злы люди,» думала она. — И между тѣмъ часы текли за часами — било одиннадцать, и вся душа Ольги перешла въ зрѣніе; какъ на перстъ судьбы, глядѣла она на тихо переступающую стрѣлку .... еще четверть, еще .... и она воскликнула: «Все погибло! Онъ не хочетъ даже проститься съ сестрою, онъ боится быть тронутымъ моею горестію .... Боже великій, подкрѣпи меня!» Ольга повергласъ ницъ передъ Образомъ, и рѣшимость осѣнила свыше теплую мольбу ея.

На второй верстѣ по дорогѣ къ Парголову, на право, на холмѣ видѣнъ простой Русскій трактиръ, выкрашенный желтою краскою — свидѣтель многихъ несчастныхъ сценъ или веселыхъ примиреній, зимою. Лѣтомъ никто изъ порядочныхъ людей не посѣщаетъ его, равно за неопрятность, какъ и потому, что окрестныя дачи въ это время кипятъ народомъ и слѣдственно не могутъ быть поприщемъ по-

единковъ. Вся трактирная челядь высыпала на крыльцо, завидя двѣ кареты и парныя сани, пробивающіяся къ нимъ сквозь сугробы снѣга, блестящаго милліонами звѣздъ на солнышкѣ. Это, какъ можно было угадать, былъ поѣздъ вовсе не свадебный, поѣздъ нашихъ дуэлистовъ. Противниковъ развели по разнымъ комнатамъ. Артиллеристъ вызвался ѣхать впередъ — приготовить мѣсто и утоптать смертную тропу. Докторъ пригласилъ другаго секунданта сыграть партію въ биллiардъ, и вотъ соперники наши оставлены были сами себѣ на раздумье.

Валеріанъ былъ угрюмъ — но съ какимъ-то удовольствіемъ смотрѣлъ на безжизненный снѣгъ, покрывающій саванoмъ долину — на траурную зелень елей. — Онъ пламенно и нѣжно полюбилъ графиню, и ея холодность, ея легкомысліе сокрушили всѣ его надежды. Онъ улыбкою встрѣтилъ мысль о смерти — потому, что смерть никому не кажется такъ утѣшительна, какъ обманутой или неудачной любви. «Три дня — и нѣтъ отвѣта, думалъ онъ... это самый понятный отвѣтъ! Ей жаль лучей своего сіятельства; ей пріятнѣе перецѣживать свѣтскую скуку въ кругу модныхъ обезьянъ, чѣмъ наслажденіе жизнію съ мужемъ — человѣкомъ; ей лестнѣе веселять мечты и же-

ланія въ другихъ, чѣмъ мыслить и чувствовать наединѣ съ другомъ или съ собою. Да будетъ! Благодарю судьбу, что она заранѣе спасла меня отъ легкомысленной женщины. Въ сладкомъ чаду заблужденій, въ очарованіи страсти, мнѣ бы тяжко было вырваться изъ объятій счастія. Но теперь я равнодушенъ къ жизни; я презираю свѣтъ, въ которомъ любовь — тщеславіе, а дружество — прихоть. Но ты, Алина! ты виновна болѣе всѣхъ! — Необыкновенная смертная — ты увлеклась стадомъ обыкновенныхъ женщинъ . . . Ты одна могла создать мое счастіе, ты одна могла цѣнить мою любовь — и я, неутѣшенъ взаимностію, сойду въ могилу — и за тебя! Алина! Алина! ты оцѣнишь меня, когда меня потеряешь!» Слезы навернулись на глазахъ Валеріана. Но право, не знаю, почему ни одна изъ нихъ не посвящена была сожалѣнію о сестрѣ: таковы всѣ влюбленные; во время своей горячки, у нихъ нѣтъ ни думы, ни слова, кромѣ о милой, и даже умирая, они больше думаютъ о томъ, какъ поправятся въ гробу своей возлюбленной, нежели о томъ, какъ станутъ плакать о нихъ родные.

За то, если въ одной комнатѣ Ольга была забыта для любви, въ другой, по той же причинѣ, она была предметомъ восклицаній и

вздоховъ. Князь Греминъ сидѣлъ тамъ [illegible] нѣе сентябрскаго вечера, и очень заунывно барабанилъ пальцами по столу; но если сосновая эта гармоника не могла вполнѣ выразить печальныхъ его мыслей, или самъ онъ былъ непрывичный виртуозъ на этомъ инструментѣ, только фантазія его походила на погребальный маршъ, достойный похоронъ кота мышами. Какъ ни забавно-жалобна была однакожъ его музыка, его думы были вовсе не забавны. Когда погасъ первый пылъ негодованія, онъ горько раскаявался въ своей дерзкой вспыльчивости: совѣсть громко укоряла его въ обидѣ стараго друга, и для чего, для кого? для той, которой уже давно не любилъ онъ, для той, которая сама его забыла; не имѣя другой цѣли, кромѣ препятствія въ счастіи сопернику, изъ пустаго тщеславія! Но всего убѣдительнѣе дѣйствовала на него логика любезности и красоты Ольги . . . всѣ силлогизмы его оканчивались и начинались укорительнымъ вопросомъ: «что скажетъ на это сестра Валеріана?» Ненависть въ жизни, если онъ убьетъ противника, или презрѣніе послѣ смерти — за вражду, непремѣнно долженствовали быть удѣломъ его, а Греминъ глубоко чувствовалъ, какъ благородный че- [illegible] какъ пламенный мужчина, сколь тя-

жело было бы ему сносить не только ненависть или презрѣніе, но даже равнодушіе Ольги, достойной всякаго уваженія «и любви,» приговаривало сердце: «и можетъ быть, неравнодушной къ тебѣ,» шептало самолюбіе. Но голосъ предразсудковъ звучалъ какъ труба, и заглушалъ всѣ кроткія, всѣ добрыя ощущенія. «Теперь уже поздно раздумывать,» сказалъ онъ со вздохомъ, разрывающимъ сердце. Нельзя возвратить сдѣланнаго, стыдно перемѣнять рѣшеное. Я не хочу быть сказкою города и полка, согласясь мириться подъ пистолетомъ. Люди охотнѣе вѣрятъ трусости, чѣмъ благороднымъ внушеніямъ, и хотя бы еще лестнѣйшія надежды, еще драгоцѣннѣйшее бытіе лежали въ дулѣ моемъ, я и тогда послалъ бы выстрѣлъ Стрѣлинскому.»

«Все готово, князь!» сказалъ секундантъ его, распахнувъ двери. Остается только зарядить пистолеты, и, какъ водится, мы просимъ васъ при томъ присутствовать.» Противники вошли съ разныхъ сторонъ, холодно и безмолвно поклонились другъ другу, и между тѣмъ, какъ Греминъ остановился у стола, на которомъ готовилась роковая трапеза, Стрѣлинскій подошелъ къ доктору, который безъ милосердія одинъ одинехонекъ гонялъ шары по билліарду. Больно душѣ видѣть людей

передъ поединкомъ — еще больше быть посредникомъ въ оном. — Немного желаешь зла другому, потому, что желаешь сохраненія своему товарищу — и это чувство проявляется на всѣ церемонную принужденность, между тѣмъ, какъ всѣ стараются быть необыкновенно веселыми .... соперники, чтобъ показать свою смѣлость, а секунданты, чтобъ поддержать ее.

Валеріанъ, познакомясь на переѣздѣ съ докторомъ оригиналомъ, хотѣ спросилъ его, обращаясь къ прерванному въ каретѣ разговору: «Не отступаетесь ли вы, любезный докторъ, отъ чудесной гипотезы своей, что когда нибудь люди научатся прививать дѣтямъ хорошія качества, какъ коровью осну, и лечить отъ страстей, какъ отъ прилипчивыхъ болѣзней?»

«Для чего мнѣ быть отступникомъ отъ своихъ разсужденій, когда вы не хотите покинуть свои предразсужденія?» отвѣчалъ докторъ — и положилъ красный въ блузу.

— «Жаль, право, что я не родился позже вѣками пятью: очень бы любопытно посмотрѣть, какъ станутъ вылечивать отъ любви шпанскими мушками, или отъ злости припарками и лигатурами!»

«*Отъ злости* и теперь въ простомъ наро-

дѣ лечать припарками и перевязками, такъ какъ въ старину отъ сумашествія чихоткою — только едва ли съ успѣхомъ. Но почему не предположить, что, при всеобщемъ усовершеніи наукъ, нужнѣйшая изъ нихъ не выйдетъ изъ настоящаго дряхлаго своего младенчества? Тогда, Валеріанъ Михайловичъ, мнѣ бы гораздо пріятнѣе было предупредить вашу раздражительность какими нибудь сладкими пилюлями, нежели вытаскивать свинцовыя изъ вашихъ костей.»

— «То-то будетъ золотой вѣкъ для медиковъ!»

«Золотой для медицины — а безсеребренный для медиковъ, которые до сихъ поръ, наравнѣ съ кравнымъ сѣменемъ судей, живутъ на счетъ глупости, или пороковъ, или бѣдствій человѣческихъ!»

«Почтенный докторъ,» прервалъ рѣчь его артиллеристъ, заряжая вторую пару:.... «рѣшите споръ нашъ ..... я говорю, что лучше уменьшить зарядъ — по малости разстоянія и для вѣрности выстрѣла, а господинъ ротмистръ желаетъ усилить его, уверяя, что сквозныя раны легче къ исцѣленію — это статья по вашему департаменту!»

«Дайте руку, господинъ пушкарь въ пре-

[redacted] сосѣдами, не только потому, что ваше учи-[redacted]лище, гдѣ научаютъ убивать по правиламъ, [redacted]рядомъ съ нашею клиникою, гдѣ учатъ исцѣ-[redacted]лять людей — но и потому, что природа все-гда подлѣ яду помѣщаетъ противуядіе. Вы смѣетесь, вы говорите, что это два зла вмѣстѣ, — пусть такъ. Только увеличьте зарядъ, если нельзя вовсе его уничтожить. На шести шагахъ, самый слабый выстрѣлъ пробьетъ ребра; и такъ какъ трудно, а часто и не возможно вынуть пулю, то она и въ послѣдствіи можетъ повредить благородныя части.»

— «Высокоблагородныя части,» сказалъ, улыбаясь, Греминъ: — мы оба штабъ-офицеры; но шутки въ сторону, докторъ: откуда, почитаете вы всего безопаснѣе вынимать пулю?»

«Изъ дула,» отвѣчалъ докторъ очень важно. Всѣ засмѣялись.

— «Не угодно ли будетъ, князь, снять пистолеты? сказалъ одинъ изъ секундантовъ, укладывая пистолеты въ ящикъ. Золото слишкомъ видная цѣль для противника.»

«Вы такъ строги, любезный посредникъ мой, что я того и жду приглашенія оставить здѣсь голову, потому, что она еще виднѣйшая цѣль.....» Въ это время послышался стукъ у *дверей.*

— «Боже мой!» воскликнулъ артиллеристъ, закрывая плащемъ оружіе: «не дадутъ и подраться покойно. Кто тамъ?»

«Ѣздовой графини Звѣздичъ спрашиваетъ маіора Стрѣлинскаго!» произнесъ за порогомъ маркеръ, точно такимъ же голосомъ, какъ возвѣщаетъ онъ «*двадцать три и ничего!*»

Стрѣлинскій однимъ прыжкомъ былъ уже въ сѣняхъ.

«Васъ проситъ видѣть какая-то дама» сказалъ Гремину трактирный мальчикъ, вбѣгая съ другой стороны. Князь вышелъ, пожимая плечами: — но вообразите его изумленіе, когда стройная незнакомка отбросила вуаль съ лица своего — и въ ней онъ узналъ Ольгу со всѣми прелестями юности — въ полномъ вооруженіи невинности и собственнаго достоинства. «Ольга!» воскликнулъ онъ пораженный еще болѣе, чѣмъ удивленный: «Ольга, вы, вы здѣсь?»

— «И вы причиной тому, князь Греминъ,» отвѣчала Ольга съ гордою твердостію. «Если бъ я и не знала опасностей моего поступка, то одно изумленіе ваше открыло бы мнѣ все...; но я все знаю, и на все рѣшилась. Пускай свѣтъ назоветъ меня безразсудною искательницею приключеній, — пускай стану я сказкою столицы — пусть эта минута броситъ вѣч-

должна ли я презрѣть всѣмъ для спасенія брата, котораго хотите вы погубить! — Но я не упрекать васъ пришла, князь Гремин, но просить, но убѣждать, умолять васъ: забудьте кровожадную ссору вашу, открытую мнѣ случаемъ. Заклинаю васъ именемъ Бога, котораго забываете, именемъ человѣчества и разума, которые попираете вы ногами — именемъ прежней дружбы и вѣчной любви ко всему, что драгоцѣнно для васъ въ этой жизни, и лестно за могилой! Вы искали поединка, и отъ васъ зависитъ прекратить его. Князь! примиритесь съ Валеріаномъ! спасите меня отъ горькаго чувства видѣть убійцу въ братѣ, или отъ неутолимаго плача по немъ. Что станется тогда со мной въ этомъ враждебномъ свѣтѣ, безъ друга, безъ совѣтника и покровителя! Какъ мало жила я — и какъ несчастна, что дожила до ужасной поры, въ которую два существа, уважаемыя мной больше всего въ мірѣ, готовы растерзать другъ друга!»

Сначала голосъ Ольги былъ твердъ и выразителенъ, но когда рѣчь коснулась до братской привязанности, онъ сталъ тише и нѣжнѣе, дыханіе прерывалось, замирало; тоска высоко вздымала грудь; очи ея, отягченныя слезами, наконецъ пролили ихъ въ три ручья и она, рыдая, опустилась на стулъ. Князь

Гремин, энтузіастъ всего высокаго и благороднаго, тронутый до глубины души прекраснымъ самоотверженіемъ Ольги — стоялъ въ восторгѣ, нѣмъ и неподвиженъ. Онъ поглощалъ взорами великодушную примирительницу. Сладостное чувство умиленія проникло все его существо; одна искра чистой любви осѣтила всю его душу. Какъ молнія превращаетъ полюсы компаса, такъ всемогущія слезы невинности превратили въ доброту всѣ сѣмена зла и злобы, въ груди таящіяся. Онъ былъ уже счастливъ, ибо высочайшее счастіе есть сознаніе чужихъ совершенствъ, сознаніе высокаго и прекраснаго.

Ольга однако жъ, почитая безмолвіе князя колебаніемъ или отказомъ, гордо встала — и произнесла, сверкая взоромъ: — «Но знайте, князь Гремин, если рѣчь правды и природы недоступна душамъ, воспитаннымъ кровавыми предразсудками — то вы не иначе достигнете до брата моего — какъ сквозь это сердце. Не пожалѣвъ славы — я не пожалѣю жизни.»

«Нѣтъ, нѣтъ! существо неземное!» воскликнулъ Гремин: «свою жизнь, хотя бы тысячу разъ обновленную, готовъ теперь пожертвовать я за васъ, за Валеріана! — Ольга! ваше великодушіе побѣдило меня!» Съ этимъ сло-

вомъ онъ вошелъ въ залу и громко сказалъ Валеріану: «господинъ маіоръ! я прошу у васъ извиненія въ своей горячности; очень сожалѣю о томъ, что вчерась произошло между нами, и если вы довольны этимъ объясненіемъ — то сочту большою честію возвратъ вашей дружбы.» Стрѣлинскій, вовсе не ожидая такой развязки, перечитывалъ весело какое-то письмо — очень вѣжливо однако жъ, очень охотно протянулъ руку Гремину. «Тому легко примиреніе» сказалъ онъ: «кто самъ имѣетъ нужду въ прощеніи,» и друзья обнялись снова друзьями.

— «Господа секунданты! скажите по совѣсти, не имѣемъ ли мы въ чемъ нибудь укорять себя, какъ благородные люди и офицеры?» сказалъ Гремінъ.

«Никогда и никто не усомнится въ вашей храбрости» отвѣчалъ гвардеецъ, обнимая князя.

— «Признаваться въ своихъ ошибкахъ есть высшее мужество,» возразилъ артиллеристъ, сжимая руку маіора.

«Сдѣлавъ все для свѣта, я прошу у тебя, любезный Стрѣлинскій, для самаго себя пяти минутъ особеннаго разговора.»

Рука объ руку съ княземъ, вошелъ Валеріанъ въ другую комнату весело и безза-

ботно; — но чело его подернулось, какъ заревомъ, когда онъ увидѣлъ тамъ сестру свою! «Что это значитъ?» вскричалъ онъ грозно. — Но когда сестра съ радостнымъ привѣтомъ: «вы не будете врагами, не будете стрѣляться!» упала къ нему на грудь безчувственна, голосъ его смягчился..... «Ольга! Ольга! что ты сдѣлала?» произнесъ онъ печально: «невинная, и неопытная душа! ты погубила себя!» Тихо опустилъ онъ на софу драгоцѣнное бремя, и невольный взоръ упрека пронзилъ сердце Гремина; между тѣмъ призванный докторъ суетился около Ольги.

«Другъ! другъ!» сказалъ глубоко тронутый князь: «не уничтожай меня: я самъ чувствую, сколько бѣдъ накликало мое безразсудство; — подумаемъ лучше, какъ исправить ошибку. Поѣздка сестрицы твоей едва ли утаится отъ клеветы, и Богъ вѣсть, какими баснями украсить ее свѣтъ! Чувствую, что я не стою этого ангела, но чувствую, что безъ нея нѣтъ для меня счастія на землѣ .... и если сердце ея не занято .... если .... я, какъ старый другъ твой, спрашиваю тебя, Валеріанъ .... хочешь ли ты имѣть меня зятемъ?»

Стрѣлинскій мрачно взглянулъ на него... — «князь! я откровенно скажу тебѣ, что *прежде* не желалъ бы лучшаго мужа Ольгѣ, но

вчерашняя твоя горячность за графиню заставляетъ меня сомнѣваться въ счастіи сестры!»

«Валеріанъ! не разрывай могилъ минувшаго ..... кто не былъ молодъ! Отъ сего дня я новый человѣкъ; прежняя привязанность къ сестрицѣ твоей обратилась въ страсть неодолимую и неизмѣнную.»

— «Вѣрю,» сказалъ Валеріанъ, пожимая руку друга, и указалъ на сестру, которая начинала приходить въ себя. «Милая, добрая Ольга! здѣсь ты видишь людей, тобой примиренныхъ и благодарныхъ; — но кромѣ благодарности, здѣсь есть нѣкто желающій получить награду, заслуживъ наказаніе: — онъ увѣряетъ, что любитъ тебя, клянется въ вѣрности . . . доканчивайте, князь Греминъ!»

Греминъ съ нѣкоторою и страхомъ вступилъ въ трудное объясненіе. «Я буду кратокъ» — сказалъ онъ, приближаясь къ Ольгѣ, — «какъ ни вредно виноватому быть имъ. Такъ, Ольга, я дерзаю искать руки вашей, хотя въ глубинѣ души сознаюсь, какъ недостоинъ я такого блаженства. Не говорю теперь о взаимности — я буду счастливъ и тѣмъ, если вы меня не ненавидите, и терпѣливо стану ждать чувствъ нѣжнѣйшихъ, какъ на-

— «Теперь я не имѣю ни какой прич
ны ненавидѣть васъ; я, напротивъ, обяз
ваю благодарностію!» возразила Ольга с
вятно.

«Это лишь слабый образчикъ моей б
предѣльной покорности; имѣя образцемъ
кого ангела, какое доброе качество мнѣ
доступно? Ольга! жизнь безъ васъ для м
пя пустыня, съ вами — рай: рѣшите учас
мою!»

Отвѣтъ Ольги можно было прочесть
каждой чертѣ лица, въ трепетаніи кажд
жилки; слезы наслажденія стояли въ р
ницахъ, румянецъ счастія пылалъ на щека
ея ..... всѣ сны, всѣ мечты ея разгадали
— она была такъ невинно счастлива,
ей было такъ ново и страшно это полож
ніе. — Наконецъ она преклонила милое л
це свое къ плечу Валеріана, и тихо, ти
сказала:

«Братецъ, отвѣчай за меня!»

— «Князь Николай! вручаю тебѣ лу
шую жемчужину моего бытія. Есть Богъ в
небѣ и совѣсть въ сердцѣ, если ты не сд
ласишь мою Ольгу счастливою!» Тутъ пол
жилъ Валеріанъ руку сестры въ руку Гр
мина — и седьмое небо распахнулось м

юбленнаго. «Я сегодня такъ счастливъ, о боюсь — но во снѣ ли вижу все это! рузья мои! вотъ письмо отъ Аллины,» при-ялилъ Валеріанъ, отдавая для прочтенія исьмо Грекину. Грекинъ читалъ:

«За свою недовѣрчивость, милый Валеріанъ, ты заслужилъ наказаніе, и получилъ го — но чего эта шутка стоила моему серду! Какъ можно было сомнѣваться, что куа бъ ни забросила тебя судьба, куда бы я увлекла воли — въ горѣ и счастіи — я всегда съ тобой неразлучна. Впрочемъ эти ри дни я посвятила на убѣжденіе моихъ равственныхъ и политическихъ опекуновъ; — вчера все въ порядкѣ, и я могу ѣхать за тобой къ полюсу — но только въ прекрасую деревню. — Сегодня ожидаю невѣрующаго на миръ — и чрезъ два мѣсяца, о адкая мысль! я буду уже имѣть священное раво назваться *твоею Аллиною!*»

Поздравленія и объятія полетѣли къ счастцу .... Самъ докторъ, со слезами умиія на глазахъ, смотрѣлъ на небо, скинувъ бкою парикъ вмѣсто колпака. «Еще нара ихъ женщинъ,» бормоталъ онъ: «и я выу всѣхъ рѣдкихъ букашекъ за окно! ль только, что Ольга заставитъ меня переить цѣлую главу о женщинахъ!»

Стрѣлинскій, посадивъ сестру свою въ карету, остановился у дверецъ. «Господа!» сказалъ онъ: «милости просимъ ко мнѣ откушать и запить прошедшія безразсудства. Господъ же секундантовъ, благодаря сверхъ того за ихъ участіе, прошу сдѣлать намъ честь перемѣнить роли секундантовъ на должность шаферовъ у меня и жениха сестры моей, князя Гремина!»

Онъ умчался при радостныхъ привѣтахъ.

Восхищенный князь, обнимая съ радости всѣхъ и каждаго, сказалъ доктору, приглашая его сѣсть съ собою въ карету: «Я надѣюсь, и для васъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, пріятнѣе видѣть свадьбу, чѣмъ похороны.»

«Я не бываю на свадьбахъ, чтобы не заставить краснѣть другихъ; ни на похоронахъ, чтобы не краснѣть самому,» отвѣчалъ докторъ, садясь въ сани.

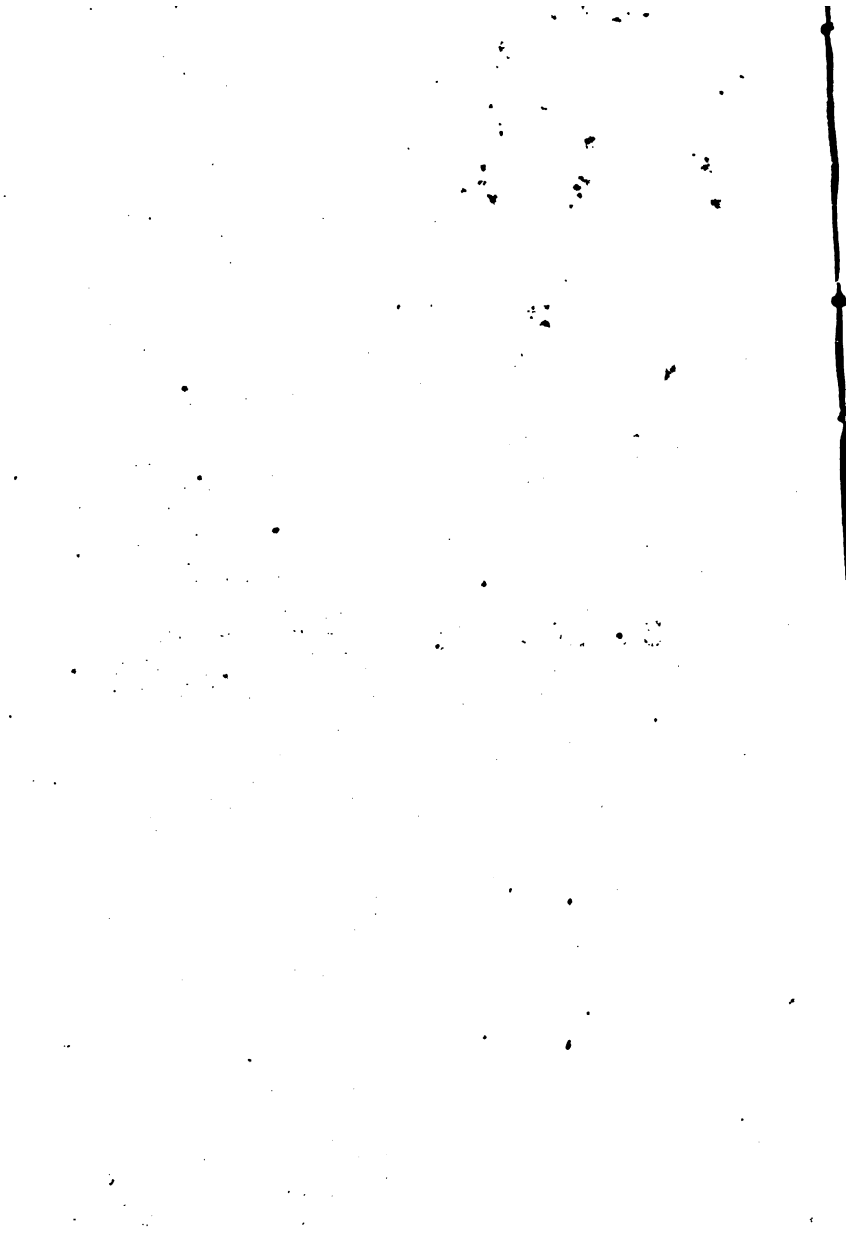
— «Теперь, однако жъ, дѣло идетъ не о проводахъ невѣстъ или мертвецовъ въ новый для нихъ міръ, а только о проводахъ масляницы. Валеріанъ ждетъ насъ къ дружескому обѣду.»

«Непремѣнно буду, охотно буду, но теперь еще рано: я долженъ къ себѣ принесть

— «Конечно о страстяхъ устрицы?» сказалъ Гремминъ, улыбаясь.

«Напротивъ, объ удачныхъ глупостяхъ человѣка,» возразилъ докторъ.

ЗАМОКЪ ЭЙЗНЪ.



Въ послѣдній походъ гвардіи, будучи на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на старинный каменный крестъ; далѣе въ оставленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ . . . . и, наконецъ, надъ оврагомъ ручья, развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился съ вопросами къ одному изъ нашихъ капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и старинныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать подробно объ этомъ замкѣ отъ пастора, и когда насъ собралось человѣкъ пятокъ, то онъ намъ пересказалъ все, что узналъ, какъ слѣдуетъ ниже.

Этому ужъ очень давно, стоялъ здѣсь замокъ, по имени Эйзенъ, тоесть желѣзный. И по всей правдѣ онъ былъ такъ крѣпокъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; всѣ говорили, что ему по шерсти дано имя. Стѣны такъ высоки, что поглядѣть, такъ шапка валится, и ни одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ не могъ дометнуть стрѣлой до яблока башни. Съ одной стороны отъ провалъ служилъ ему вмѣсто рва, а съ другой тысячи бѣдныхъ Эстонцевъ цѣлыя вѣкожизни рыли копань кругомъ, и дорылись они до живыхъ ключей, и такъ поставили замокъ, что къ нему ни съ какой стороны приступу не было. И ужъ не говорю о воротахъ: дубовыя половинки усѣяны были гвоздями, словно подошва Русскаго пѣшехода; тридевять задвижекъ съ замками запирали ихъ, а ужъ сколько усачей сторожило тамъ — и толковать нечего. На всякомъ зубцѣ по желѣзной тычинкѣ, и даже въ желобахъ рѣшетки были вдѣланы такъ, что мышь безъ спросу не подумай пролѣзть ни туда, ни оттудова. Кажись бы, зачѣмъ строить такія крѣпости, коли жить съ сосѣдями въ миръ? Правду сказать, тогдашній миръ хуже нынѣшней войны бывалъ. Одной рукой въ руку, а другой въ щеку — да и пошла потѣха. А тамъ и правъ тотъ,

кому удалося. Однако и рыцари были не пр[illegible]
махи. Какъ строили чужими руками замки, та[illegible]ъ
говорили: это для обороны отъ чужихъ; а как[illegible]ъ
выстроили, да засѣли въ нихъ, словно въ орл[illegible]
ныя гнѣзда, такъ и вышло, что для грабежа свое[illegible]й
земли. Такимъ то побытомъ, владѣлъ этимъ зам[illegible]
комъ баронъ Бруно фонъ Эйзенъ. Былъ онъ н[illegible]о
нять смирныхъ между своей братьи, даромъ что [illegible]я
тѣ удальствомъ слыли даже на морезѣ. Бывало[illegible],
какъ горикнетъ: на коней, на коней! то всѣ ег[illegible]о
молодцы взмечутся, какъ угорѣлые, и бѣда т[illegible]
му, кто выѣдетъ послѣднимъ. Коли подпо[illegible]
салъ онъ свой палашъ, а палашъ его, говорят[illegible],
куда чуть не въ полтора вѣсилъ, то ужъ н[illegible]е
спрашивай, куда? Знай скачи за нимъ сл[illegible]
домъ, очертя голову. Латы онъ носилъ вс[illegible]
гда воронения, какъ осенняя ночь, и въ них[illegible]ъ
заклепанъ былъ отъ каблуковъ до самаг[illegible]о
гребня; глядѣлъ на свѣтъ только сквозь дв[illegible]ѣ
скважины въ наличникѣ — и сказываютъ[illegible],
взглядъ его былъ такъ свирѣпъ и пронзит[illegible]
лепъ, что убивалъ на лету ласточекъ, и кол[illegible]и
заслышитъ проѣзжій его свистъ на дорог[illegible],
такъ за версту сворачивай въ сторону, бу[illegible]ь
хоть Епископъ, хоть братъ Магистру. Вр[illegible]
говъ тогда бывало не искать стать; выѣжа[illegible]й
только за ворота, сосѣдей много, а причи[illegible]ъ
задрать ихъ въ ссору еще болѣе. Притом[illegible]ъ

же Нарва въ тридцати верстахъ, а за ней Русское поле..... Какъ не взманитъ оно сердце молодецкое добычей? Вѣдь въ чужихъ рукахъ синица лучше фазана. Вотъ, какъ наскучитъ сидѣть сидемъ за кружкою.....такъ и кинется онъ къ границамъ Русскимъ — ему не нужно ни мосту, ни броду. Прискакалъ къ утесу — а рѣка ревѣть и ревѣть, какъ лютый звѣрь. Что жъ бы вы думали?—За мной, ребята! и бухъ въ воду первый. Кто выплылъ — хорошо, потонулъ — туда и дорога! Скажетъ только бывало, отряхаясь, — скотина! и помнитъ простылъ. Да ему съ полъ-горя было такъ горячиться. Конь служилъ подъ нимъ заморскій, мастью вороной — что твоя смоль. Въ скачкѣ съ него зайцевъ захлопывали. Въ погонѣ рѣка не рѣка, заборъ не заборъ, и въ дѣлѣ словно самъ чортъ подъ сѣдломъ: и ржетъ и пышитъ, зубами ѣстъ и подковами бьетъ. За то баронъ любилъ и холилъ этого коня: счетнымъ зерномъ изъ полы кормилъ, изъ своего кубка медомъ подчивалъ, и коли надо случалось коню сослужить службу трудную, такъ отскачетъ полдороги — да фляжку вина ему въ глотку. Прочхнется тотъ, встрепенется, и опять летитъ, инда искры съ подковъ сыплютъ. Ну, вотъ и заѣдетъ онъ далеко въ Русь...въ

раеплохъ.... завидѣлъ деревню — подавай огня. Вспыхнуло — кидай туда все, чего увезти нельзя. Кто противится — рѣзать, кто кричитъ, того въ пламя. Позабывшись, и даромъ, правду сказать, порубливали встрѣчнаго и поперечнаго; ну, да это, чтобъ не разучиться, или поучиться, говорилъ онъ. Натѣшась, разгромивъ, навьючивъ коней добычею, насажавъ на сѣдла красавицъ, и сосворивъ къ стремени плѣнниковъ, выходили они околицами во свояси... и тутъ-то ужъ по дѣлежѣ начиналась гульба и пированье. Цѣлую недѣлю разливное море, и пѣсни, и шумъ. Конечно, не всегда удавалось нашему молодцу нападать нечаянно на Русскихъ. Нерѣдко выпроваживали незванаго гостя по зашейку; да онъ отгрызался себѣ, какъ волкъ, и цѣлъ и невредимъ выходилъ изъ побоища, потому, что не всякій совался вблизь къ его лапамъ, и ни какая стрѣла не брала его панцыря. Ходила молва, будто латы его заговорены были — оно и статочное дѣло. — Баронъ много лѣтъ возился съ Египетскими чародѣями, когда за господень гробъ рыцари ѣздили на край свѣта подраться между собою. Какъ бы то ни было, кромѣ ушибовъ, онъ не получалъ ни одной раны, между тѣмъ, какъ удары палаша его можно было лечить не рецептами, а панихи-

і. Въ такихъ отчаянныхъ набѣгахъ, раз-
ется, шайка его рѣдѣла, однако хоть всѣ
и про опасности, про крутой нравъ баро-
— разгульная жизнь и охота къ добычѣ,
магнитомъ, тянули бродягъ къ нему въ
кбу. Обокралъ ли, прогнѣвилъ ли какой
а, или оруженосецъ сосѣда рыцаря — сей-
давай тягу въ Эйзенъ. Подъ гербомъ
она скрыто и забыто было все прежнее;
ужъ въ дѣлѣ не зѣвай у него. Чуть стру-
, чуть оплошалъ, глядишь и качается дру-
ь вмѣсто фонаря съ пеньковымъ галсту-
ь отъ простуды! Да и что за народъ у
собранъ былъ, такъ волосы дыбомъ ста-
тся: каждый сорви-голова. Въ огонь и
оду готовы на голосъ Бруно.... такъ и
рятъ въ глаза ему — лишь мигнулъ, и
вверхъ дномъ полетѣло. Въ буянствѣ —
ай закоренѣлый шалунъ показался бы предъ
и красною дѣвушкою — и двѣнадцать Кіев-
къ вѣдьмъ вмѣстѣ не выдумали бы такихъ
клятій, какія отпускали онъ за одною ча-
бранденбурна. Страшные, оборванные,
ако при шпагѣ и желѣзный картузъ на бе-
ь, разгуливали они по хижинамъ Эстон-
, поколачивали ихъ для препровожденья
ени, ласкали ихъ дочекъ, и брали кон-
уцію съ женъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Теперь стали экономничать Лифляндскіе помѣщики, запирать счетный кусокъ на ключъ и желудокъ сажать на діету. Въ старину, сами вы знаете, то ли было! Круглый годъ масляница, жареные гуси стадами слеталисъ къ обѣду, и безъ heilige Nacht *) телята и бараны на четырехъ ногахъ ходили по столу и умильно подставляли охотникамъ свои котлеты. Вѣтреная буттерброда тогда еще не было и въ заводѣ, а травкой муравкой кормили только слугъ. Само собой разумѣется, что основательныхъ напитковъ тогда не жалѣли, а какъ пили они — такъ вы право подумали бы, что у нихъ муравленная утроба! Ведро пива на ухо — и ни въ глазъ. Вотъ подопьетъ, бывало, бранитъ съ сосѣдами, да и расходится видюкомъ..... Я ли не я ль? по плечу себѣ никого не приберетъ, онъ-то всѣхъ храбрѣе, онъ-то всѣхъ благороднѣе! А чуть-чуть кто покосился, онъ и въ ссору да въ брань, а тамъ долго ли до желѣза? Кончится бывало тѣмъ, что гость пріѣдетъ верхомъ, а вынесутъ его на носилкахъ, еще за милость, коли безъ уха, или безъ носу, а то часто навѣки отъ зубной боли вылечивался. Этого мало! разгнѣвался на сосѣда — *на конь* съ своей дворней и псарней, и

*) *Рождество* Христово.

елъ топтать чужія нивы, палить чужіе лѣ-
Упаси Боже повстрѣчать его въ такой
ый часъ! Завидѣлъ Эстонца, и скачетъ
нему съ поднятымъ тесачищемъ. Читай
ую во Единаго, бездѣльникъ! — а тотъ и
лѣетъ на колѣнахъ, вѣдь по Нѣмецки ни
а. — Эй мойста! *) — Читай, говорю!
Эй мойста .... — А! такъ ты упря-
ься въ своемъ язычествѣ, животное! ....
е тебя окрещу! — Бацъ, и голова бѣд-
прыгала по землѣ кегельнымъ шаромъ,
ронъ съ хохотомъ скакалъ далѣе, прого-
: absolvo te! то есть разрѣшаю тебя, — за
, что они, какъ духовные рыцари, могли
ть губить тѣло и спасать душу. Таково
чужимъ — каково же своимъ-то было?
равился конь у крестьянина: — Перголе!
й свою лошадь на мою кривую собачку!»
атюшка, баринъ! мое ли дѣло охотить-
— а безъ коня куда я гожусь? — На
лицу, бездѣльникъ! Ты доженъ быть до-
нъ тѣмъ, что я позволю тебѣ усыновить
ися щепковъ .... — Зальется бѣдняга
ючими, да и пойдетъ въ холодную избу —
пустую чашку. Не то — еще бьютъ, да
акать не велятъ. Коротко сказать, Бруно
гистеньи не отставалъ отъ своихъ сотова-

рищей, за исключеніемъ только члена: — не пожелай осла ближняго твоего, — затѣмъ, что половыхъ этихъ животныхъ тогда въ Эстляндіи не водилось. — Однако жъ и на него приходили часы, не скажу Божьяго страха, но человѣческой робости. Буйно было прошедшее, а что впереди, весьма неутѣшно; какъ ни любилъ онъ шумъ и разбой — а все-таки скука садилась съ нимъ въ сѣдло и на стулъ незваная, и какъ бѣсъ въ рукомойникъ, выглядывала съ донышка стакана. Лишь за невидаль могъ онъ выжать смѣхъ изъ сердца, потому что смѣхъ дается только добрымъ людямъ. Вотъ ужъ стукнуло нашему барону и за сорокъ, а съ сѣдиной въ бороду — чортъ въ ребро. Разъ, когда бесѣдовалъ онъ очень дружески съ стопой своей, и допытывался отъ ней ума — вскинулась ему блажная мысль въ голову: женись, баронъ, авось это поразсѣетъ тебя; притомъ же наслѣдники... вѣдь попытка не пытка. За невѣстами дѣло не станетъ.....да кстати, чѣмъ далеко искать — лучше взять готовую невѣсту моего племянника; она не бѣдна и съумѣетъ хозяйничать, какъ и всякая другая. А племянникъ не велика птица въ перьяхъ, пускай поростетъ до свадьбы! Надобно вамъ сказать, что *племянникъ этотъ* былъ сынъ его двоюроднаго

рата, какого-то Вестфальскаго рыцаря. По-
ойникъ былъ не бѣденъ золотомъ . . . . кажись
е умомъ, потому, что поручилъ сына и имѣ-
ie въ опеку Бруно. Грѣхъ сказать, впро-
емъ, что Бруно расправлялся съ деньгами
лемянника, не какъ съ собственными своими,
і то самаго Регинальда помыкалъ вовсе не
ородственному, и училъ именно тому, чего
ать не должно. Одиѣ добрыя наклонности
асли мальчика отъ дурныхъ примѣровъ дя-
, или лучше сказать, что желѣзная лапа дя-
и гнусность примѣра, именно сдѣлали его
чшимъ, потому, что показали, какъ на ладо-
, всѣ черныя стороны злаго человѣка, и
ѣ выгоды быть добрымъ. Молодецъ опъ
лъ статный и красивый; ну, вотъ и пригля-
ксь ему дочь одного барона, по имени, дай
огъ памяти — Луиза. . . . . Дѣвушка она бы-
ь пышная, какъ маковъ цвѣтъ, а бѣлизной
ще перваго снѣгу, даромъ что не мылась
ркезомъ и не носила почью помадныхъ
рчатокъ. . . . . Сердце сердцу вѣсть подастъ
. . . . опи слюбились. Партія была хоть ку-
а . . . . . и Бруно не прочь — и отцы согласс-
ы, какъ вдругъ эта бѣда коршуномъ налетѣ-
а. . . . . Вздумано и сдѣлано. Баронъ не
юбилъ переспросовъ, и кто не хотѣлъ ле-
ѣть въ окно, тотъ не совался ему противорѣ-

чить. Черезъ три дня пути Регинальдъ съ двумя трубачами стоялъ уже у подъемнаго моста, у замка рыцаря Бокка и трубилъ въ рогъ, какъ будто за нимъ гналось двѣ дюжины медвѣдей. Въ замкѣ всѣ взбѣгались, увидя людей разодѣтыхъ попугаями. Старый баронъ въ суетахъ надѣлъ воротникомъ сапожную манжету; матушка насурмила вмѣсто бровей губы, и я за вѣрное слышалъ, что сама Луиза, какъ ни хотѣла казаться равнодушною, однако встрѣтила гостя въ разныхъ чеботахъ. Похоронное лице свата удивило очень семью Бокка, но когда онъ выговорилъ предложеніе дяди, то если бъ бомба упала къ нимъ на чайный столикъ, — она испугала бы ихъ менѣе... Жаль право, что тогда еще не было ни бомбъ, ни маю-кону — и что сравненіе мое не кстати. Отецъ, качая головою, расчитывалъ по пальцамъ связи жениха; матушка, заклинаясь, что не отдастъ дочери за душегубца, толковала однако жъ о подвѣнечномъ нарядѣ; Луиза плакала навзрыдъ, а бѣдный сватъ, разжалованный изъ жениховъ, стоялъ какъ убитый, посылая къ чорту дядю, котораго ненавидѣлъ за то, что онъ, какъ въ насмѣшку, послалъ его сватомъ къ той, которую давно любилъ. Что ни говори, а возжи, которыми правятъ людей, сплетены изъ желѣза и золота. Всѣ

или боятся одного, или желаютъ больно другаго..... Это же порѣшило отца да мать Луизы, какъ раскинули старики умомъ разумомъ, шутить съ Бруно плохо....хотя нехотя, ударили по рукамъ, а дочерей спрашивать тогда не водилось, да и зачѣмъ вправду ихъ баловать? Какое имъ до того дѣло? Вотъ и вынесли какого-то сладкаго напитка, и возгласили здоровье жениха да невѣсты. Не знаю, отъ чего — только вино это показалось свату настояно перцемъ, матушка поперхнулась, а дочь, смѣшавъ его со слезами, черезъ силу принудила себя выпить нѣсколько капель. — Регинальдъ, какъ безумный, кинулся на лошадь и помчалъ, къ дядѣ веселую, себѣ горькую вѣсть. Чрезъ двѣ недѣли была и свадьба. Гостей съѣхалось тма тмущая: вѣдь и тогда охотниковъ попировать на чужой счетъ было вдоволь. Только столомъ тряхни — такъ то и дѣло гляди въ окошко; поѣздъ за поѣздомъ къ крыльцу, будто они кличъ кликали. Ну, вѣдь у прежнихъ баръ не пиво варить, не вино курить; хлѣбъ, соль не куплены. Особенно у барона налавливались въ морѣ золоточешуйныя рыбки съ Русскими клеймами, а на сушѣ звѣрки на колескахъ. Вотъ повели жениха съ невѣстой со всѣми Нѣмецкими причудами въ церковь. Баронъ подъ

вѣнцемъ стоялъ, охорашивая свою бороду, переступалъ съ ноги на ногу словно часовой журавль и покрякивалъ очень гордо; за то бѣдная Луиза, блѣдная какъ фламское полотно, была ни жива, ни мертва, и сказала: да — такъ невнятно, такъ невольно, что оно девяноста шести нѣтъ стоило. Между тѣмъ кой-кто изъ гостей, особенно дамы въ огромныхъ своихъ фижбейнахъ, какъ цвѣтки въ корзинахъ, изъ подъ вѣеровъ, словно изъ-за ширмъ подсмѣивались надъ неровнею. — Мужъ не боберъ, сказала одна баронша своей сосѣдкѣ..... просѣдь только мѣху цѣны придаетъ. — Морщины такія борозды, на которыхъ всходятъ плохія растенія, прибавилъ какой-то забавникъ. — Поглядимъ, разсуждали иные: голубка ли выклюнетъ глаза этому старому ворону, или онъ ощиплетъ ей перушки! — Впрочемъ всѣхъ сказокъ не переслушать. Какъ водится, гости пропировали до бѣла утра. Морожевки, рябиновки, настойки изъ полыни, зари и прочихъ невинныхъ травъ, лились, а заморскихъ винъ ней — не хочу. Утро застало пировавшихъ или за столомъ или подъ столомъ, и къ крайнему сожалѣнію любителей прежнихъ обычаевъ, пиръ этотъ, за исключеніемъ битой посуды и подбитыхъ носовъ, кончился миролюбно. Под-

грунивъ надъ молодыми и освѣживъ себя горячими напитками, гости разъѣхались. А когда разъѣхались они — въ замкѣ стало пусто и тихо, какъ на кладбищѣ послѣ шумныхъ похоронъ. Молодая баронша, въ первый разъ безъ отца, безъ матери, сидѣла прижавшись въ уголкѣ какъ сироточка, и сердце щемило у ней — а вѣдь это не къ добру!.... Она вздрогивала при каждомъ звонѣ шпоръ своего мужа — и ее такъ напугали разсказы объ его свирѣпости, что она замирала со страха, когда онъ цѣловалъ ее, будто онъ хотѣлъ высосать ея кровь, или когда онъ ее ласкалъ, то представлялось, что добирается до ея шеи для удавки. Горько жить и съ добрымъ, да немилымъ человѣкомъ, посудите жъ, каково было вѣковать съ эдакимъ звѣремъ по праву и по виду. Съ зари до зари, бывало плачетъ бѣдняжка тихомолкомъ, такъ что изголовье хоть выжми — и не одинъ наперстокъ наполнила она слезами. Однажды попросилась она у мужа поклониться родителямъ, побывать на родинѣ..... Куды! Упаси Боже! Какъ затопаетъ, да закричитъ: — Твоя родина — спальня. Изволь-ка, сударыня, сидѣть дома; да прясть, а не рыскать по гостямъ. Да и что значатъ слезы, которыми ты, какъ блестками, унизываешь шитье свое? Почему, лишь я под-

хожу къ тебѣ, твое лицо становится такъ кисло, что на мнѣ ржавѣетъ панцырь? Не-боось на племянника моего ты очень умильно глазѣешь! Чортъ меня возьми, тутъ что то не даромъ.... Я увѣренъ, что вы вспомнили прошлое. Но помни и то, Луиза, что у меня есть прохладительные погреба, куда я на вѣкъ могу запереть тебя, какъ бутылку съ Венгерскимъ, чтобы не испортилась!

Не нами выдумано, что неправое подозрѣніе вѣчно вводитъ во искушенье. Обвиненный подумаетъ: коли меня винятъ даромъ — семъ-ка я заслужу это — вѣдь терять-то ужъ нечего. При томъ утѣшно и отомстить за обиду. Вотъ такъ, или почти такъ случилось и съ Луизой, такъ и съ племянникомъ барона. Имъ стало досадно сперва за напраслину, а тамъ показался и гнѣвъ за упреки, за брань, за прижимки ревнивца. При томъ же она не любила мужа, онъ не уважалъ дяди — стало ихъ ничто не храпило, а прежняя любовь влекла. И съ кѣмъ вмѣстѣ погорюемъ, съ тѣмъ скоро будемъ радоваться, отъ того только, что вмѣстѣ; чуть только можно—онъ сидитъ при ней, говоритъ сладкія рѣчи, и глядитъ въ глаза такъ нѣжно, что будь каменное сердце—разступится. То разсыпается мелкимъ бѣсомъ въ услугахъ, то веселитъ ее

разсказами . . . . . а самъ изнылъ, истаялъ отъ грусти, какъ свѣча. Мудрено ли жъ, что съ каждымъ днемъ Регинальдъ становился Луизѣ милѣе, съ каждымъ днемъ мужъ ненавистнѣе, съ каждымъ днемъ она виноватѣе? Надоѣло и барону нянчиться съ женою. Бывало ни свѣтъ, ни заря — отправляется онъ на грабежъ или въ набѣгъ, или въ отъѣзжее поле, здоровается съ женою бранью, прощается угрозами. Какое сравненье съ Регинальдомъ! съ добрымъ, съ благороднымъ Регинальдомъ! Впрочемъ, сохрани меня Боже, заступаться за нихъ: во всякомъ случаѣ склонность ихъ была порочна. — Обмануть мужа, измѣнить дядѣ — грѣхъ великій. Конечно, страсти дѣло невольное, да на то у насъ душа, чтобы съ ними бороться. А то далася сей Регинальдъ спустя уши, словно щуръ, который самъ шею въ петлю протягиваетъ. Да одно къ одному, чтобы не отослалъ его дядя прочь — принужденъ онъ сталъ угождать ему на счетъ совѣсти. То пошлетъ чужія грани перекопать, то жечь нивы, то заставляетъ губить въ набѣгахъ стараго и малаго. Вотъ такъ-то одно дурное намѣреніе — ведетъ ко множеству черныхъ дѣлъ.

Минулъ годъ. Случились у барона гости. Послѣ обѣда всѣ на песокъ — въ-

шли, пострѣлять изъ лука, въ звѣринецъ. — Правду-истину сказать, это важное имя дано было загородкѣ изъ одного баронскаго хвастовства. Имъ бы лишь было имя, а какъ? — того не спрашивай. Въ этомъ звѣринцѣ, кромѣ воронъ, ни какихъ лѣсныхъ звѣрей не было, если не включать въ ихъ число козу, привязанную за рога, которая потому только могла назваться дикою, что пастушьихъ собакъ дичилась, да лошадь, состоявшую за старостію на подножномъ пенсіонѣ, въ свободное время отъ водовозни, да двухъ бороновъ, что приходили туда въ гости безъ вѣдома хозяина. Вотъ принесли самострѣлы, а что ни самой огромный подали барону. Онъ его любимый былъ..... Вотъ и вызываетъ баронъ силачей натянуть его. Однако жъ какъ ни пытались, никто не можетъ, а баронъ-то надъ ними подсмѣивается. Дошла очередь и до Регинальда. Онъ уперся въ стальной лукъ пятою, да какъ потянулъ тетиву къ верху — такъ только и стышно динь, динь.... всѣ ахнули и тетива на крючкѣ, словно взводилъ онъ дѣтскую игрушку. Бруно ужъ давно грызъ зубы на племянника, а такая удаль въ силѣ, которою онъ одинъ до тѣхъ поръ хвалился, взбѣсила его еще болѣе. — *Это одна* сиаровка, сказалъ онъ презритель-

ло. А вотъ, господинъ дамскій угодникъ, если ты мастеръ перекидываться не одними хлѣбными шариками — такъ будь молодецъ: попади въ мельника, который работаетъ на плотинѣ ручья. — Дядюшка мой видѣлъ кажется не разъ, какъ стрѣляю я по лебедю, отвѣчалъ съ негодованіемъ племянникъ. Но я не палачъ, чтобъ убивать своихъ!

— Гмъ! своихъ! По низкимъ твоимъ чувствамъ, я право скоро повѣрю, что ты свой этимъ животнымъ .... Убить мельника — ха, ха, ха! экая важность; не прикажешь ли потереть виски? ... Тебѣ, кажется, дурно отъ этой мысли становится? Тебѣ бы не кровь — а все розовое масло! У тебя одно любимое занятіе — женская косынка!

— Баронъ Бруно .... помни, что есть обиды выше родства. Но если въ тебѣ есть хоть сотая доля правды, противъ злости — то ты скажешь, отставалъ ли я отъ тебя въ дѣлѣ — и, къ стыду моему, не проливалъ ли я невинную кровь Русскую въ набѣгахъ?

— Не отставалъ .... велика заслуга! Рада бы курочка на столъ пойти, да за хохолъ волокутъ. Подай сюда самострѣлъ мой — да сиди за печкой съ веретеномъ .... Погляди лучше, какъ мѣтко попадаютъ стрѣлы мои въ

Онъ съ остервенѣніемъ вырвалъ лукъ изъ рукъ Регинальда — приложился — и несчастный мельникъ рухнулъ въ воду. — Славно, славно попалъ! закричали рыцари, хлопая въ ладоши; но Регинальдъ, горя уже гнѣвомъ отъ обиды, вспыхнулъ отъ такой жестокости.— Я бы застрѣлилъ тебя, наглый хвастунъ, проклятый душегубецъ, сказалъ онъ барону, если бъ это предвидѣлъ — но ты не избѣжишь казни!

— Молчи, мальчишка .... или я эту желѣзную перчатку велю вбить тебѣ въ ротъ... прочь, или я какъ послѣдняго конюха высѣку тебя плетьми.

Регинальдъ ужъ ничего не могъ сказать отъ бѣшенства, и оно разразилось бы смертнымъ ударомъ стрѣлы, которую держалъ онъ... если бъ его не схватили и не связали.

— Киньте его въ подвалъ! закричалъ Бруно бѣшеный .... Пусть его сочинитъ такъ романсы на голосъ поймавшей мыши. Кандалы по рукамъ и по ногамъ — да посадить его на пищу св. Антонія!

Несчастнаго потащили, и цѣлый мѣсяцъ красные глаза Лунзы доказывали, сколько она за него претерпѣла; но что сталось съ нимъ? Не вѣдалъ никто, и скоро всѣ позабыли. Тогда такія вещи были не въ диковину.

въ того время, будучи Бруно на охотѣ, получаетъ вѣсточку отъ своихъ головорѣзовъ, что Русскіе купцы мимо его берега повезутъ моремъ въ Ревель мѣха для жёны и золото для купли. Взманило это стараго грѣшника.

— Готовьте ладьи, наряжайтесь рыбаками, ѣдемъ острожить этихъ усатыхъ осетровъ, закричалъ онъ.... — Я сей часъ буду. Баронъ былъ вовсе не набоженъ, но достаточно для Нѣмецкаго рыцаря суевѣренъ. Онъ не разъ ссорился съ патеромъ въ Вейссенштейнѣ за то, что давалъ собакѣ носить въ зубахъ свой молитвенникъ, а между тѣмъ вѣрилъ колдовству и боялся домовыхъ, отъ чего и спать ночью безъ свѣту не изволилъ. Бывало крыса хвостомъ шарчитъ по подполью, а ему все кажется, что кто-то гремитъ латами .... вскочитъ съ просонья и вопитъ на тѣнь свою: кто тамъ, кто тутъ? У кого совѣсть накраплена и подрѣзана какъ шулерская карта, тому по-неволѣ надо искать, не въ молитвѣ, а въ гаданьѣ. Съ этимъ намѣреніемъ пришпорилъ Бруно воронаго, и по заглохшей тропѣ помчался въ лѣсъ дремучій. Густѣлъ лѣсъ .... вечеръ темнѣлъ .... вѣтви хлестали въ глаза. Баронъ ѣхалъ далѣе и далѣе. Наконецъ очутился онъ передъ избушкой, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ, что отъ вѣтра шатается и

отъ словъ поворачивается — стукъ, стукъ! — Отвори-ка, бабушка! — Вотъ отворила ему двери старая Чухонка, извѣстная во всемъ околоткѣ чародѣйка и гадальщица. Кошачій взглядъ, полоса всклокоченные и по плечамъ. На полосатомъ платьѣ навѣшанныя побрякушки, бляхи и желѣзныя привѣски придавали ей страшный видъ, и трудно бывало разобрать ея голосъ отъ скрыпа двери. Слава шла, что она заговаривала кровь, сбирала зжёй на перекличку, знала всю подноготную, что съ кѣмъ сбудется, а прошлое было у ней какъ въ карманѣ. Разсерди-ка ее кто! . . . . Такъ заноешь курицей, по пѣтушьему, или набѣгаешься полосатой чушкой. — Кого занесъ ко мнѣ буйный вѣтеръ? сказала она, протирая глаза, задымленные лучиною.

— Не вѣтеръ, а конь завезъ меня, отвѣчалъ баронъ, влѣзая сгорбившись, въ хижину, какихъ и теперь для образчика осталось не менѣе прежняго. Солнечные лучи, встрѣчаясь въ кровлѣ съ дымомъ, проходили внутрь, можно сказать копченые. Двѣ скважины, проѣденныя въ стѣнѣ мышами, служили вмѣсто оконъ. Въ одномъ углу складена была безъ смазки каменка, отъ которой копоть зачернила всѣ стѣны, какъ горнъ. Наконецъ вмѣсто

печки лопата: — можетъ быть, воздушный ея экипажъ — въ званіи труболётной вѣдьмы.

— Погадай мнѣ, старая корга! закричалъ Баронъ старухѣ .... брысь, брысь! — Къ нему въ это время прыгъ на шею черная кошка, да и царапъ лапою за усы. Баронъ вдрогнулъ не хотя, и когда сбросилъ ее долой, то самъ слышалъ, самъ видѣлъ онъ, какъ изъ шерсти ея затрещали искры, такъ что по рукѣ у него мурашки забѣгали. — Знаю, о чемъ ты хочешь ворожить, сказала съ злобною усмѣшкою колдунья .... ты получилъ вѣсть о добычѣ, когда гналъ по лисѣ — теперь хочешь самъ съиграть лису на морѣ!.... Вѣдаю, что было, угадаю, что будетъ .... но въ послѣдній разъ, Бруно!

Барона кинуло въ потъ и въ холодъ, когда онъ услышалъ эти подробности.... — Въ ней самъ чортъ сидитъ, подумалъ онъ. Между тѣмъ она почерпнула въ козій рогъ воды и долго нашептывала, уставивъ на воду страшныя свои очи — вдругъ вода зашипѣла, вздымилась, утихла, и вѣщунья слово за слово, вся дрожа, будто не своимъ голосомъ говорила: — Рыцарь Бруно, твой походъ будетъ успѣшенъ — спѣши, не медли .... ты приложишь новыя добычи, новые грѣхи къ прежнимъ ... Свѣтелъ твой нагрудникъ .... гладокъ онъ ....

— Я думаю, что гладокъ, ворчалъ про себя Бруно .... на немъ кованая муха не удержится. — Я вижу на немъ кровь, продолжала старуха ... Не бойся, онъ не промокнетъ. — Нѣтъ .... онъ проржавѣетъ ... — А на что жъ у меня оруженосецъ? Пусть-ка онъ не вычиститъ моихъ латъ, такъ я ему вылощу спину. Скажи-ка мнѣ лучше, бабушка, ворочусь ли я домой? — Домой? .... да, ты возвратишься туда, откуда отправился .... и потомъ ляжешь спать подъ крестомъ, въ головахъ зеленыя вѣтки. Слышишь ли колоколъ? Это похороны. Это свадьба .... слышишь ли, поютъ: со святыми упокой, и ликуй!

Морозъ подралъ по кожѣ рыцаря .... онъ робко оглянулся, прислушался — но ничего не слыхалъ, кромѣ мяуканья черной кошки. — Вотъ тебѣ шиллингъ, сказалъ онъ, бросаясь вонъ; но колдунья оттолкнула рукою ... — Я получу отъ тебя ихъ десятокъ, когда ты воротишься .... Ступай: конь и судьба ждутъ тебя за порогомъ. — Бруно поскакалъ, не оглядываясь. — Она рѣхнулась, думалъ онъ .... впрочемъ я нерѣдко сплю подъ плащемъ рыцарскимъ, а если ворочусь къ Духову дню — такъ и подавно въ головахъ будутъ березки. Да что за свадьба, что за по-

роны? Тьфу пропасть! мало ли у меня зна-
мыхъ!

На утро, когда встало солнышко, паруса
збойничьихъ его лодокъ чуть бѣлѣлись уже
взморьѣ. Долго ли, коротко ли, далеко
ли близко восвалъ баронъ — не знаю. Толь-
ужъ подъ вечеръ поднимался онъ на кру-
й берегъ къ замку въ самомъ томъ мѣстѣ,
ъ ручей впадаетъ въ море. — Вотъ я и по-
тился удачно, говорилъ Бруно своему
уженосцу. Роберть, снеси же эти десять
злитковъ старой колдуньѣ, и скажи, что въ
вздорномъ предвѣщаньи было немножко и
равды. Скажи ей, что я по добру, по здо-
ву, веселъ какъ именинникъ.

Очень видно, однако жъ, было, что его
еселье съ родни печали. Кто послѣ отлучки
оротится домой, оставя тамъ женщинъ, у то-
о по неволѣ забьется ретивое; подходя къ по-
огу .... какихъ вѣстей, какихъ гостей тамъ не
айдешь!! Такъ и у барона защемило сердце
е даромъ: не успѣлъ онъ пройти по берегу
есяти шаговъ — глядь ....

Признаюсь, господа, что тутъ онъ упи-
лъ — такъ вскипятило бы кровь и у само-
о хлодокровнаго мужа ... Баронъ видитъ:
ена его сидитъ рядомъ съ племянникомъ рука
ъ руку, уста въ уста. Обуялъ, задыхаясь

отъ гнѣва; стоялъ онъ передъ любовниками, а тѣ его и не замѣтили, какъ будто надъ ними воспѣвала райская птичка. Бруно не вѣрилъ глазамъ своимъ . . . .— Какъ? тотъ племянникъ, котораго онъ бросилъ въ тюрьму на голодную смерть — теперь передъ нимъ въ полномъ вооруженіи? Этотъ смиренникъ цѣлуется съ Лукзою, которая съ трудомъ подымала рѣсницы при мужчинахъ . . . . кровь и адъ! . . . нѣтъ, это не сонъ, не дьявольское навожденье!

Затопалъ онъ ногами, заревѣлъ — и если бъ не бряканье лать его, то вѣрно бы любовники кончили жизнь на этомъ поцѣлуѣ. Да нѣтъ. Регинальдъ успѣлъ вскочить и принялъ мечъ на свой мечъ, схватились рубиться — искры запрыгали . . . . . ударъ въ голову — и оглушенный Бруно, какъ снопъ свалился на траву.— Теперь ты въ моихъ рукахъ, злодѣй! говорилъ Регинальдъ, привязывая его къ дереву . . . . пришелъ конецъ твой. Отъ меня, братъ, не проси и не жди пощады, ты самъ ни кому не давалъ ея. Ты выучилъ меня лить невинную кровь по своей прихоти, такъ теперь не дивись, что я хочу напиться твоею изъ жести. Помнишь ли, что ты лишилъ меня имѣнья и воли, помыкалъ роднаго, какъ служку, унижалъ, обижалъ, презиралъ меня, наконецъ отнялъ мою невѣ-

сту и довелъ до того, что я сгубилъ свой покой и чистоту совѣсти? . . . . Ты уничтожилъ злодѣйски все, что для души дорого на землѣ, и лестно на небѣ . . . . Ты бросилъ меня на голодную смерть . . . . Ты мучилъ, терзалъ этого ангела, спасителя моей жизни, котораго не цѣнилъ, не стоилъ. Что оставалось мнѣ, кромѣ боя? Даже судъ Божій поединкомъ мнѣ запрещенъ былъ съ дядею. Но Богъ великъ — ты палъ — ты погибнешь! Надо видѣть было тогда барона: ниже травы, тише воды сдѣлался; откуда взялись слезы, откуда молитвамъ выучился! . . . . Зачалъ, небось, причитать Лазаря. Оно, правду сказать, смерть не свой братъ; особенно коли застанетъ въ расплохъ черную душенку.— Не помяни зла, будь отцемъ родпымъ, пусти душу на покаяніе! отдамъ все, что ты хочешь, сдѣлаю все, что велишь; стану держать твое стремя, выпрошу у папы себѣ разводъ, а тебѣ позволеніе жениться на Луизѣ. Пресвятая Бригитта! я отдамъ въ Ревельскій храмъ твой полъ-первой добычи, выстрою въ твое имя монастырь съ зимней и лѣтней церковью! Пойду самъ въ монахи, надѣну власяницу подъ панцыремъ, раздамъ нищимъ нажитое и грабленное. Луиза! у тебя доброе сердце, я испыталъ это, я винепъ передъ тобой . . . . уго-

вори, упроси, умоли Регинальда, пусть онъ дастъ мнѣ пожить, хоть еще годокъ, хоть мѣсяцъ, хоть часъ! — Ни пяти минутъ! — отвѣчалъ племянникъ, взводя лукъ....— Имя Бога, злодѣй, котораго ты призывалъ всегда всуе, чтобы угнетать бѣдныхъ, или увертываться отъ сильныхъ, теперь не спасетъ тебя.... При томъ, кто такъ подло труситъ умереть, тотъ и жить не стоитъ! — Но въ это время жалостливая баронесса кинулась на колѣни передъ любезнымъ, схватила его за руку.... —Не убивай, закричала она пронзительно.... Онъ злодѣй, но онъ твой кровный! — Ты не знаешь, чего просишь, Луиза, отвѣчалъ на эти рѣчи Регинальдъ ласково. Коли онъ живъ, то намъ не жить — это вѣрнѣе смерти. Неужели хочешь ты, чтобы звѣрь еще свирѣпствовалъ надъ всѣми? Онъ разорвалъ родство .... какой же присягѣ вѣрить послѣ этого? Впрочемъ, если ты хочешь видѣть меня на колесѣ, умирающаго въ мукахъ неслыханныхъ, если сама хочешь сгорѣть живая на маломъ огнѣ .... то скажи слово, и онъ живъ! — Такая картина ужаснула Луизу .... Женскій умъ слабъ — онъ видитъ только то, что передъ глазами .... Она отвернулась, махнула рукой.... лукъ взвылъ.... стрѣла угодила въ сердце, тутъ и духъ вонъ....

только кровь его брызнула на жену и племянника.

— Бруно погибъ — и дѣльно: онъ былъ виноватъ; да только правы ли его убійцы? Регинальдъ былъ малой благородный, добрый — зачѣмъ же онъ ходилъ съ дядей на разбой, когда зналъ, что это дурно? Конечно онъ дѣлалъ это невольно; да зачѣмъ же не ставало у него воли отказаться рѣшительно, или возстать противъ него явно? И въ самосудѣ — одна сторона права, а другая виновата. Такъ нѣтъ, онъ не заступался за угнетенныхъ до тѣхъ поръ, пока его лично не обидѣли. Онъ возсталъ только для спасенія своей жизни, — а можетъ быть и для выгодъ своей жизни! Какая жъ въ томъ заслуга? Есть ли тутъ чистота въ причинахъ, стало быть надежда къ оправданію? Онъ набавилъ околотокъ отъ злодѣя, за то подарилъ ему урокъ въ преступленіи. Притомъ же онъ былъ противъ дяди много виноватъ .... да и кровь родного, право, не шутка!

Скоро спровѣдали въ замкѣ, что Бруно убили, а кто, за что? .... Богъ вѣсть. Долго не вѣрилось этому.... наконецъ увидѣли — и радость пошла ходить по околицѣ. Всѣ обнимались, и цѣловались, словно мы, Русскіе, о Святой. Вотъ стали поговаривать объ убійцѣ, хотя

всѣ желали, чтобъ его не узнали. Покойника, какъ извѣстно, не жаловали, стало быть благодарили того, кто сплавилъ его на тотъ свѣтъ. Всѣ подозрѣнья, впрочемъ, упали на Роберта, оруженосца баронова, который вышелъ съ нимъ изъ ладьи глазъ на глазъ — и потомъ исчезъ — ни слуху, ни духу. Иные, правда, поглядывали изкоса на Регинальда, но онъ спокойно распоряжалъ похоронами, подчивалъ всѣхъ очень усердно — то скоро все и затихло. Тѣло бароново схоронили. Гдѣ былъ убитъ онъ, поставили каменный крестъ и въ замкѣ, до назначенія Магистра, — остался хозяиномъ Регинальдъ.

Коротка память у женскаго сердца, ихъ слезы — роса: такъ же легко падаютъ, такъ же скоро сохнутъ. Сперва Луиза то и знай, что рыдала; потомъ стала она молиться .... потомъ разсѣянать себя, да разгуливать; подъ конецъ ласки и увѣренья Регинальда, кстати и свои разсужденія, усыпили совсѣмъ ея совѣсть. Глядишь, не прошло полугода, она уже нарядилась въ цвѣтное платье, да и сама расцвѣла розаномъ. Погодя не много, захлопотали о свадьбѣ — разрѣшенье отъ Папы, благодаря золотымъ помпкамъ, прислано; чего жъ медлить? Назвали *гостей*. *Гости* съѣхались, пожимая плечами,

но расправляя рты. — Вотъ повезли жениха и невѣсту въ церковь, что стояла не вдалекѣ отъ Эйзена. — Славная парочка, говорили гости; только славная парочка стояла подъ вѣнцомъ, какъ обреченная на смерть. Блѣдны оба, не смѣя взглянуть другъ на друга. Нѣкоторые гости замѣтили только, что Луиза все что-то съ руки стирала, а женихъ озирался кругомъ при каждомъ скрыпѣ оконницъ, которыя ходили ходеномъ отъ октябрскаго вѣтра. Это навело какую-то тоску на всѣхъ окружныхъ. У всѣхъ вытянулись лица .... всѣ смолкли, только голосъ одного патера раздавался и переворивался подъ острыми сводами. Вдругъ что-то сорвалось со стѣны, брякнуло и покатилось по полу — двѣ свѣчи погасли, задутыя вѣтромъ — всѣ вздрогнули — это былъ шишакъ какого-то воина, повѣшенный здѣсь на память — опять, тихо, опять, гуди, смолкли органы .... и вдругъ почудилось, будто кто-то гаркая скачетъ къ крыльцу, ужъ по крыльцу. — Отвори, отвори! загремѣло за дверью — и отдалось въ куполѣ..... Всѣ обмерли; никто ни съ мѣста .... Взглянули вверхъ — тамъ неслось только облачко съ кадильницы. — Отвори! повторилъ страшный голосъ, и слышно было, какъ ржалъ конь и *топалъ по плитамъ* подковами — и вдругъ

двери, застонавъ отъ удара, соскочили съ петлей и рухнули на полъ.... Воинъ въ вороненыхъ латахъ, на ворономъ конѣ, въ бѣлой съ крестомъ мантіи, блистая огромнымъ мечемъ, рванулся къ налою, тонча испуганныхъ гостей. Блѣдное лицо его было открыто.... глаза неподвижны ..... и что жъ? Въ немъ всѣ узнали покойнаго Бруно. Завопилъ народъ отъ ужаса и разхлынулъ; кто упалъ ницъ, кто ударился въ бѣгъ — а онъ въ три скачка—очутился подлѣ новобрачныхъ.—Кровь за кровь, убійцы! прогремѣлъ онъ — вмигъ растоптанный Регинальдъ захрипѣлъ подъ ногами коня — и вмигъ, наклонившись, подхватилъ мертвецъ полумертвую Лунзу, перекинулъ ее черезъ луку, поворотилъ коня, взглянулъ на всѣхъ, какъ уголь, яркими очами, и стрѣлой вылетѣлъ вонъ изъ церкви — лишь огонь струями брызгалъ изъ-подъ копытъ по слѣду. Только и видѣли. Страхъ всѣмъ запечаталъ уста. Крестясь, разбѣжались гости.

Я сказалъ, что это было октябрскою ночью. Вѣтеръ вылъ волкомъ въ бору — море бушевало, напирая на скалы, и отшибаясь отъ нихъ. Бѣдная Лунза пришла въ себя, и морозъ пробѣжалъ у ней по жиламъ, *когда увидѣла* она, что лежитъ въ лѣсу на *мокрой травѣ*..... Мѣсяцъ былъ прямо на

черпаго рыцаря, который палашемъ рылъ яму, подъ тѣмъ самымъ крестомъ, гдѣ совершено было убійство .... Луиза очень ясно знала блѣдное лице покойника — ахнула, и снова безъ памяти.....

Опять очнулась несчастная .... открыла глаза — но уже ничего не могла видѣть — она лежала ничкомъ со связанными руками; она чувствовала, что ее засыпаютъ холодной землею .... у ней замерло дыханіе .... нѣтъ голоса крикнуть.... Въ отчаяніи едва, едва могла прошептать она: — Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! и вотъ остановилась ужасная работа. Громкій, адскій смѣхъ раздался надъ нею. — Смерть за смерть, измѣнница! сказалъ кто-то, и кровь ея застыла. Еще стопъ, еще усиліе, еще глухой вопль изъ-подъ земли, и только. Луиза задохлась, схоронена живая.

Ужасно! и теперь, когда я вздумаю о подобной кончинѣ, то на мнѣ проступаетъ холодный потъ и мертвѣютъ ногти. Кажись, всѣхъ менѣе была виновата Луиза, и всѣхъ болѣе пострадала, однако Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Луиза казнена жестоко; за то этотъ примѣръ спасалъ многихъ отъ грѣха. Что ни говори, а передъ святою правдою, бѣды на-

шего брата исчезаютъ — и мірское добро восходитъ и расцвѣтаетъ изъ зла.

На утро явился въ замкѣ черный латникъ мститель. Это былъ родной братъ покойника, и похожъ на него волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. Онъ мыкался по свѣту, былъ въ Палестинѣ, и ворочался домой богатъ одними заморскими пороками. Въ это время, какъ нарочно встрѣтилъ его братній оруженосецъ, который нечаянно былъ свидѣтелемъ убійства и бѣжалъ, испугавшись новаго господина. У страха глаза велики, говоритъ пословица . . . . и мы видѣли, какъ братъ отмстилъ за брата. Магистръ назначилъ его преемникомъ всѣхъ угодьевъ и службъ покойнаго: однако его звѣрство не осталось безъ наказанія. Черезъ десять лѣтъ Русскіе ворвались въ Эстонію, осадали замокъ, и наконецъ спекли чернаго рыцаря Бруно. Сожженный до тла замокъ Эйзенъ срыли они до основанія, и борона прошла тамъ, гдѣ были стѣны. Долго, долго послѣ того, и давно передъ этимъ, люди набожные собирали съ пожарища камни, и выстроили не вдалекѣ церковь во славу Бога. Это ея глава мелькаетъ

—Господа! я началъ за здравіе, а свелъ за упокой; но въ томъ не моя вина. И въ свѣтѣ часто изъ шутки выходятъ дѣла важныя.

НОЧЬ НА КОРАБЛѢ.

(Изъ записокъ гвардейскаго офицера, на возвратномъ пути въ Россію послѣ кампаніи 1814 *года).*

Англійскій фрегатъ **Flitch** *(Стрѣла), 6-й день пути.*

Я помню прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило
Желаній и надеждъ томительный обманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

А. Пушкинъ.

.....Вѣтеръ свѣжалъ, валы разыгрывались сильнѣе и сильнѣе — фрегатъ нашъ быстро катился по темной пучинѣ океана. Заря давно уже потухла на краю пустаго небосклона. Кругомъ темнѣло и только вдали чернѣлись мачты сопутнаго намъ Русскаго флота, только мерцали по кораблямъ фонари, будто звѣздочки. — Я сидѣлъ на кормѣ, на коронадѣ, и любовался великанскими валами, которые какъ будто наперерывъ гонялись за фрегатомъ, достигали его, и съ журчаніемъ, съ плескомъ о него разбивались. Фрегатъ вздрогивалъ при каждомъ ударѣ; клонился на бокъ передъ каждымъ напоромъ вѣтра и снова

вставалъ съ трескомъ и скрипомъ. Вахтенные матросы дремали по своимъ мѣстамъ, и лишь однозвучное восклицаніе лейтенанта: Steerboard! Backboard! (право руля, лѣво руля) и вѣчный отвѣтъ, yes, yes! (слушаю), поврежденно нарушалъ сторожкой сонъ мореходцевъ. Я уже ознакомился съ морскими опасностями и привыкъ ихъ не бояться. Притомъ равнодушіе всѣхъ окружающихъ внушаетъ спокойствіе и самому робкому путешественнику; я беззаботно предался мечтаніямъ подъ свистомъ вѣтра и между тѣмъ, какъ взоры мои летали за брызгами ешибающихся валовъ, мысли стремились далеко, очень далеко.

— Опять мечтаешь! сказалъ мнѣ капитанъ фрегата, Рональдъ, тихо ударивъ по плечу: а любезные твои товарищи безпечно пируютъ съ нашими моряками въ каютъ-компаніи. Но скажи искренно, dear Alister, куда и къ кому летала теперь крылатая мысль твоя?

— Я упредилъ быстроту твоей стрѣлы, капитанъ! я уже былъ на родинѣ, милый Рональдъ!

Но я опишу прежде, кто былъ этотъ Рональдъ.

Онъ Шотландецъ; говорятъ, отличный офицеръ на морѣ и на сушѣ; высокаго росту и стройнаго стана, русоволосъ и смуглъ: двѣ

рѣдкія вещи въ Британской природѣ. Не красавецъ, но право, если бъ я былъ женщиной, то трудно бъ было въ него не влюбиться. Какая-то суровая грусть придавала блѣдному лицу его важность и занимательность. Его глаза сверкали рѣдко, но видно было, что это зарево прежняго пожара страстей. Есть глаза, которые съ перваго взгляда вызываютъ откровенность и завѣряютъ дружбу; таково было благородное лице Рональда. Мы съ первой встрѣчи были уже друзьями.

— Я былъ на родинѣ! повторялъ я.

— Счастливецъ! сказалъ со вздохомъ Рональдъ: для тебя расцвѣтаетъ тамъ будущее; но для меня, оно нигдѣ не существуетъ.

— Ты несчастливъ, Рональдъ! спросилъ я дружески, пожавъ ему руку. Его тронуло мое участіе. За это искреннее пожатіе руки онъ заплатилъ мнѣ такимъ взоромъ, что если этотъ взоръ приснится мнѣ и въ могилѣ, я навѣрно улыбнусь отъ удовольствія. Со всѣмъ тѣмъ нелюбовь къ человѣчеству превозмогла, и онъ съ горькою улыбкою повторилъ:

—Несчастливъ! люди такъ расточительны на выраженія, что я боюсь показаться забавнымъ, назвавъ себя только несчастливымъ. Говорятъ: какъ я несчастливъ, что опоздалъ въ театръ,

какъ я несчастливъ, что не затравилъ зайца! Что жъ сказать послѣ этого мнѣ, потерявшему всѣ радости невозвратно и безнадежно?

— Ты любилъ, Рональдъ?

— Любилъ ли я?... какая жъ иная страсть въ наши лѣта можетъ возвысить душу до восторга или убить ее до отчаянія! Честолюбіе родится уже въ чаду потухшей любви; прилипчивое золото останавливаетъ одну ползущую старость — юность летитъ и любитъ. Ты самъ любилъ, Алистеръ, и ты поймешь меня. Я сталъ чужой между одноземцами; товарищи не могутъ разумѣть моихъ чувствъ; но у пылкихъ душъ одна отчизна, и я радъ, что могу освѣжить свою раздѣломъ и высказать горе минутному другу, обитателю береговъ Невскихъ; послушай!

Четыре года тому назадъ, какъ я ходилъ въ Ость-Индію, на военномъ кораблѣ, конвоировавшемъ флотъ компаніи. На возвратный путь, къ намъ флагманомъ назначенъ былъ контръ-адмиралъ кавалеръ Астонъ, занимавшій въ Мадрасѣ мѣсто вице-губернатора, и возвращавшійся тогда съ семействомъ своимъ въ Европу. Онъ избралъ нашъ корабль для пребыванія, и мы снялись съ якоря, едва онъ ступилъ на палубу. Я уже наслышался о красотѣ старшей дочери Астона,

но никогда не забуду той минуты, въ которую ее увидѣлъ, въ полномъ блескѣ красоты и молодости. Какъ теперь гляжу на нее, одѣтую въ свѣтлозеленое платье, съ перломутровою пряжкою на поясѣ, и въ широкой соломенной шляпкѣ; не умѣю выразить, что со мной сталось, когда я подалъ ей руку, чтобы помочь выйти изъ шлюпки, когда она поблагодарила меня взоромъ, и закраснѣвшись, опустила длинныя рѣсницы!... Есть страсти, которыя вспыхиваютъ, какъ порохъ, и горятъ до конца, какъ свѣча — такая-то страсть вспыхнула и во мнѣ, Алистеръ!

Но счастію или по несчастію, меня, какъ младшаго лейтенанта, назначили къ адмиралу флагъ-офицеромъ, то есть въ должность, равносильную адъютантской, которая требовала, чтобы я безотлучно находился при адмиралѣ. Скоро я сдѣлался у него домашнимъ, еще скорѣе Мери ознакомилась со мною, уже она не краснѣла, встрѣчаясь со мною взорами — и не рѣдко я заставалъ ихъ пристально устремленными на меня. Бывало, она садилась диктовать какую нибудь бумагу по службѣ, и я не дивился, отъ чего въ нихъ такъ много пропусковъ и ошибокъ. Бывало, когда я сижу за рисованьемъ, она склонялась черезъ

дашъ трепеталъ въ рукѣ, какъ въ груди трепетало сердце. Какъ любилъ я спорить съ этою милою, остроумною Мери, и какъ часто забывалъ свой предметъ и доказательства, вперяясь въ ея небесныя очи! Сколько разъ, безмолвенъ, въ упоеніи и въ забытьи, сидѣлъ я за чайнымъ столикомъ, любуясь каждымъ движеніемъ Мери, и кромѣ ея, ничего не видя и не слыша. Вся вселенная втѣснилась для меня въ каюту адмирала; въ Мери забывалъ я всю вселенную. Три мѣсяца восторговъ пролетѣли какъ сонъ — и корабль нашъ бросилъ якорь у береговъ Бразиліи.

Желалъ бы забыть, и позабылъ тебѣ сказать, что Астонъ имѣлъ жену, со всѣми недостатками дурнаго воспитанія, со всѣми пороками злаго характера, со всѣми прихотями ничтожной гордости. Она управляла адмираломъ, человѣкомъ умнымъ, но слабымъ, который предпочиталъ безпрекословно повиноваться волѣ жены, чѣмъ съ шумомъ исполнять свою. Однако же леди Астонъ умѣла даже и его вывесть изъ терпѣнія. Разсорилась съ нимъ въ Мадрасѣ, и за двѣ недѣли до его отъѣзда отправилась на Остъ-Индскомъ кораблѣ къ роднымъ своимъ въ Англію. Вообрази же, каково было наше изумленіе, когда при выходѣ адмирала на берегъ

въ Рio-Жанейро, она кинулась въ его объятія, какъ будто ничего не бывало. Такая нежданная и нежеланная встрѣча поразила и испугала Астона, который былъ весьма радъ избавиться отъ любезной своей половины; но стеченіе народа было многочисленно, семейныя ссоры и театральныя сцены были бы не у мѣста. Астонъ покорился необходимости, и, проклиная внутренно такой случай, — прижалъ жену къ груди своей.

Мое счастіе улетѣло съ пріѣздомъ леди Астонъ на корабль. Эта капризная женщина видѣла все въ черномъ видѣ, и каждое движеніе дочери и каждый шагъ мой были перетолкованы и оцѣнены. Меня стали звать къ адмиралу рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ удалили отъ должности. Все, что терпѣло сперва мое самолюбіе отъ обхожденія леди Астонъ — было услаждено удовольствіемъ видѣть Мери; — но все это было ничто противъ мученья столь сосѣдственной разлуки. Быть такъ близко подлѣ нея и не быть съ нею — слышать ея голосъ и не видать ея лица, внимать шумъ ея походки, и только!... О, Алистеръ! это выше всякаго понятія. — Упыпі Мери двоило тоску мою . . . и я таялъ очевидно. Этого мало: несчастье преслѣдовало *меня* еще далѣе. Однажды мнѣ удалось погово-

рить съ Мери въ каютное окно съ галлереи каютъ-компаніи; — но я дорого заплатилъ за это минутное удовольствіе. Леди Астонъ меня увидѣла.

Черезъ полчаса я былъ позванъ къ адмиралу. Леди Астонъ съ пылающимъ лицемъ сидѣла на диванѣ, и слѣды ея гнѣва еще видны были на опрокинутомъ чайномъ столикѣ и разбитыхъ чашкахъ; Мери плакала, самъ адмиралъ ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ. — Вы сѣдете сію же минуту на корабль Impregnable (Неодолимый), и заступите тамъ мѣсто заболѣвшаго лейтенанта! — сказалъ онъ мнѣ очень сурово: я сожалѣю, что здѣсь задержалъ васъ; вотъ ордеръ капитану Форрестеру... Прощайте! — Леди кивнула мнѣ головою и бросила злобный взглядъ; но я не могъ видѣть прелестнаго лица Мери, закрытаго длинными ея локонами... Не помню, какъ вышелъ я на верхъ; не помню, какъ посадили меня въ шлюпку; — знаю только, что огромнымъ валомъ опрокинуло насъ у самаго борта, и съ корабля едва успѣли спасти меня и плавающихъ гребцовъ. Между тѣмъ буря свирѣпѣла часъ отъ часу, и уже нельзя было думать спустить гребное судно. Я остался.

Мы были уже на паралели Бискайскаго залива, когда ураганъ захватилъ насъ. Онъ былъ жестокъ и продолжителенъ; двухъ-дне-

ная ночь задернула небо; вѣтеръ кружилъ и никто не зналъ, гдѣ мы находимся. Пазы стали расходиться отъ качки; вода врывалась въ корабль, какъ въ рѣшето; и люди падали у помпъ отъ изнеможенія.— Вдругъ мы почувствовали ударъ — и руль вылетѣлъ вонъ какъ перо . . . — Кидай лотъ! — 28 футъ. — Плохо! — 25 футъ; — Еще хуже! — 24 фута. — Ай, ай, ай! еще футъ — мы на мели, но глубина вдругъ пошла на прибыль. Утѣшительный голосъ запѣлъ: — 35 футъ! — Хорошо! — 42 фута. — Нельзя лучше! — 50 футъ. — Безподобно! — Два пѣтъ, лотъ проноситъ — слава Богу, думали всѣ: ушли отъ погибели. Но въ это же мгновеніе корабль всѣмъ днищемъ грянулъ на мель и волненіемъ его начало бить о подводныя скалы. Ужасное мгновеніе! мертвая тишина настала по стонѣ и вопляхъ... корабль тихо повалился на бокъ, валы какъ горы пошли черезъ палубу, и поднимая всю громаду — разрушили ее въ щепы, уносили въ море несчастныхъ. Только при блескѣ молній, разрывающихъ мракъ — обозначались черныя скалы недалекаго берега — и бѣлыми полосами мелькали, будто привидѣнія, станицы хищныхъ чаекъ, которыя съ зловѣщимъ крикомъ вились надъ нами, радуясь своей добычѣ. Смерть была кругомъ: все

гибло. Отчаянный, вбѣжалъ я въ адмиральскую каюту: половина ея была уже въ водѣ. Сердце мое облилось кровью — отъ того, что я увидѣлъ при блѣдномъ свѣтѣ фонаря. Адмиралъ между женой и двумя полумертвыми дочерьми, хотѣлъ и не могъ скрыть ужасную истину! Мысль о вѣчной разлукѣ оледенила слезы въ глазахъ его. Казалось, онъ оспаривалъ у жадной стихіи ея жертвы: казалось, онъ хотѣлъ заслонить ихъ отъ волнъ, прыгающихся въ разбитыя окна. А Мери . . . Я бы отдалъ тысячу жизней одну за другою, чтобы спасти Мери — но я позабылъ о себѣ и о смерти, когда она съ воплемъ наступленія кинулась ко мнѣ на грудь, и заклинала спасти ея сестру, ея родителей. Не знаю, какой ангелъ сохранилъ меня отъ безумства — видя неизбѣжную гибель той, которая была для меня все.

Разсѣтъ озарилъ весь ужасъ нашего положенія: одна только корма оставалась на поверхности — все прочее разнесено было волнами. Передъ нами въ полуверстѣ лежалъ пустой, каменистый берегъ и высокіе всплески показывали, что онъ неприступенъ. Въ горизонтѣ не видно было ни одной мачты; только море бушевало кругомъ бѣдныхъ остатковъ нашего корабля и ежеминутно грозило

поглотить насъ. Не знаю, можно ли вполнѣ уразумѣть мученье подобнаго состоянія, еще болѣе, когда видишь подлѣ себя любезную!

. . . . . .

Я кончу въ короткѣ, Алистеръ; мы рѣшились связать въ плотъ кой-какія доски и бревна, привязать къ нимъ женщинъ и пуститься съ волнами къ берегу, на Божью волю. Трое матросовъ унесены были волнами, еще двое раздавлены стиснутыми обломками, но остальные, напутствуемые Провидѣніемъ, полуубитые о камни, выброшены были на берегъ у подошвы скалъ. Во все это время я находился подлѣ Мери, поддерживалъ ее на водѣ, удалялъ бревна, могшія сдавить ее, и уже видѣлъ ее внѣ опасности распростертую на пескѣ, какъ вдругъ огромный валъ далеко взбѣжалъ на берегъ, покрылъ насъ, и унесъ безчувственную Мери опять въ море...

— Она утонула? вскричалъ я.

— Она спаслась, Алистеръ!

Одна любовь могла вдохнуть въ меня новыя силы. Я кинулся въ море, долго боролся съ набѣгающими валами, и наконецъ достигъ ея — и съ нею выплылъ до мелкаго мѣста. Изнемогая, обвязалъ я около ея тѣла брошенную съ берега веревку — и опустился на дно. Горькая вода лилась въ меня;

въ ушахъ звенѣло и журчало — меня душило, грудь разрывалась — еще усиліе, еще вздохъ — и больше не помню.

. . . Есть утѣшительныя минуты въ жизни. Я открылъ глаза, и что жъ? Мери, блѣдная какъ воскъ, склонясь, стояла надо мною. Влажные волосы прильнули къ шеѣ, капли морской воды катились еще по прелестному ея лицу. Вся душа ея была въ глазахъ, устремленныхъ на меня со страхомъ ожиданія. Рука ея лежала на моемъ сердцѣ, которое билось для одной ея, для ней только перестало биться! Ахъ, зачѣмъ я не умеръ послѣ этого небеснаго мгновенія!

Мы находились на пустомъ берегу острова Овезанда. Вся семья адмирала спаслась. Еще двое офицеровъ и 8 человѣкъ матросовъ . . . прочіе погибли. Скоро утихла буря, и шлюпки, съ флота посланныя, нашли насъ и перевезли на покойнѣйшій корабль. Помощь лекарей и старанія дружбы возстановили силы наши, и флотъ, безъ всякихъ приключеній, прибылъ въ Англію.

Леди Астонъ не могла не чувствовать важности услуги, мною оказанной. Обѣщанія, которыя вырвались у ней въ минуту погибели, и ласки, которыми она осыпала меня за спасеніе Мери, были у ней еще въ свѣжей па-

мяти: домъ адмирала сталъ для меня отворенъ.

Я взялъ отставку и зажилъ въ Лондонѣ. Настала зима, пришла пора баловъ, и я сказалъ прости! своему спокойствію. Свѣтъ былъ для меня не чужой: я бросилъ его по сердцу, и снова бросился въ него для сердца, вслѣдъ за Мери. Лордъ Грагамъ считался мнѣ съ родни, и потому я могъ смѣло кидать свои карточки на камины богачей и вельможъ, которые жили открыто. Мери, предупрежденная молвою, показалась къ нимъ въ сопровожденіи толпы модныхъ воздыхателей, и всѣ наши Dandys заахали отъ удивленія, всѣ кинулись ее смотрѣть съ такимъ же чувствомъ, какъ смотрятъ они новую панораму или бѣлаго слона. — Но къ сожалѣнію, увидѣлъ я, что лесть и пышность кружили Мери голову. Она уже скучала домашнею жизнію, и только воздухомъ гостиныхъ дышала веселѣе. Гораздо чаще произносила она имена графинь и леди, чѣмъ имена другихъ своихъ пріятельницъ. Улыбка самодовольствія мелькала на ея щекахъ, когда лорды и баронеты танцовали съ нею; однимъ словомъ: я не узнавалъ въ этой гордой красавицѣ Мери, и она едва узнавала своихъ старыхъ знакомцевъ. Я такъ много любилъ ее, что не могъ не желать

быть часто съ нею; но довольно гордъ, чтобъ не ползать въ толпѣ окружавшихъ ее куколъ и добиваться очереди. По этому я танцовалъ съ нею рѣдко, и безпокойное мое воображеніе не дремало на досугѣ. Нерѣдко, правда, когда Мери сходилась со мною, видно было, что хотя тщеславіе шептало ей за лордовъ и эсквировъ, сердце говорило за сира Рональда, и она незамѣтною ласкою награждала своего вѣрнаго рыцаря. Однако жъ самолюбіе мое оскорблялось тѣмъ не менѣе, что она не искала, хотя и не избѣгала случаевъ быть со мною. Сколько безсонныхъ ночей, сколько дней безотрадныхъ провелъ я отъ этихъ баловъ: какъ много крови сожгли во мнѣ ревность и досада! Только дома находилъ я въ вѣтренной Мери, прежнюю милую Мери, и сердце мое, охладѣвшее въ свѣтѣ, таяло отъ ея взора, и ревность утихала отъ ея вниманія. Наконецъ благосклонность Мери оживила щекотливыя надежды мои, и страсть сравняла всѣ препятствія. Я забылъ высокомѣріе ея родственниковъ и неудовольствіе моихъ родныхъ. Лестная мысль обладать Мери, совершенно овладѣла мною — и я сталъ довольно явно оказывать свои намѣренія. Да и почему бы не могъ я жениться на Мери? Предки мои предводили кланами еще тогда, какъ предки

многихъ изъ нынѣшнихъ лордовъ пасли стада свои; имена Рональдовъ были чаще на устахъ славы, чѣмъ имя Астоновъ, и состояніе мое могло доставить жизнь неблестящую, но безбѣдную. Я не говорю уже о себѣ, потому что говорю въ смыслѣ приличій, хотя нигдѣ и ни въ чемъ я не бывалъ послѣднимъ.

Замѣтивъ мои виды, леди Астонъ вспыхнула. Привязалась ни къ чему, велѣла дочери удалиться и обиняками наговорила мнѣ множество обиднаго. Для Мери я скрѣпилъ сердце, переложилъ свою гордость и молчалъ. Я еще желалъ внутренно разувѣрить себя, извинить леди Астонъ, приписывая все угрюмости ея характера, а не умыслу. Дорого стоило мнѣ рѣшиться быть еще разъ у Астона; однако жъ любовь перемогла, и я дня черезъ три явился къ обѣду.

Упрямая леди не вышла; адмиралъ былъ холоденъ; я ожидалъ этого, и не удивился; но видъ Мери поразилъ меня: ея спокойное, цвѣтущее лице ни мало не измѣнилось при моемъ входѣ. Она обошлась со мною, будто съ едва знакомымъ. Односложныя слова были отвѣтомъ на мои вопросы. Другъ Алистеръ! она коротко знала мой нравъ, знала, что ма-

на долго, что одно ея холодное слово могло отравить мое существованіе — знала — и ни одного взора, ни одного утѣшительнаго взора не склонила на того, кому за три дни посылала съ ними и сердце. Это уже было черезъ-чуръ для меня. Воля матери не могла заставить ее терзать меня, и холодность удвоивать высокомѣріемъ. Есть конецъ всему... и чувство собственнаго достоинства подкрѣпило мое слабое сердце. Я могъ быть преврѣтъ, но презрителемъ — никогда! Рональдъ не привыкъ играть роль селадона на привязи — я гордо простился съ Мери; но могъ ли я хладнокровно перенести эту обиду моему самолюбію, эту измѣну въ прекраснѣйшемъ существѣ на землѣ, и съ тѣмъ — уничтоженіе лучшихъ надеждъ, сладчайшихъ мечтаній моихъ!... Другъ! другъ! я впервые плакалъ тогда кровавыми слезами обманутой любви и неудовлетвореннаго бѣшенства!

Заря застала меня на пути къ Плимуту, и черезъ 10 дней я ступилъ на Испанскій берегъ, какъ волонтеръ Веллингтоновой арміи. Тамъ искалъ я разсѣянія, и не находилъ его. Мое сердце замерло для красотъ природы, для веселостей жизни, и шумъ бивака не заглушалъ тоски душевной. Образъ Мери не оставлялъ меня въ дыму битвы и на сонахъ

красавицъ знойнаго климата. — Искренно признаюсь тебѣ, Алистеръ, что безнадежная страсть эта утѣшала меня. Я любилъ воображать Мери, невольно меня оправдывающую, можетъ быть сожалѣющую Рональда. Я думалъ о ней, гоняясь за славой — мечталъ, какъ дойдетъ до нея вѣсть о моей отвагѣ, о моемъ отличіи, — она со вздохомъ скажетъ: онъ могъ быть моимъ . . . но къ чему воскрешать невозвратное! къ чему развѣвать пепелъ погасшей лавы!

Протекло два года, и моя тихая грусть взволнована была вновь письмомъ отъ двоюродной сестры моей изъ Англіи. Она писала, что бываетъ часто у Астона, что у нихъ многое перемѣнилось. «Въ большомъ свѣтѣ на все мода,» изъяснялась она. Мери проблестѣла свою череду — и мотыльки вьются теперь около новыхъ цвѣтковъ. — Да и безъ того въ молодежи нашей не было бы проку, одинъ золотой магнитъ привлекаетъ ее постоянно, а Мери недовольно богата для того круга, въ который бросила ее судьба. Воздушныя королевства леди Астонъ разсѣялись, и она видитъ теперь, что напрасно мѣтила на перовъ, да вицероевъ; за то бѣдная Мери, со своимъ пылкимъ сердцемъ, и въ немъ съ необхо-

ко сожалѣнія. Завлеченная наружностію, обманутая выученными фразами, она думала найти Грандисоновъ въ большомъ свѣтѣ, и поздно узнала свою ошибку. Автоматы наши не могли не только чувствовать подобно ей, ни даже разумѣть ея чувствованій. Забытая въ толпѣ, Мери, снѣдаемая самолюбіемъ и раскаяніемъ, блекнетъ и худѣетъ, и мнѣ кажется, милый Рональдъ, она еще любитъ тебя, любитъ болѣе, чѣмъ когда нибудь. Когда заводятъ о тебѣ разговоръ, она задумывается, вздыхаетъ украдкою, и нерѣдко слезы навертываются у ней на глазахъ. Адмиралъ скучаетъ, что не съ кѣмъ спорить о политикѣ.... «Бывало Рональдъ,»—говоритъ онъ; даже леди Астонъ начинаетъ хвалить тебя. Милый братецъ, прибавила кузина, отбрось гордость, которая дѣлаетъ тебя несчастливымъ, перестань бѣгать отъ самаго себя; пріѣзжай къ намъ, а прочее сладится само собою. Мери еще прекрасна и съ тобой расцвѣтетъ вновь, какъ роза.»

Можешь себѣ вообразить, Алистеръ, что это письмо еще болѣе прежняго возбудило мой гнѣвъ. Нѣтъ! униженіемъ не купитъ Рональдъ своего счастія, не станетъ замѣнительнымъ мужемъ за недостаткомъ лучшаго, не будетъ le pis aller, какъ говорятъ Фран-

цузы. — Я изорвалъ письмо, и остался въ [redacted] арміи.

Славный день сраженія при Витторіи [redacted] былъ черныхъ днемъ для меня. Увлеченный [redacted] излишнею запальчивостію въ преслѣдованіи [redacted] непріятеля, я вскакалъ въ кираспрскій эска- [redacted] дронъ и, прострѣленный пулею въ руку, [redacted], былъ сбитъ съ лошади и захваченъ въ плѣнъ. [redacted]. Въ Испаніи трофеи были рѣдки для Францу- [redacted] зовъ, и меня немедленно отослали во Фран- [redacted] цію. Скоро, по размѣнѣ плѣнныхъ, я сталъ [redacted] свободнымъ, и выздоравливающій полетѣлъ [redacted] на родину. Какъ сладостно забилось сердце [redacted] е мое, когда съ пристани въ Кале завидѣлъ [redacted] туманные берега Британіи. Время утишаетъ [redacted] гнѣвъ, разлука придаетъ цѣну свиданію, и [redacted] радостно воображалъ себя уже въ кругу дру- [redacted] зей и родныхъ, и скажу ли. . . мечталъ [redacted] о Мери, о счастіи; сердце ее оправдывало, [redacted] даже самый разумъ говорилъ: кто не заблуж- [redacted] дался? . . . Я колебался. Все быть можетъ [redacted], думалъ я наконецъ, но къ чему разгадывать [redacted] будущее?

Между тѣмъ, въ ожиданіи пакетбота, мн [redacted] вздумалось побродить по городу. — Вот [redacted] Англійская церковь, сказалъ лопъ-лакей, ука- [redacted] зывая на одинъ домъ, и я захотѣлъ посмотрѣть

ве. Меня удивило, что двери были не запер-
ты, и въ церкви ни души. Только въ придѣ-
лѣ, направо, стоялъ на катафалкѣ гробъ. Я
взошелъ на ступени, чтобы прочесть надпись
прибитой на немъ гробовой доски, но верх-
няя ея часть случайно была закрыта крепомъ,
и я только могъ разобрать, что умершая бы-
ла молодая путешественница, которая искала
на твердой землѣ здоровья, и нашла гробъ,
едва ступивъ на нее. Любопытство заставило
меня поднять покрывало, но какой-то непоня-
тный трепетъ охватилъ меня, когда я сталъ
отцѣплять покровъ отъ цвѣточнаго вѣнка, въ
который онъ запутался. Я поднялъ его мед-
ленно, и умершая, блѣдная какъ смерть, но
прелестная какъ жизнь, представилась гла-
замъ моимъ. Въ церкви было темно: я наклонился, чтобы разсмотрѣть ее пристальнѣе, и вдругъ глаза мои остановились вмѣстѣ съ дыханіемъ: это была Мери Астонъ! — Этихъ чувствъ, которыя соединяютъ въ одной минутѣ цѣлые вѣки адскихъ мученій, Алистеръ, не ощущаетъ дважды. Не знаю, какъ вынесъ я и одно то мгновеніе, когда прижалъ губы свои къ мертвымъ, посинѣвшимъ устамъ обожаемой Мери, и напечатлѣлъ на нихъ прощальный поцѣлуй, который запрещенъ былъ мнѣ при ея жизни. — Кровь во мнѣ застыла,

разумъ помрачился — и я безъ чувствъ упалъ на холодный полъ... Другъ Алистеръ! я едва не плачу теперь, но тогда я не могъ плакать... Рональдъ завернулся въ полосатый плащъ свой, чтобы скрыть свои слезы... по ему нечего было ихъ стыдиться — горячая слеза участія упала на сжатую въ рукѣ моей руку несчастнаго. —

Вѣтеръ завывалъ, паруса трепетали, и фрегатъ нашъ быстро катился по темной влагѣ океана.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О СИБИРИ.

Dem Schnee, dem Regen,
Dem Wind entgegen,
Im Dampf der Klüfte,
Durch Nebeldüfte,
Immer zu, immer zu!
Ohne Rast und Ruh!

Но вездѣ, вездѣ
Вблизи, вдали
Не позабу
Родной земли

Göthe.

...Куда не забрасываетъ судьба человѣка? куда не завлекаетъ жажда пріобрѣтенія? Богачъ требуетъ зимой плодовъ лѣта и цвѣтовъ весны, — требуетъ лѣтомъ зимнихъ сигонъ для мороженаго. Ему нуженъ полярный соболь на шубу и тропическія пряности для стола; онъ перемѣшиваетъ времена и смѣшиваетъ климаты — и купецъ спѣшитъ во всѣ края земли, чтобы доставить ему наслажденіе, себѣ выгоду. — Прихоть и нужда, средства и удобства жизни подстрекаемы однимъ и тѣмъ же — желаніемъ *лучшаго*, желаніемъ *счастія*. Само Провидѣніе вложило въ насъ этотъ будильникъ, для поддержанія всегдашней дѣя-

тельности, и что болѣе торговли питаетъ ее взаимнымъ промѣномъ надобностей и необходимостей, выгодъ и работъ? Купцы, сами того не зная, благодѣтели человѣчества, и званіе ихъ становится тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ просвѣщеннѣе ихъ виды, чѣмъ малокорыстнѣе обороты, чѣмъ полезнѣе обществу и опаснѣе для себя ихъ предпріятія.

Мы дивились, бывало, на какія опасности и лишенія осуждаетъ себя купецъ, пробѣгающій на верблюдѣ знойныя степи Африки или Аравіи, готовыя взволноваться и поглотить дерзкаго въ океанъ песковъ. Разбойники грозятъ разореньемъ и рабствомъ, удушающіе вѣтры пышатъ на него смертію . . . за то путешествіе его довольно быстро, и выгоды съ излишкомъ окупаютъ всѣ страхи и убытки. Посмотрите же теперь на своего соотечественника, который изъ 10 процентовъ, ежегодно проѣзжаетъ дважды три тысячи верстъ, отъ Якутска до Колымы и обратно, въ сорокоградусные морозы, по дремучимъ лѣсамъ и тундрамъ непзмѣримымъ, не видя человѣческаго лица, не преклоняя головы подъ кровъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; въ безпрестанной опасности быть занесену вьюгою на пути, или стать жертвою дикихъ звѣрей на ночлегѣ, или,

что хуже всего, потерявъ коней отъ недостатка поденѣжнаго корма, погрестись заживо въ безбрежной пустынѣ! . . . Тихо, одинъ за другимъ, нога за ногу, тянутся утомленные кони подъ семипудовыми вьюками. Тяжело ступаютъ они по сугробамъ, на которыхъ видны только слѣды звѣриные, только струи вечерашней мятели. Странники, закутавшись въ *дахи** и шубы, въ огромныхъ шапкахъ шерстью вверхъ, называемыхъ *табахами*, и въ оленьихъ *унтахъ*** чуть не по поясъ, въ наличникахъ и ошейникахъ, неподвижно сидятъ на высокихъ Якутскихъ сѣдлахъ. Всѣ безмолвны. Воздухъ мраченъ и густъ; караванъ идетъ сквозь осязаемые туманы — и они медленно, сонно, будто не хотя, задергиваютъ слѣдомъ прорванную и долго видимую въ воздухѣ стезю. Разсвѣтъ чуть брезжетъ; вотъ кровавая полоса зари сквозитъ на краю горизонта, и густые пары приподнимаютъ свою завѣсу, но все еще волнуются надъ головою. Солнце встаетъ, какъ огненный шаръ наровнѣ съ землею — и вдругъ тысячи радугъ играютъ по снѣгу, по заледенѣлымъ травамъ болотнымъ и по сучьямъ кустарниковъ. Алмазныя кисти и нити и кружева зыблются

* Шуба изъ дикой козы или коня, шерстью вверхъ.

ещутъ, роняютъ искры . . . блестки порю-
ть по воздуху — лучи всходятъ и вол-
ются, какъ жатва. Тѣни деревъ отражены,
еличены туманомъ, возникаютъ изъ земли
къ великаны, пріемлютъ фантастическіе
бразы башенъ, колоколенъ, столбовъ, цѣ-
ахъ замковъ *. — Зрѣлище великолѣпное,
э это на мигъ. — Солнце запало, и съ нимъ
счезаетъ очарованіе; снова стелется мертвое
оле подъ саваномъ снѣга; снова чахлые ку-
арники стоятъ кругомъ, отягчены инеемъ.
е видать ни птички, не слышно ни какого
олоса — это что-то страшнѣе могилы! Самая

---

* Подобныя отраженія (mirage) видѣли въ зимнее
емя полковникъ Тодъ въ Средней Азіи, и капитанъ
рангель во время опаснаго путешествія своего на со-
кахъ по льдинамъ Берингова пролива. Первому изо-
ажали они величественный городъ съ зубчатою стѣ-
ой, съ минаретами, съ башнями, чудесные замки,
ѣненные исполинскими деревами. Второму казались
алами, берегами, отдаленнымъ лѣсомъ и тому по-
бнымъ. Надобно замѣтить, что это не водное отра-
еніе (mirement), представляющее истинные предметы
братно или высоко на воздухѣ, и не вода степей
сурабъ), какъ называютъ Арабы и Персіяне оптиче-
кое море, убѣгающее отъ путника, о которомъ упо-
инаютъ Исаія и Квинтъ Курцій, по особый фено-
енъ, доселѣ неистолкованный физіологами. Индійцы
азываютъ его sie-kote, зимнія палаты. Не знаю,
мѣютъ ли они имя у Сибирскихъ инородцевъ.

смерть связана съ мыслію о жизни — а здѣсь она не дышала.

Наконецъ, по примѣтамъ, уже близко мѣсто ночлега: караванъ оживаетъ. Погонщики ободряютъ коней крикомъ: *барз! барз!* (пошелъ! пошелъ!) — Слава Богу, пріѣхали! Обгорѣлые пни торчатъ изъ снѣга — это пепелище. Вершники слѣзаютъ съ коней. Якуты развьючиваютъ ихъ, другіе ищутъ пастбища, гдѣ имъ легче добывать копытомъ скудный мохъ тундры; третьи тащатъ валежнику. Помногу, треща, разгорается огонекъ, и купцы ложатся кругомъ на полстяхъ, въ ожиданіи чаю и ужина. Одежда всѣхъ бѣлѣетъ морозною пылью; хвосты и паличники оледенѣли — ихъ снимаютъ для просушки. Они дышатъ свободно — и дыханье, шипя, летитъ инеемъ; они говорятъ — и движенія звуковъ видны въ воздухѣ. Много проходитъ времени, покуда натаютъ снѣгу, пока отойдетъ оледенѣлый хлѣбъ и сварится пища; но и тогда надобно ѣсть ее, не снимая котла съ угольевъ и рукавицъ съ руки. За то, ложась спать, необходимо раздѣваться до рубашки, чтобы просушить передъ огнемъ шубы, проникнутыя испареніями: можете вообразить, какъ пріятенъ подобный туалетъ на вѣтрѣ и

заносить снѣжными сугробами коней и путниковъ. Случается оставаться въ такомъ положеніи дня по два, и потомъ столько же для поправки отощалыхъ коней. Утромъ снова пускаются въ путь при блескѣ сѣвернаго сіянія, которое, то разсыпается по небу снопами ракетъ, то восходитъ радугами, то стоитъ свѣтлыми столбами. Такъ утомителенъ и единообразенъ весь переѣздъ. Одна скука, одно болѣзненное ощущеніе доказываютъ человѣку, что онъ еще живъ; умъ и сердце въ оцѣпѣніи.

Такимъ образомъ привезши свои товары въ страны полярныя, купцы распродаютъ ихъ въ Зашиверскѣ, въ Средне и Нижне-Колымскихъ, чиновникамъ, жителямъ, состоящимъ изъ Козаковъ, Якутамъ, забывшимъ языкъ свой, Корякамъ, Юкагирамъ и наконецъ Чукчамъ, на ярмаркѣ, бывающей въ мартѣ, или въ началѣ апрѣля. Отъ нихъ-то на котлы, грубыя сукна, китайки и бездѣлки щепетильныя, вымѣниваются лучшія огневки и чернобурыя лисицы, черные соболи и песцы — мѣха, которыми красуются Парижскія щеголихи въ палатинахъ, Петербургскіе fashionables въ воротникахъ, Московскія купчихи въ салопахъ, и солнце вселенной въ шубѣ, т. е. падишахъ Персидскій. Чукчи народъ воинствен-

ный и заносчивый, хотя и принимают от[illegible]ъ Русскаго правительства подарки старшинам[illegible]ъ, но не признают надъ собой никакого вла[illegible]а-дычества. Въ послѣдніе годы их стало ме[illegible]е-нѣе стекаться на ярмарку, и у многих вид[illegible]д-ны были ружья и не Русскаго издѣлія *. Должно полагать, что Американскіе китолов[illegible]ы стали снабжать их этими вещами. Чукчи, как и всѣ дикари, страстные охотники до водки, и хотя промѣнъ ея строго воспре[illegible]е-щенъ — по украдкой чего не дѣлается? За стаканъ водки, въ такомъ случаѣ, достают[illegible]ъ чернобурую лисицу; за второй Чукочь готов[illegible]ъ отдать втрое, но страхъ хлопотъ удерживает[illegible]ъ корыстолюбіе, и мѣна обыкновенно кончит[illegible]ся миролюбиво. Разобравъ мѣха по сорокам[illegible]ъ, зашивъ их въ суны, и скупивъ мамонтов[illegible]ую кость, купцы выючат коней и спѣшат мино[illegible]-вать тундры, покуда не растаетъ черепъ под[illegible]ъ ихами, чтобы поспѣть къ заключенію ярмар[illegible]ки въ Якутскъ, куда и прибывают въ іюлѣ, к[illegible]ъ женамъ, родным и знакомым **.

---

* Русским запрещено продавать оружіе Чукчам[illegible]ъ.

** Мамонтовой кости вывозится ежегодно по м[illegible]е-нѣе 2000 пудовъ, и пудъ въ Якутскѣ продается око[illegible]ло 25 руб. Замѣчательно, что клыки сих огромны[illegible]ъ сосцепитающих, большею частію, находятся верт[illegible]-кально и нерѣдко торчат надъ поверхностію зем[illegible]и,

Я довелъ васъ до Колымы, друзья мои,— надобно же тамъ оглядѣться. Наружность сихъ такъ называемыхъ городковъ, весьма непривлекательна: нѣсколько десятковъ домовъ, разбросанныхъ по плоскому берегу, у которыхъ нѣтъ ни дворовъ, ни пристроекъ, пото-

---

что дастъ поводъ думать, что цѣлые костяки мамонта погребены тутъ въ природномъ положеніи. Трудно рѣшить, принесены ли они отъ Юга водоворотомъ потопа (cataclysme), исчезнувшаго въ Ледовитомъ морѣ, или стада ихъ захвачены были въ Сѣверной Сибири, что можно подозрѣвать по длинной ихъ шерсти. Вообще Гг. Физіологи на эту часть мало обращали вниманія. Должно изслѣдовать, въ какой глубинѣ и породѣ лежатъ они, смѣшаны или особо, переломаны или нѣтъ, и главное, изъ чего состоитъ сама тундра. Мнѣ кажется, они произведеніе потопа — и въ такомъ случаѣ мнѣніе, что мамонты паслись на ней, рушится само собою. Меня увѣряли, что находятъ ихъ кости въ берегахъ Алдана, Вилюя, Мая и очень глубоко. Не имѣвъ случая повѣрить сіи разсказы, не могу и опредѣлить, къ какой эпохѣ принадлежатъ пласты, въ которыхъ вырываютъ сіи кости. Близъ Колымы, кромѣ слоновыхъ породъ, находятъ кости многихъ другихъ позвоночныхъ животныхъ (vertebrés). Между прочими носорогова рога (Rhinoceros), которыхъ жители произвели въ когти какой-то исполинской птицы, опустошившей будто бы край ихъ. Желая избавиться отъ чудовища, какой-то хитрецъ набилъ на вершину сосны желѣзо въ видѣ копья, и птица пронзила себя, садясь на него: нелѣпая выдумка корыстолюбивыхъ продавцевъ!

му, что нѣтъ ни животныхъ, ни хозяйства; небольшая деревянная церковь, такой же магазинъ для хлѣба, соли, да тамъ и сямъ юрты — вотъ и все. Прибавьте къ этому растянутые невода для просушки, жерди съ вяленою рыбою, кое-гдѣ человѣка, и вездѣ множество собакъ, и вы имѣете полную картину. Но и въ этомъ, забытомъ отъ свѣта углу, живутъ люди; и въ нихъ шевелятся желанія, даже страсти. Чѣмъ рѣже тамъ завѣжіе — тѣмъ они пріятнѣе, и вотъ почему Колымцы слывутъ гостепріимнымъ, такъ какъ дѣвушки ихъ красотою и привѣтливостію. Сонъ, или лучше сказать, спячка въ краю, въ которомъ вся зима есть ночь — необходимо долженъ занимать большую часть времени. Для экономіи обыкновенно спятъ днемъ, потому что ночью свѣтитъ сѣверное сіяніе. Покинувъ мягкія перины и пушистыя одѣяла, собираются около самовара, этого, можно сказать, идола Сибиряковъ, и попивая въ прикуску чай, начинаютъ отъ бездѣлья злословить ближнихъ и дальнихъ. Во время пребыванія Якутскихъ купцовъ, въ Колымѣ не жизнь, масляница. Какъ ни дороги тамъ хмѣльные напитки, но попойки идутъ за пирушками, и вотъ почему наживаются рѣдкіе, не смотря на чрезвычайно выгодныя мѣны. Посидѣлки, пѣсни и ка-

тапья занимаютъ остальное время, и при этихъ то прогулкахъ на собакахъ, случается цѣлому поѣзду веселой компаніи, съ женами и сестрами, невольно попасть на травлю бѣлаго медвѣдя. Собаки, завидя звѣря, который съ голоду ходитъ промышлять близъ селеній квашеной рыбы въ ямахъ, кидаются за нимъ, ободренные множествомъ, и не внимая голосу хозяевъ, достигаютъ, окружаютъ и начинаютъ трепать его: можете представить страхъ и крикъ и суматоху гуляющихъ! Почти всегда, однако жъ, охота кончится счастливо, потому что собаки опутываютъ его санною упряжью, сѣтью, растягиваютъ по снѣгу, и мужчинамъ остается только приколоть его копьецами, употребляемыми для упора на валкихъ ременныхъ сапочкахъ. Собравъ кое-какъ растерянныхъ или измятыхъ сѣдоковъ, поѣздъ возвращается домой, опять за самоваръ, за табакъ, за водку — три вещи, — къ коимъ страсть восходитъ тамъ до невѣроятной степени. Колымецъ, не имѣя хлѣба за столомъ, и употребляя даже съ часомъ вялепую рыбу юколу, вмѣсто сухарей, раззоряется, чтобъ напиться водкою, хотя она тамъ еще дороже муки*. Колым-

* Пудъ ржаной муки стоитъ тамъ 18 руб., штофъ

ская жительница готова отдать последнюю *парку**, *за закладочку свйку и за прикусочку сахарку*. Табакерка или трубка не выходятъ изъ рукъ сѣверныхъ Сибиряковъ; впрочемъ первая, по несчастію, въ употребленіи у Русскихъ мужчинъ и женщинъ; послѣдняя наиболѣе между дикарями. Но не вѣчно лежитъ зима на тундрахъ полярныхъ. Какъ пролетная птица, является лѣто, и тѣмъ краше оно, чѣмъ короче. Природа, обидѣвъ сей край хлѣбными и огородными растеніями и всѣми рабочими и домашними животными**, обильно вознаградила въ лѣтнюю пору стадами залетныхъ птицъ, которыхъ во время линянья жители загоняютъ въ сѣти тысячами, и собираютъ множество ихъ яицъ. Рѣки наполняются вкусными рыбами, въ невѣроятномъ количествѣ,

---

* *Парка*, оленья шуба, сшитая рубашкою. Остяки дѣлаютъ ее двойною, шерстью вверхъ и шерстью внизъ, съ капишономъ и рукавицами вмѣстѣ. Якуты и Камчадалы шерстью внизъ и всегда одинакую. Мездру дымятъ ольховою коркою, для предохраненія отъ сырости. Подолъ отарачиваютъ соболями или шитою шелкомъ полосою.

** Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребляются для зимней ѣзды собаки, скота не разводятъ, не по невозможности, но изъ опасенія собакъ, которыя разгрызаютъ лошадей и коровъ въ куски. Въ Охотскѣ рѣдкость даже кошка.

и наконецъ дикіе олени снабжаютъ даровымъ мясомъ своимъ на круглый годъ. Кстати я раскажу, какъ бьютъ ихъ.

Сибирь изобилуетъ разными родами оленей. Тамъ есть и настоящіе наши *олени* (cerf, stag), и *сохатые*, которыхъ Англичане зовутъ elk, Американцы moose-deer, и конхъ рога такъ дорого цѣнятся Китайцами, и наконецъ собственно Сибирскіе олени, Rennes, и этихъ рогей тамъ всего болѣе. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ сторонахъ гористыхъ, зимой пасутся по долинамъ, а въ лѣтній жаръ убѣгаютъ отъ комаровъ и оводовъ въ снѣжные *вольцы**. Тѣ, напротивъ, которые живутъ въ лѣсахъ, ищутъ прохлады далѣе къ сѣверу, и стремятся на тундры, равно для покоя и мягкаго моха, любимой пищи своей. Зная время порекочевки оленей, всѣ жители Колымскіе и окрестныхъ улусовъ собираются въ берестяныхъ лодочкахъ, называемыхъ *вяткалы*, къ тому мѣсту Колымы, гдѣ олени обыкновенно переплываютъ и, слѣдуя одной и той же тропинкѣ, притаясь въ травѣ, прилегши въ лодкахъ, ждутъ охотники добычи. На зарѣ слышится топотъ безчисленнаго стада . . . Вотъ ближе и ближе, передовой олень-водакъ одинъ сбѣгаетъ къ рѣкѣ, робко

* *Обнаженные* или всегда снѣжные верхи горъ.

ся, слушаетъ, фыркаетъ, вдыхаетъ
— все тихо, и неподвижно. Не захвативъ
пасности, онъ возвращается къ стаду
накъ переправы. Весело прыгаютъ
олени, забросивъ рога на спину и гор-
лышутъ къ другому берегу. Когда уже ты-
дя отъ рѣки, ловцы съ ужасными кри-
ь устремляются въ средину, между тѣмъ
ь засада сзади препятствуетъ остальнымъ
ротиться и спугивать всѣхъ въ воду. Тутъ
чинается побоище: вѣтки быстро охватыва-
гъ стадо, отрѣзываютъ его отъ береговъ,
ставляютъ обратиться противъ теченія.
ые удальцы врываются между оленей и ко-
ють ихъ, на право и на лѣво, небольшими
концами, близъ задняго окорока — въ пе-
чень или въ легкія. Заколотые олени уносят-
ся быстриною, и нижнія вѣтки плавять ихъ
къ берегу: раненые выходить на несокъ,
падаютъ отъ изнеможенія. Надобно знать, что
первые дѣлятся поравну на всѣхъ; послѣдніе
принадлежатъ тому, кто нанесъ ударъ, и, со-
образуясь съ этимъ обычаемъ, есть такіе не-
кусники размѣрить силу удара, что всякій
олень дойдетъ у нихъ до берега, но никакъ
не уйдетъ вдаль.

Между тѣмъ теченіе сноситъ всю группу
но бой продолжается съ ра-

достными восклицаніями и не всегда безопасно: иной олень, видя бѣду неминучую, ложится на бокъ и такъ сильно брыкаетъ задними ногами въ вѣтку, что она опрокидывается. Другіе ловцы вывертываются сами отъ излишней запальчивости, и наконецъ побоище кончится отъ усталости, и возобновляется только осенью, на возвратѣ. Оленій мозгъ и языкъ считаются въ Колымѣ самымъ лакомымъ кушаньемъ и самымъ почетнымъ угощеньемъ.

Я описалъ вамъ скучный ходъ каравана къ сѣверу; взглянемъ мимоходомъ на многочисленные караваны къ востоку, въ Охотскій портъ — это прогулка въ сравненіи съ первымъ. Казенный провіантъ и снаряды для Охотска, Гижиги, Камчатки, вещи и продовольствіе Американской компаніи, отправляемыя отчасти и на Ситху, наконецъ купеческіе товары и мука, масло, водка, все это вмѣстѣ требуетъ болѣе 20,000 лошадей, и отправляется почти въ одно время. Вьюки вывозятся на быкахъ на хребетъ Алдана, еще по снѣжнымъ *пластамъ**, и потомъ, когда покажется трава, кладутся на коней. Горы оглашаются тогда кликами и пѣснями погонщиковъ; караваны тянутся одни за другими. Тамъ подни-

* *Остающіеся между проталинъ слои снѣга весною.*

маются на обнаженный гранитный хребетъ, тамъ переправляются вбродъ черезъ быструю рѣчку, тамъ вьются по зеленѣющей долинѣ. Природа оживаетъ, лѣсъ опушается, цвѣты невѣдомые распускаются подъ ногою; дикая пустыня находитъ обитателей, и безмолвные утесы голосъ. Прикащики разсѣваются по сторонамъ за охотою, и выстрѣлы, переторгиваясь, гудятъ въ отдаленіи. Дорога безпрестанно разнообразится: то вы ѣдете по голому камню, то по мшистому зыбуну, по вѣчномерзлому леднику въ ущелинѣ, и рѣчки то свирѣпыя, то кроткія, смотря по погодѣ и часамъ дня, преграждаютъ не рѣдко путь надолго, но за то плѣняютъ слухъ и манятъ уста невольно. Вода въ нихъ, чистая какъ хрусталь, вкусная какъ рейнвейнъ, здоровая какъ живой ключъ; пьешь и хочется! Прелестные виды открываются на каждомъ шагу, и каждая скала имѣетъ свою легенду, каждая *падь* * свое преданіе **. Въ этомъ краю водится не-

* Теснина, ущеліе между двухъ горъ.

** Въ числѣ ихъ самое замѣчательное о кораблѣ, лежащемъ будто-бы на горѣ Аллахъ-Юна, на берегу находящагося тамъ довольно большаго озера. Разсказы о немъ смутили многихъ путешественниковъ, положившихся на слова Якутовъ, которые хвастаютъ *изъ* невѣжества, и иныхъ купцовъ, повторяющихъ *задоры изъ лѣни*, повѣрить дѣло своими глазами.

вѣроятное множество медвѣдей, и въ ясный день съ верху иной горы видны цѣлыя ихъ стада, смиренно роющія коренья любимыхъ ими растеній. Они очень кротки и рѣдко нападаютъ на людей, даже для обороны; за то вьючнымъ лошадкамъ отъ нихъ порядочно достается, и рѣдкую ночь не щечатъ они того или другаго каравана. Къ этому надобно прибавить, что они отличные воры и, страстно любя водку, очень искусно таскаютъ *фляги*, въ которыхъ возятъ ее *. Напившись до пьяна, мохнатый князь лѣсовъ покидаетъ обычную угрюмость свою, и давай кружиться, валяться, прыгать, будто показываетъ эквилибрическія штуки. Въ заключеніе спектакля, онъ обыкновенно кидаетъ деревянную флягу вверхъ, и ударомъ лапы разбиваетъ ее въ

Смѣю увѣрить, что никакого корабля тамъ не было и быть не могло. Поводъ къ этой сказкѣ подалъ плотъ, сколоченный изъ сосенъ съ кокорами, и теперь полупогрязшій въ тинѣ: онъ вѣроятно, служилъ бѣглымъ для ловли рыбы въ озерѣ, а быть можетъ, и безопаснымъ убѣжищемъ на ночь. Состояніе дерева не показываетъ древности, и едва обрубленныя кокоры вовсе не походятъ на шпангауты, т. е. ребра корабельныя.

* Подобные плоскіе боченки весьма полезно бы *ввести* въ употребленіе для вьючной перевозки на *Кавказѣ*, вмѣсто пахучихъ бурдюковъ (outres).

дребезги. Проказы его съ украденною мукою еще забавнѣе: онъ тащитъ сумы, набитыя ею, къ первому ручью, и не могши ѣсть сухую, разрываетъ кожу и начинаетъ сыпать въ воду, желая вѣроятно покушать саламаты; но злая быстрина уноситъ его стряпанье и мишенька терпитъ терпѣнье: развѣваетъ остатки по воздуху, и отъ этого-то, разумѣется, выходитъ самъ напудренъ, какъ эмигрантъ.

Въ прежнія времена падежи губили тысячами копей на Охотской дорогѣ, и многіе караваны гнили до зимы подъ открытымъ небомъ, не имѣя возможности дальнѣйшей перевозки. — Вотъ уже десять лѣтъ, какъ ихъ и слыхомъ не слыхать — и не диво: ранняя вывозка на полозьяхъ до Алдана сохраняетъ коней въ силѣ, слѣдственно и въ здоровьѣ, потому что всѣ повальныя болѣзни дѣйствуютъ всегда на изнуренныхъ. Въ прежнія времена бури и непогоды сторожили путниковъ на горахъ; — теперь, напротивъ, всѣ соглашаются, что все лѣто тамъ стоитъ прекраснѣйшая погода — и это естественно: близлежащіе лѣса, задерживавшіе испаренія болотъ и привлекавшіе облака, теперь отъ частыхъ пожаровъ разрѣдѣли и атмосфера очистилась. *Мочная рука* человѣка не только обезоруживаетъ *громовыя* тучи, вырывая изъ нихъ мол-

нію, какъ изъ змѣи жало; но гонитъ ихъ вовсе съ небосклона, творитъ около себя новую природу, и развиваетъ новые климаты какъ палатку.

Что сказать вамъ объ ѣздѣ на собакахъ? Вы сами видѣли тому живой примѣръ на Петербургскомъ бѣгу *. Для перевозки товаровъ употребляютъ ихъ между Зашиверскомъ, Средне- и Нижне-Колымскими, около Гижиги, Камчатки, и порой между Алданомъ и Охотскомъ, также въ Нарымскомъ, Березовскомъ округахъ, и во всѣхъ кочевьяхъ Вогуличей, Самоѣдовъ, Коряковъ, Чукчей и Камчадаловъ. Двѣнадцать собакъ везутъ обыкновенно сорокъ пудъ клади; впрочемъ настоящее ихъ употребленіе для переѣзда. Между Тобольскомъ и Березовымъ, равно какъ между Якутскомъ и Охотскомъ, многія станціи отправляютъ гоньбу на собакахъ, и исправно. На добрыхъ собакахъ можно уѣхать около 200 верстъ въ сутки, и кормя ихъ говядиной, а не рыбой, дѣлать упряжки верстъ по 70-ти. Ѣзда эта подвержена многимъ опасностямъ и неудобствамъ: чрезвычайно трудно сохранить всегда равновѣсіе, и нерѣдко собаки, выпалить съ-

* Упряжка сія привезена была, вмѣстѣ съ Камчадаломъ, Капитаномъ 2 ранга Голенищевымъ, нынѣшнимъ начальникомъ Камчатки.

дока, убѣгаютъ одинъ впередъ, и бѣдняга остается пѣшкомъ въ пустынѣ. Каждая вспорхнувшая въ сторонѣ птичка, каждый мелькнувшій вдали звѣрекъ увлекаетъ ихъ за собою. Въ Охотскѣ рѣдкую зиму не пропадаетъ какой нибудь человѣкъ, возвращаясь домой изъ гостей, въ туманную ночь. Заблудясь, собаки завозятъ его въ полынью взморья, или роняютъ съ берега рѣки. Притомъ, когда падаетъ рыхлый снѣгъ, для нихъ надобно протаптывать дорожку. Въ случаѣ гололедицы и большихъ морозовъ, на нихъ надѣваютъ сапожки и набрюшники.

Извѣстный физіологъ Араго, подводя всю природу подъ академическую мѣрку, открылъ намъ таинство, что снѣгъ не проводникъ теплоты — истина, въ которой не сомнѣвался еще ни одинъ Русскій крестьянинъ*. И вотъ по чему, восклицаетъ онъ, хранительная природа ниспосылаетъ наиболѣе снѣга, въ страны наиболѣе холодныя — иначе морозъ погубилъ бы все прозябеніе. Великолѣпное пустословіе!... всему есть границы. Утвердительно скажу,

---

* Спросите у него, для чего онъ горюетъ въ бесснѣжную зиму — онъ скажетъ, что „морозъ побьетъ сѣмена: снѣгъ бы держалъ тепло.“ Для сохраненія себя отъ морозной вьюги, онъ зарывается въ снѣгъ.

что въ Бессарабіи снѣга бываютъ нерѣдко глубже, нежели въ Сѣверной Россіи, а въ Сѣверной Россіи всегда глубже, чѣмъ въ Сибири, и вообще обильность ихъ зависитъ отъ измѣнчивости погоды, вовсе не отъ силы мороза. Отъ этого страны, прилежащія къ морю и большимъ озерамъ, страны, пересѣченныя высокими горами, снѣжнѣе степныхъ. Отъ этого же самаго, Якутская область, фокусъ холода, рѣдко покрывается снѣгомъ выше полуаршина, и скотъ всю зиму ходитъ на *отавѣ**. Конечно вѣтромъ наноситъ глубокіе сугробы, но сугробы не должны служить мѣрою. Да и отъ чего, позвольте спросить, могутъ быть въ чрезвычайно холодной сторонѣ большіе снѣга, когда они падаютъ только осенью, образуясь изъ паровъ замерзающихъ водъ? Въ послѣдствіе имъ не изъ чего и нѣтъ возможности образоваться. *Не изъ чего*, потому что постоянство атмосферы исключаетъ вѣтры, которые могли бы надуть испаренія странъ теплѣйшихъ, а собственныя уже низвержены морозомъ къ землѣ; *не льзя*, потому что термометръ не возвышается далѣе 33° во всю зиму, слѣдственно разрѣженный воздухъ не въ

* Подснѣжный кормъ, слово, употребительное и въ Россіи.

состояніи допустить туманъ до высоты снѣжнаго образованія. Впрочемъ природа очевидно противорѣчитъ этому, произрастая въ Якутской области огромные кедры, ели и сосны, и не лишивъ ее способности произращать яровую рожь и пшеницу, даже огородныя овощи. Но не только на мерзлой землѣ — на самыхъ льдинахъ можетъ развиться прозябеніе, какъ то видѣлъ капитанъ Парри въ послѣднемъ путешествіи къ полюсу. Слѣдственно не морозъ, который погружаетъ въ спячку многихъ животныхъ и всѣ произрастенія Сибири, не истребляя ихъ, но только недостатокъ тепла и свѣта препятствуетъ полному развитію растительной природы на тундрахъ полярныхъ; а снѣгъ, вообще, можетъ предохранить отъ внѣшняго холода только сѣмена озимыхъ злаковъ, и то до извѣстной степени *.

---

* Мнѣ кажется равномѣрно, что важность, которую почтенный Гумбольдъ приписываетъ изслѣдованію средней температуры для пріурочиванія (acclimater) деревъ среднихъ поясовъ къ холодному, ни къ чему не поведетъ насъ на практикѣ. Повторю: средняя температура въ круглый годъ въ Якутскѣ $5\frac{1}{2}$ гр. холода на день; но тамъ растутъ большія дерева и пшеница. На тундрахъ холодъ менѣе — но большаго растенія нѣтъ. Дѣло другое средняя температура одного лѣта: она можетъ показать степень возможности

Не досадуйте, друзья мои, на эту метеорологическую выходку — и одно зерно на четкахъ познанія природы не излишекъ. Притомъ же мнѣ больно видѣть, что многіе Русскіе, и даже Сибиряки, повторяютъ набожно ошибки чужестранныхъ профессоровъ, потому только, что онѣ иностранныя. Вы убѣдитесь, впрочемъ, замѣтя, что у Лопарей, Остяковъ, и по Низовьямъ Лены, то есть въ странахъ наиболѣе холодныхъ, употребляютъ, по малоснѣжью оленей въ санную упряжку; напротивъ, по приморьямъ Охотска и Камчатки, отъ глубокихъ снѣговъ, ѣздятъ на нихъ только верхомъ. Обратимся на Юговостокъ Сибири въ Удской край, куда возятъ купцы товары свои на хребтахъ оленей въ лѣтнюю и зимнюю пору.

Почти вся правая сторона Лены, до границъ Даурiи и Охотскаго моря, составляетъ кочевье Тунгусовъ и Ламутовъ, мирныхъ звѣроловцевъ Восточной Сибири, и за ними-то

прозябенія, но и къ оному надобно прибавить замѣчанія, при какихъ градусахъ мороза поражается стволъ дерева, — не повреждаютъ ли его въ цвѣту лѣтніе утренники, и т. п. Вообще я думаю, что дубъ можетъ расти по всей южной Сибири, ибо зима не вредитъ ему, а лѣто, равное лѣту Казанской губернiи, достаточно для полнаго развитія.

слѣдитъ неутомимый купецъ въ неизмѣримой пустынѣ, чтобы достать въ первыя руки добычу ихъ промысловъ. По невѣрнымъ разсказамъ и догадкамъ, бродитъ, блуждаетъ онъ, наудачу настигая дикарей въ тундрахъ и лѣсахъ, по которымъ отъ вѣка не пролегала дорога, не обращалось колесо, и конское копыто не оставляло слѣда своего. Случай наводитъ его на двѣ или на три убогія юрты — и онъ радъ иноплеменникамъ, какъ одноземцамъ; они принимаютъ его, какъ брата: взаимные подарки и угощенія предшествуютъ мѣнѣ. Тунгусъ бѣденъ, но честенъ и гостепріименъ. Живучи день до вечера одною ловлею, онъ нерѣдко постится дня по три, ничего не убивъ, но готовъ раздѣлить послѣдній кусокъ съ путникомъ. Для него самая мягкая полость, для него густыя оленьи сливки, для него отборныя ягодки *облепихи* *. Распрося о кочеваньѣ другихъ, купецъ покидаетъ гостепріимный кровъ *урусы* **, и снова на кроткихъ оленяхъ пускается въ океанъ пустыни. Какое важное безмолвіе въ ней царствуетъ! тѣнь лѣсовъ ея безпробудна! Кажется, и вѣтеръ не пролеталъ по нимъ . . . ни

---

* Сибирская ягода, плотно на стеблѣ растущая.

** Лѣтняя, изъ бересты конскими волосами сшитая, юрта.

одинъ листъ не дрожитъ на осинѣ; береза тлѣетъ на корнѣ, или тихо, тихо клонится на другую. Черная бѣлка, сидя на вѣткѣ, любопытно глядитъ на человѣка — и снова принимается грызть кору; испуганный соболь мелькаетъ вдали и быстро скачетъ съ дерева на дерево; одинокая цапля съ жалобнымъ крикомъ взлетаетъ съ болота, отбросивъ назадъ длинныя ноги . . . мошки вьются столбомъ надъ кровоцвѣтными *ржавцами* * . . . и только. Нигдѣ нѣтъ слѣду путешествія или знака работы, нигдѣ голоса человѣческаго. Лишь изрѣдка путникъ минуетъ поросшій мохомъ истуканъ на холмѣ — и онъ стоитъ одинокъ, словно духъ запустѣнія, или памятникъ вѣковъ и народовъ, давно исчезнувшихъ **. Случается,

* Неглубокія болота, окрашенныя окисломъ желѣза, краснобатою краскою.

** Кромѣ сихъ болванокъ, Тунгусы разсказываютъ, что въ Удскомъ краю, на одной высокой горѣ, есть корабль, врезшій въ землю. Одному изъ знакомыхъ мнѣ чиновниковъ случилось ѣхать мимо этой горы, и проводникъ увѣрялъ его въ истинѣ слуховъ; но подъемъ былъ крутъ, время къ вечеру, и онъ не заѣхалъ. Мнѣ кажется, что это есть ни что иное, какъ искаженное преданіе о ковчегѣ, общее всѣмъ Азіятцамъ. Тунгусы хотя и не Кавказскаго происхожденія, но статься можетъ, въ древнія времена сталкивались съ Кавказскими племенами, или получили намекъ о томъ по передачѣ.

взоръ его пораженъ когтистымъ слѣдомъ звѣря — онъ сходитъ съ лошади на землю, вглядывается и трепещетъ — это слѣдъ барса!

Барса? говорите вы съ иронической усмѣшкою сомнѣнія. Да, Мм. Гг., барса, и еще самаго большаго рода. Заблудясь ли, они заходятъ лѣтомъ изъ Средней Азіи, добыча ли заманиваетъ ихъ въ Сибирь во время вездѣ жаркое, или испуганные облавою Китайскаго императора, забѣгаютъ туда — только рѣдкій годъ, чтобы въ Якутской Области не убили одного или двухъ, и не видали многихъ. Его алчность и безстрашіе, его сила и быстрота ужасаютъ охотниковъ, и рѣдкая шкура барса не покупается тамъ кровью. Вотъ что случилось въ 1827 году.

Двѣ семьи, одна Якутская, другая Тунгусская, кочевали вмѣстѣ, не очень далеко отъ Якутска. Хозяева ихъ, оба охотники, были старинными друзьями. Въ одно утро, жена перваго съ ужасомъ вбѣжала въ юрту, и отъ нея насилу могли довѣдаться, что она испугалась какого-то невѣдомаго звѣря. Ловцы, схвативъ свои винтовки, выбѣжали на поляну — но и они оробѣли въ свою очередь: на два выстрѣла отъ юрты лежалъ барсъ. Боясь раздѣлиться на охотѣ, они остались дома.

удалялся. Онъ съ жадностію ждалъ добычи, и съ каждымъ часомъ дерзость его возрастала отъ голода. Крики, бросанье головнями, бряцанье въ котелъ — все было напрасно: онъ отпалъ, прыгалъ, рыскалъ и снова ложился на такомъ же разстояніи. Еще минопали сутки — и лонцы пришли въ отчаяніе; плачъ и стонъ семей жаждущихъ, голодныхъ, устрашенныхъ пробудили въ нихъ отвагу. Все равно было, умирать съ голоду или отъ когтей звѣря и Якутъ рѣшился начать сраженіе. Двойнымъ зарядомъ зарядилъ онъ широкоствольное ружье, которое по счастію у него случилось — и смѣло пошелъ къ осаждающему ихъ непріятелю. Барсъ, наумясь, глядѣлъ, какъ тотъ приближался, весело началъ бить хвостомъ, разинулъ кровавую пасть, и сталъ облизываться, какъ будто предчувствуя добычу. Но когда Якутъ приналъ на колѣно, чтобъ ловче ударить, онъ надулъ шерсть, свился змѣемъ и прыгнулъ какъ молнія — выстрѣлъ встрѣтилъ его на лету — но въ одно мгновеніе рука несчастнаго стрѣлка была размождена въ зубахъ освирѣпѣлаго звѣря. Въ эту минуту Тунгусъ кинулся на него съ *пальмою* *, и нанесъ три раны, — барсъ обратилъ

---

* Ножъ, привязанный на ратовищѣ — родъ копья.

взоръ его пораженъ когтистымъ слѣдомъ звѣря — онъ сходитъ съ лошади на землю, вглядывается и трепещетъ — это слѣдъ барса!

Барса? говорите вы съ ироническою усмѣшкою сомнѣнія. Да, Мм. Гг., барса, и еще самаго большаго рода. Заблудясь ли, они заходятъ лѣтомъ изъ Средней Азіи, добыча ли заманиваетъ ихъ въ Сибирь во время вездѣ жаркое, или испуганные облавою Китайскаго императора, забѣгаютъ туда — только рѣдкій годъ, чтобы въ Якутской Области не убили одного или двухъ, и не видали многихъ. Его алчность и безстрашіе, его сила и быстрота ужасаютъ охотниковъ, и рѣдкая шкура барса не покупается тѣмъ кровью. Вотъ что случилось въ 1827 году.

Двѣ семьи, одна Якутская, другая Тунгусская, кочевали вмѣстѣ, не очень далеко отъ Якутска. Хозяева оныхъ, оба охотники, были старинными друзьями. Въ одно утро, жена первыхъ съ ужасомъ вбѣжала въ юрту, и отъ нея насилу могли довѣдаться, что она испугалась какого-то невѣдомаго звѣря. Ловцы, схвативъ свои винтовки, выбѣжали на поляну — но и они оробѣли въ свою очередь: на два выстрѣла отъ юрты лежалъ барсъ. Боясь *раздѣлиться* на охотѣ, они остались дома. *Прошелъ* день, прошла ночь — но барсъ не

удалялся. Онъ съ жадностію ждалъ добычи, и съ каждымъ часомъ дерзость его возрастала отъ голода. Крики, бросанье головнями, бряканье въ котелъ — все было напрасно: онъ стапалъ, прыгалъ, рыскалъ и снова ложился на такомъ же разстояніи. Еще минували сутки — и лонцы пришли въ отчаяніе; плачъ и стонъ семей жаждущихъ, голодныхъ, устрашенныхъ пробудили въ нихъ отвагу. Все равно было, умирать съ голоду или отъ когтей звѣря и Якутъ рѣшился начать сраженіе. Двойнымъ зарядомъ зарядилъ онъ широкоствольное ружье, которое по счастію у него случилось — и смѣло пошелъ къ осаждающему ихъ непріятелю. Барсъ, наумясь, глядѣлъ, какъ тотъ приближался, весело началъ бить хвостомъ, разинулъ кровавую пасть, и сталъ облизываться, какъ будто предчувствуя добычу. Но когда Якутъ припалъ на колѣно, чтобъ ловче ударить, онъ надулъ шерсть, свился змѣемъ и прыгнулъ какъ молнія — выстрѣлъ встрѣтилъ его на лету — но въ одно мгновеніе рука несчастнаго стрѣлка была разможена въ зубахъ освирѣпѣлаго звѣря. Въ эту минуту Тунгусъ кинулся на него съ *пальмою* *, и нанесъ три раны, — барсъ обратилъ

---

* *Ножъ, привязанный на ратовищѣ — родъ копья.*

злобу на новаго нападателя и сломавъ ратовище, уже рвалъ его когтями . . . къ счастію, Якутъ справился, выхватилъ остальной рукой ножъ и вонзилъ въ бокъ врага . . . барсъ, истекая кровью, покинулъ добычу, отошелъ далѣе и упалъ; но израненные и обессилѣвшіе охотники не могли его преслѣдовать. Вечеру онъ издохъ . . . Я видѣлъ его шкуру, купленную Начальникомъ Области — она была необыкновенно велика *. Безстраш-

* Я готовъ, не смотря на расположеніе пятенъ, назвать его тигромъ, ибо это не pardalis древнихъ (Felis pardus Линнея) и не guépard, Кювье (Felis jubata), однимъ словомъ, не то, что Французы называютъ panthère, судя по росту и силѣ его. Впрочемъ нетарную барсъ, кажется, не былъ чуждъ довольно холоднаго климата, и вѣроятно предки наши знали его не по одной наслышкѣ. Вспомнимъ, что въ пѣсни о полку Игоревомъ не однажды упоминается. «Пардуже гнѣздо.» Въ горахъ Кавказскихъ не рѣдко убиваютъ тигровъ, и Горцы увѣряютъ, что тамъ водятся и львы (Aslan), и вообще кажется, болѣе народонаселенность, чѣмъ климатъ, изгнала сихъ звѣрей изъ Европы и украинъ Азіи. Помпей, при открытіи своего театра, *показалъ* 600 львовъ и 410 барсовъ. При открытіи Марколова, *убито* 268 львовъ и 310 барсовъ. Траянъ, послѣ побѣды надъ Парѳами, далъ игры на коняхъ умерщвлено 1100 рѣдкихъ звѣрей. Философъ съ нѣкоторою радостью видитъ въ этомъ, что кровожадная страсть Римлянъ къ звѣринымъ травлямъ истребила хищныхъ

ный Якутъ умеръ чрезъ два дня; Тунгусъ долго страдалъ отъ раны.

Нерѣдко, опоздавъ на сборное мѣсто дикарей, купецъ, не получа никакихъ свѣденій, теряетъ вовсе расчетъ, блуждаетъ, самъ не зная гдѣ, самъ не зная куда. Проходятъ недѣли, мѣсяцы, запасъ истощается, олени слабѣютъ — а ни слѣду, ни жилья: все глухо и пусто. Съѣдаютъ порожняго оленя; опиливаютъ рога у прочихъ на пищу, варятъ ремни и сумы — нѣтъ, какъ нѣтъ спасенія... «Завтра!» говоритъ надежда, но завтра — свѣтаетъ и меркнетъ — голодная смерть близится со всѣми ужасами. Мнѣ случилось видѣть избѣгшихъ подобной гибели: они походили на выходцевъ съ того свѣта. Впрочемъ, эта участь постигаетъ не однихъ путешественниковъ: вотъ, что разсказывалъ мнѣ одинъ купецъ, нерѣдко ѣздившій въ Удской край:

Мнѣ хотѣлось повидаться, говорилъ, онъ, со старинымъ моимъ знакомцемъ, Тунгусскимъ охотникомъ. Я зналъ мѣсто его зимовья, потому, что онъ былъ *безоленный**, и прямо выѣхалъ къ его юрть. Собаки не лаютъ

---

* Неимѣющій оленей, по бѣдности, сидячій. Такъ точно есть и безлыжные Самоѣды, неупотребляющіе

— вѣрно думаю, на охотѣ. Приближаюсь, нѣтъ дыму, это что бы значило? Вхожу — у меня замерло сердце! Жена его оледенѣла надъ грудным младенцемъ, который лежалъ у ней на колѣняхъ, и умеръ, не находя молока въ истощенной груди. Старшая дочь лежала ногами на погасшемъ очагѣ, желая конечно погрѣться на угольяхъ, которыхъ не могла раздуть отъ слабости. Мальчикъ, лѣтъ 12, закоченѣлъ, грызя ремень обуви. Судорожная тоска видна была на всѣхъ лицахъ и во всѣхъ членахъ, особенно въ поднятыхъ къ небу глазахъ матери. Должно думать, ужасное это происшествіе случилось мѣсяца два назадъ, потому, что вѣтромъ навѣяло въ трубу много снега, и мертвецы сверкали имъ. Хозяинъ, я полагаю, погибъ отъ мятели на ловлѣ, а семья дома отъ голода — и тѣмъ вѣроятнѣе, что мы нашли подлѣ очага сырые лоскутья шкуры съ собаки, которая, безъ сомнѣнія, одна воротилась назадъ, и была съѣдена, за недостаткомъ иной пищи.

Такъ-то опасна жизнь Сибирскаго охотника — но онъ любитъ ее. Перенесите его въ прекрасный климатъ, въ пышный городъ — онъ задохнется въ вашихъ палатахъ; онъ будетъ тосковать по снѣжной своей родинѣ, по старому раздолью и волѣ; ему постылетъ

жизнь безъ надежды и страха, и скоро пріѣстся жирный кусокъ, покупленный опасностію. Въ самомъ дѣлѣ, когда подумаемъ, что мы сами, охотясь для развлеченія, съ такимъ волненіемъ цѣлимъ по куропаткѣ, съ такою радостью кидаемся, когда она падаетъ, то поймемъ, какую цѣну имѣетъ охота въ глазахъ того, у котораго жизнь всего семейства зависитъ отъ удачнаго выстрѣла, у кого, говоря словами Шиллера, весь міръ заключенъ въ стволѣ ружья, кто каждый разъ, какъ Вильгельмъ Телль, цѣлитъ въ роковое яблоко! Для него это не просто выстрѣлъ — это подвигъ, это его исторія!

Въ краю, отрѣзанномъ отъ Европы хребтомъ Рифеи, гдѣ всѣ рѣки, то есть ходячія дороги, — текутъ съ юга на сѣверъ, само собою разумѣется, что перевозка *вдоль* должна и будетъ всегда занимать первое мѣсто. Пускай однако же Гг. поклонники водяныхъ сообщеній не пугаются этого. Во первыхъ зима, замыкая рѣки льдами, въ теченіе семи мѣсяцевъ — уменьшаетъ ихъ важность для торговли; а во вторыхъ, она стелетъ по всей Россіи чудеснѣйшій мостъ, по рѣкамъ, по болотамъ непроходимымъ, и превосходнѣйшее шоссе, которое для Государства имѣетъ неоцѣненную выгоду: оно ничего не стоитъ. Притомъ

надо вспомнить, что Киргизкія степи снабжаютъ Сибирь множествомъ крѣпкихъ лошадей, а избытокъ земли можетъ питать ихъ овсомъ и сѣномъ очень задешево. Впрочемъ самое дѣло доказываетъ эту истину лучше словъ. Если бы доставка въ Сибирь колесомъ иноземныхъ товаровъ, а въ Россію Китайскихъ, была дорога, то въ Якутскѣ не платили бы лишь 150 коп. за фунтъ рафинаду, а въ Москвѣ 7 рублей за хорошій чай. Быстрота, съ которою ходятъ вдоль Сибири обозы, одна имѣетъ въ сутки они пробѣгаютъ 120 верстъ на одинакихъ лошадяхъ, — а нанимая по деревнямъ сѣнныхъ, ходу ихъ еще поспѣшнѣе — и это имѣетъ большое вліяніе на дешевизну, потому, что тѣмъ скорѣе обращается капиталъ, тѣмъ выгоднѣе купцу уступить на товаръ, для выручки денегъ на новыхъ оборотахъ. У расторопнаго Иркутскаго купца, онъ въ два года обратится пять разъ. Въ одинъ и тотъ же годъ онъ успѣетъ побывать у Макарія, въ Ирбити, на Кяхтѣ и въ Якутскѣ. Безконечные обозы тянутся по дорогѣ въ извѣстное время туда, въ другое оттуда, влекомые насадимъ вѣтромъ торговли. Я не могъ надивиться неутомимости коней и ямщиковъ. Они не отдыхаютъ, такъ какъ наши, по 4 и болѣе часовъ: полтора, много два —

вотъ ихъ привалъ. Сдѣлавъ упряжку, обозъ останавливается въ деревнѣ, просто на улицѣ или среди двора, потому, что Русскихъ крытыхъ дворовъ тамъ нѣтъ. Сей часъ горячимъ конямъ засыпаютъ овса, и варятъ себѣ кашу. Чуть поѣли — коней на водопой, и въ оглобли. Извощики садятся тутъ на возы, и съ часъ дремлютъ, между тѣмъ какъ лошади, покачиваясь будто сонныя, шагомъ идутъ по дорогѣ. Прикащики нѣжатся на перинахъ въ огромныхъ кибиткахъ, ѣдущихъ сзади; но скоро кликъ: пошелъ! пробуждаетъ всѣхъ, и обозъ пускается рысцой на всю упряжку.

Въ декабрѣ, если Байкалъ не покрылся еще льдомъ, многіе обозы отправляются кругомъ его чрезъ крутыя горы, чрезъ обнаженные гольцы, встрѣчаютъ ихъ бури и мятели. Подъемъ на заоблачный хребетъ Хамаръ-Дабана особенно труденъ и опасенъ. Вьюги запосятъ сугробами снѣга дорогу, пробитую зигзагомъ, такъ, что не видно и надолбовъ — и тогда одинъ порывъ вѣтра, одинъ невѣрный шагъ свергаетъ возъ и коня въ пропасть, гдѣ они разбиваются въ дребезги.

Переправа чрезъ Байкалъ, по льду, бываетъ тоже не безъ опасности. Иногда буреи взламываетъ на немъ огромныя полыньи; въ

такомъ случаѣ обозъ отсѣкаетъ большую льдину, на которой стоитъ, и на ней, какъ на плоту, переѣзжаетъ на другой берегъ, обращая въ способъ самое препятствіе.

Случается весной, что остальные обозы, ѣдущіе изъ Кяхты послѣ бѣлаго мѣсяца, то есть времени ярмарки съ Китайцами, захватываются водопольемъ на морѣ; тогда иные гибнутъ, иныхъ прибиваетъ къ берегу послѣ долгаго плаванія, на рыхлой льдинѣ, вися между жизнію и смертію. Лѣтній перевозъ черезъ Байкалъ совершается посредствомъ карабасовъ, довольно неуклюжихъ купеческихъ судовъ. Для коронныхъ надобностей есть галіоты. Желательно, чтобы Правительство устроило тамъ пароходъ, для примѣра купечеству и вѣрнѣйшаго сообщенія почтъ. На счетъ перевозки гужомъ, я забылъ сказать, что безпутная зима въ полдороги, или ранняя весна — заставляетъ иногда мѣнять телѣги; но извощики рѣдко терпятъ отъ того накладъ, продавая крестьянамъ скаты, или чаще всего отдавая ихъ на сохраненіе.

Сама природа указала Сибири средство существованія и ключи промышленности. Схороня въ горахъ ея множество металловъ и цвѣтныхъ камней, давъ ей обиліе водъ и лѣсовъ, но между тѣмъ заградивъ ее отъ Евро-

ны, она явно даетъ знать, что Сибирь должна быть страной фабрикъ и заводовъ. Когда мы будемъ дѣльнѣе разсуждать о торговлѣ тамошней, я вамъ разскажу, гдѣ и почему должны быть учреждены какіе заводы, чтобы обратить въ меньшій и многоцѣннѣйшій объемъ сырыя произведенія; а теперь удовольствуюсь замѣчаніемъ, что дешевизна въ устройствѣ двигающихъ силъ и ручныхъ работъ завѣряетъ успѣхъ, а возраждающіяся нужды дикарей и самихъ Сибиряковъ — сбытъ издѣлій. Не надобно упускать изъ виду и Бухарію: рано или поздно, и чрезъ нее пролижетъ намъ дорога въ Индію: и тогда стыдно будетъ Сибири забавляться только трапзитомъ. Но возвратимся къ Природѣ. Она, одаривъ южный край Сибири необычайнымъ плодородіемъ, и обратя всѣ потоки въ Ледовитый Океанъ, кажется, говоритъ: питай Северъ, лишенный хлѣбныхъ произрастеній. И въ самомъ дѣлѣ, множество судовъ разнаго вида и рода сѣчетъ за первыми льдами внизъ по Иртышу и Оби, по Енисею и Ангарѣ, нагруженные мукою, чтобы промѣнивать ее на мѣха у разныхъ народовъ, по низовьямъ рѣкъ сихъ живущихъ. Возьмемъ въ примѣръ сплавъ по Ленѣ, какъ самый значительный.

Товары уже привезены гужомъ на Качу-

скую пристань, и ожидаютъ разлива. Верховье Лены вздувается тающими снѣгами въ горахъ Саянскихъ; воды растутъ, ломаютъ ледъ — рѣка проходитъ. Половодье подымаетъ построенные въ Верхоленскѣ повозки, родъ Волховскихъ полубарокъ, и четвероугольные плоскодоны, называемые тамъ барками. Въ первые грузятъ товары, во вторые муку, скупленную въ окрестности и по устьямъ Илги и Куты; ее насыпаютъ прямо на помостъ, а кровля защищаетъ отъ дождя. Теченіе несетъ ихъ внизъ, и приставая къ берегу, они производятъ на немъ съ дикарями мгновенную ярмарку. Въ городкахъ Киренгѣ, Витимѣ, Олекмѣ стоятъ по недѣлѣ — или какъ удастся, и наконецъ приплываютъ къ первому числу іюля въ Якутскъ, средоточіе мѣховой торговли, гдѣ ярмарка продолжается цѣлый мѣсяцъ и уже не на судахъ, а въ каменномъ гостинномъ дворѣ. Тамъ распродаютъ, промѣниваютъ и отдаютъ въ долгъ всѣ товары и хлѣба. Суда идутъ въ ломку, а сами купцы возвращаются въ Иркутскъ на почтовыхъ лодкахъ, отправя кладь съ мѣхами и костью въ особыхъ судахъ, которыя поднимаются бичевою возвращающимися домой барочниками. *Такова* сущность дѣла; но взглянемъ на картины попутныя: Ленскіе виды исполнятся.

Спачала сердитая рѣка, протекая между багровыхъ скалъ, громоздитъ льдины на льдины. Какъ плавучіе острова, быстро несутся онѣ по теченію и сокрушаясь, звучатъ подобно гармоникѣ. Въ колѣнахъ, касаясь берега, онѣ точатъ, подрываютъ его — и вы нерѣдко видите кремнистыя глыбы на хребтѣ голубыхъ, прозрачныхъ льдинъ. Упираясь въ твердыхъ берегахъ, онѣ образуютъ природную плотину; настигающій ледъ лѣзетъ выше и выше, нижній осѣдаетъ до дна: рѣка вздувается, бушуетъ — и вдругъ прорывается, хлябь водопадами, у коихъ каждый валъ — ледяная громада. Такъ катитъ въ море льды свои Сибирскія рѣки, наѣзжія ложе, срывая и пересыпая острова. Но скоро очищаются онѣ отъ льду и *плавуна* *, и тогда молчаніе прерывается только крикомъ гусей, летящихъ въ поднебесье; только подмытая сосна, падая съ крутизны, на мигъ ломаетъ зеркало водное, на мигъ пробуждаетъ эхо. Быстро, но не замѣтно влечетъ насъ теченіе въ ворота горъ, отражаясь отъ одной до другой *щеки* ** утесовъ. Вершины ихъ обросли кедрами и

---

* Или плавникъ — лѣсъ, наносимый горными ручьями въ рѣку.

** Такъ называются въ Сибири отвѣсныя скалы

елями, березы вьются по разсѣлинамъ, и затопленный тальникъ купаетъ въ струяхъ кудри. — Неизъяснимою прохладою вѣетъ воздухъ, и рѣдкія поляны блестятъ пышною зеленью и разноцвѣтною *сараною* *. Какъ диво, встрѣчаете вы человѣка въ этомъ царствѣ запустѣнія. Это или Тунгусъ, припавъ на плавучемъ пнѣ, съ натянутымъ лукомъ подкрадывается къ дикой уткѣ, или Якутъ машетъ двуперымъ весломъ въ легкой вѣточкѣ, спѣша вынуть изъ морды стерлядь — или вверху бѣжитъ всадникъ на цѣпкомъ конѣ по висящей на утесѣ тропинкѣ — такъ что страшно взглянуть на него.

Но кто опишетъ ужасную красоту лѣсныхъ пожаровъ, столь обыкновенныхъ въ Сибири! Далеко встрѣчаютъ путника, плывущаго по рѣкѣ, облака дыма, — наконецъ видны и волны пламени, разливающагося по горѣ — иной утесъ кажется дракономъ съ огненною гривою. Съ трескомъ пожигаетъ пламя валежникъ, сухой лѣсъ и опушку. Высокіе кедры и сосны обгораютъ только до половины... Огонь ползетъ, вьется по нимъ, какъ змѣя — яркое зарево играетъ надъ головою, рѣка то двоитъ картину, отразя ее въ лонѣ своемъ — то

* *Lys bulbeux*, родъ царскихъ кудрей, весьма красивый цвѣтокъ.

опять застилается клубьями дыма, и путникъ вплываетъ подъ сводъ его, будто въ мрачное жерло ада.

Чѣмъ ближе къ Якутску, тѣмъ рѣка шире, берега круче, виды живописнѣе. Въ безлѣтную ночь, когда воды гладки, какъ зеркало, и небо чисто, какъ вода, порой минуешь скалы, которымъ причудливая игра природы дала образованіе длинныхъ колоннадъ, минаретовъ, колоколенъ. Вдругъ видишь разсѣлину, какъ будто разсѣченной горы, и полная рѣка, въ безмолвіи сливаясь съ Леною, омываетъ стопы какого-то дивнаго замка и великанскихъ башенъ его, увѣнчанныхъ зубцами, поросшихъ мохомъ и утлыми деревьями. Тамъ необъятной величины голова, будто смотрится въ пучинѣ, тамъ сверкаетъ ключъ въ глубинѣ таинственной пещеры. Какая-то святая тишина лежитъ на дѣвственномъ твореніи, и душа сливается съ дикою, но величественною природою. И вотъ уже минула часовая ночь: денница загарается на востокѣ; чуть увяла заря на западѣ . . . вѣтерокъ холодѣетъ . . . тамъ, на далекомъ мысу, струится синій дымокъ; тамъ, въ чистой Русской избѣ, найдемъ мы пріютъ, и мягкій хлѣбъ, и

Но вотъ мы близко къ Якутску: колокольни церквей его и башни деревяннаго замка уже видны, и разлитая верстъ на 15 Лена, подобно огромному проливу, катится между затопленныхъ острововъ, зажѣтыхъ только вершинами тальника. Народъ толпится на набережной, огружаютъ лошади, выкатываютъ бревна, работаютъ и гуляютъ — все въ движеніи. Выстрѣлы, возвѣщающіе прибытіе судовъ, пѣсни плывущихъ барочниковъ и говоръ около кашеварныхъ огней, отраженныхъ водою — оживляютъ зрѣлище. Здѣсь конецъ плаванію Иркутскаго купца; но мы можемъ спуститься по ниже, какъ путешественники.

Только до Алдана и не далеко за него, берега гористы и величавы — чѣмъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ они площе, площе, и наконецъ, за Жиганскомъ, переходятъ въ тундру. Лѣсъ рѣже и мельче, мохъ (lichen) замѣнлетъ траву, рѣка течетъ почти по болоту. Самое взморье наводитъ тоску на сердце: милліоны баклановъ, гусей, журавлей, всякихъ птицъ водныхъ, гуляютъ по *зыбунамъ**, плаваютъ по заводямъ, перелетаютъ съ озера на озеро, плещутся, играютъ. Стонъ стоитъ отъ ихъ крика на по-

* Трясина, плоучій мохъ, выбющійся надъ бо-

морьѣ — и это единственный голосъ жизни. Берегъ и море и небо сливаются въ единообразную, туманную черту. Взору не на чемъ отдохнуть въ пустомъ отдаленіи — ни одинъ цвѣтокъ не манитъ руки — все грустно, все дико. Самое солнце, блѣдное, безлучное солнце, незакатимо ходитъ по небу, какъ тружникъ. Весь этотъ край есть переходъ организма къ безчувственности, — это *копыто природы*, какъ выразился одинъ знакомый мнѣ докторъ.

ШАХЪ ГУССЕЙНЪ *.

Праздникъ Мусульманъ Шіитовъ, въ Дербентѣ.

* Въ скоромъ Татарскомъ произношеніи, слова эти звучатъ Шах-сейнъ, а Русскіе — большіе мастера ломать на свой ладъ всѣ иностранныя выраженія — сдѣлали изъ нихъ Чуксей, что имѣетъ съ часто повторяемымъ припѣвомъ Вай-сейнъ, (увы, Гуссейнъ) обратился у нихъ въ Чуксей, Вакей. Праздникъ этотъ, равно какъ Байрамъ, переходитъ въ разныя времена отъ лунаго Персидскаго года. Нынѣ онъ былъ въ концѣ іюня.

Вы знаете, или вы не знаете, что Магометанство дѣлится на два раскола: на секту Абубекера и Омара: Суппи, и секту Али, Шаги*. Турки большею частію Суниды, Персіяне Шагиды, и признаться сказать, два эти народа ненавидятъ другъ друга за различіе исповѣданій такъ усердно, что это сдѣлало бы честь самому изувѣрному католику во время войнъ за религію. Шагиды особенно отличаются нетерпимостію: ни за что не ста-

---

* Суппи значитъ *послѣдователь;* Суниды признаютъ только 4-хъ Халифовъ. Шаги, переводятъ *кривый.* Шагиды считаютъ 12 Халифовъ. —

путъ они ѣсть вмѣстѣ съ христіаниномъ, и хотя бы тотъ умиралъ съ жажды, не подадутъ ему чашки воды, боясь осквернить сосудъ: это настоящіе старовѣры. — Татары, жители Дербента, принадлежатъ къ любезной сектѣ Шаги, и я имѣлъ случай видѣть праздникъ ихъ въ честь Гуссейна, внука Магометова: это родъ религіозной трагедіи, по . . . но вы, можетъ быть, готовитесь читать очень длинную и чинную диссертацію, въ которой авторъ, безъ зазрѣнія совѣсти, выкрадываетъ красивую ложь изъ всѣхъ писателей о Востокѣ — ошибаетесь, друзья мои; я вамъ напередъ сказываю, что не рѣдко забывая, какъ зовутъ моихъ тетушекъ, тѣмъ не менѣе помню семейныя ссоры халифовъ. Поэтамъ же, путешественникамъ и оріенталистамъ, не во гнѣвъ почтенному J. J. S—i, имѣю полное право не вѣрить теперь ни въ занятой: они лгутъ о прелестяхъ Азіи какъ эпитафія, и вѣводятъ небылицы на Фердуси и Гафиза. Притомъ со мной нѣтъ ни одной исторической книги о Турціи, а въ Дербентѣ, кромѣ Исторіи Мирамонда, другой не водится. Мнѣ оставалась, слѣдственно, одна дорога: разсказы Татаръ; но и тутъ тысяча и одно разногласіе! Муллы и мирзы, и книжники и фарисеи здѣшніе препорядочные невѣжды, и Арабскій языкъ,

на которомъ писано сказаніе о шахѣ Гуссейнѣ, для нихъ едва ли не книга семи печатей! Одинъ только мирза Молла-Ханъ-Магоммедъ разсказалъ мнѣ, съ грѣхомъ пополамъ, содержаніе представленія. Впрочемъ, если вы не найдете моего разсказа въ исторіи — это не моя вина: тамъ нѣтъ и крылатаго лошака (Бураkъ), на которомъ Магомедъ вознесся на небо, между тѣмъ, какъ всякой Мусульманинъ опишетъ вамъ всѣ примѣты священнаго четвероногаго, какъ будто онъ самъ водилъ его на водопой.

Али двоюродный братъ и зять Магомеда, былъ свергнутъ Абубекеромъ и Омаромъ съ халифства. За ними послѣдовалъ власть Османъ; онъ потерялъ жизнь въ мятежѣ, которому, кажется, Али не былъ чуждъ. Мовья, владѣтель города Шамъ (вы найдете его на картѣ и почью, потому что Шамъ значитъ: свѣча), съ сыномъ своимъ, Изидомъ, берутся мстить кровью за кровь. Изидъ, по смерти отца, пріемлетъ титло халифа, сражается съ Аліемъ; но еще споръ не рѣшенъ. Али умираетъ. Сынъ его, Гассанъ, по кознямъ Изида, отравленъ женою; остается другой сынъ, Гуссейнъ; и халифъ по жечу, требуетъ отъ претендента по праву, покорности. Гуссейнъ ищетъ умножить своихъ послѣдователей; го-

родъ Куфа объявляетъ себя на сторонѣ его, — онъ посылаетъ туда двоюроднаго брата Мусселима, чтобы увѣриться въ ихъ преданности — и отвѣтъ самый благопріятный. Гуссейнъ спѣшитъ соединиться съ ними, но за 80 верстъ не доходя, войско Язидово, подъ начальствомъ Омаръ-Сата, встрѣчаетъ, разбиваетъ и разсѣваетъ дружины Гуссейна; самъ онъ убитъ съ двумя сыновьями. Кажется, коротко! изъ этого однако жъ вытянута десятидневная трагедія. Не знаю, какое Европейское терпѣніе выдержало бы такую пытку, — но Татары восхищаются до слезъ — и справедливо! Они по крайней мѣрѣ, избавляются этимъ отъ скуки на цѣлый годъ, между тѣмъ какъ васъ ежедневно мучатъ волшебныя оперы и зѣвательныя трагедіи, дилогіи и трилогіи, прологи и водевили, и вся бенефисная челядь, съ безконечными своими афишками.

Недѣли за полторы до настоящаго представленія, — ребятишки зажигаютъ мангалы* и съ крикомъ: Али! Али! пляшутъ около огня всякую ночь часовъ отъ 9 до 11. Между

---

* Мангалъ собственно значитъ жаровня. Домашніе мангалы глиняные и служатъ здѣсь вмѣсто печей, зимою. Эти печи, сквозныя желѣзныя на палкѣ, наполняются тряпками, облитыми нефтью.

тѣмъ начинаютъ убирать мечети знаменами, и галлереи мечетей, зеркалами, зеркальцами, тканями и золотомъ шитыми занавѣсками, собираемыми на это время съ домовъ. Татарскій вкусъ — чудо въ полномъ значеніи слова, и отъ того пестрыя галлереи эти страхъ походятъ на ветошныя наши лавочки. Въ главной мечети между прочимъ выставлена была картина, лубочной живописи, на которой изображенъ Рустамъ, баснословный строитель Дербента, поражающій кинжаломъ дьявола (шайтанъ). Надобно прибавить, что Мусульманскій бѣсъ въ полной формѣ: съ хвостомъ, съ когтями и съ клыками. На палицѣ 4 стопудовыхъ жерновныхъ камня, и на рогахъ виситъ колоколъ. Не отъ того ли Мусульмане такъ не любятъ колоколовъ? Рустамъ однако жъ укротилъ его и заставилъ воздвигать городъ: — и такъ Дербентъ есть образчикъ адской архитектуры! Я давно это подозрѣвалъ, глядя на грязную груду камней.

Наконецъ начинается представленіе. Увертюру обыкновенно составляютъ мальчишки, которые съ свѣчами и криками кружатся на всѣхъ площадяхъ близъ мечетей. Гуссейнъ, человѣкъ прекрасной наружности, въ чалмѣ, въ полосато-атласномъ плащѣ (чуха), въѣзжаетъ съ двумя женами, съ сыномъ, съ сестрами, съ

родными и съ дружиною. Онъ, свѣдавъ о приближеніи непріятельскаго войска, останавливается у деревни Банья-Сатъ. Старшины приносятъ ему на поклонъ барановъ; но онъ не принимаетъ ихъ — черта, удивительная въ Азіи, гдѣ безъ пешкеша (даръ, то есть взятка) ничего не дѣлается. Приходитъ Омаръ-Садъ съ дружиною: человѣкъ самой глупой наружности, въ длинномъ красномъ кафтанѣ, держащій безмолвно саблю на плечѣ; начинается схватка, и нѣсколько всадниковъ убито. По исторіи, сраженіе происходило отъ восхода до полудня; но Татары длятъ его для удовольствія, и каплей по каплѣ наслаждаются въ теченіе десяти ночей, — и такъ всѣ слѣдующія девять суть повтореніе одного и того же. Перейдемъ прямо къ окончанію.

Въ 11 часовъ мангалы воспламеняются, толпы жужжатъ, какъ пчелы, и плоскія кровли домовъ унизаны зрительницами. Оцинанные ребятишки смѣняются кругами обнаженныхъ по поясъ, или только до полгруди Татаръ, которые, схватясь лѣвыми руками за кушакъ сосѣда, бьютъ себя въ грудь правыми изо всей силы и въ ладъ, припѣвая Арабскіе стихи, которые напоминаются имъ грамотными, въ серединѣ прыгающими школьниками: это настоящіе бѣсы передъ заутреней. Изъ

мечети у главныхъ воротъ выносятъ гробницу для Гуссейна: она сдѣлана на подобіе мечети съ двумя впереди минаретами: вся раззолочена, въ узоръ разноцвѣтною фольгою, металлическими цвѣтами, и внутри убрана золотыми монистами и пронизками, тысячи на три червонныхъ. Другой ходъ приближается снизу, неся изображеніе мечети, въ которой вѣнчался Мусселимъ на дочери Гуссейна, и каждая процессія ведетъ предъ собою богатоубранную лошадь, пробитую стрѣлами и окровавленную, на которой лежатъ доспѣхи котораго нибудь изъ убитыхъ родственниковъ Гуссейна. При встрѣчѣ, плески въ грудь и крики усугубляются, раздается выстрѣлъ, и мулла кричитъ, что это конь такого-то праведника. Ходы соединяются и продолжаютъ восходить къ главной мечети. До сихъ поръ все шло хорошо: одни только пробужденные ослы вторили дикому крику Татаръ; но вдругъ, откуда ни возмись свинья! Она очень покойно почивала въ переулкѣ на кучѣ грязи, — когда шумъ и свѣтъ испугалъ ее; не зная, куда дѣться, бѣдняга кинулась подъ ноги правовѣрныхъ, и тѣ, избѣгая прикосновенія нечистаго животнаго, бросились врозь. Боже мой, какая тревога! Бѣшеный быкъ на Невскомъ проспектѣ не сдѣлалъ бы столько шу-

му. Кто швырялъ въ нее камнемъ, кто пырялъ ногой, кто гнался за нею съ кинжаломъ. Наконецъ непріятель съ визгомъ ретировался, и спокойствіе возстановилось. Мы уже у главной мечети. На дворѣ главной мечети толпы густѣютъ. Каждая процессія, вступая туда съ ружейнымъ выстрѣломъ, проводитъ копя. Двѣ гробницы и мечети, пронесенныя съ торжествомъ, ставятся къ сторонѣ, —этотъ видъ былъ дико-прелестенъ! Вообразите себѣ тысячи Татаръ, полуобнаженныхъ, съ голыми, бритыми головами, которые, въ припадкѣ изувѣрства, терзаютъ себѣ грудь ударами и оглашаютъ воздухъ крикомъ; вообразите себѣ багровый блескъ мангаловъ, кипящихъ нефтью, играющій на правильныхъ, но дикихъ лицахъ Азіятцевъ, на тканяхъ вѣющихъ знаменъ, на мшистыхъ стѣнахъ мечети, покрытой сидящими рядами женщинъ, закутанныхъ въ бѣлыя и пестрыя покрывала (чадры), и на яркой зелени огромныхъ деревъ, осѣняющихъ дворъ. Галлерея, полная зрителями, наболѣе Русскими, блистаетъ множествомъ свѣчъ и зеркалъ. Фонтанъ, внизу ея текущій, окруженъ живописными толпами, черпающими ладонями воду, освѣжая себя отъ жару и изнеможенія; наконецъ луна, символъ Исламизма, сверкая порой сквозь облака и дымъ нефти, кажется, блѣд-

нѣя глядитъ на поклонниковъ своихъ, перемѣшанныхъ съ Христіанами! Все это изумляетъ, поражаетъ васъ новостію и странностію своею; но чувство это минутно. За нимъ раждается досада на Магометанское изувѣрство — непримиримаго, вѣчнаго врага всего добраго и полезнаго. Потомъ становится смѣшно смотрѣть на безвкусіе Татаръ, на смѣшеніе неопрятности и роскоши, важности и глупости внѣстѣ. Здѣсь вы видите ощипаннаго мальчика съ изрѣзаннымъ лбомъ, всего въ крови*, рядомъ съ семидесятилѣтнимъ старикомъ съ красною бородою**; тамъ запачканный Татаринъ, въ грязной рубашкѣ, умывается розовою водою! Счастливы мы, что племя, отъ имени коего трепетала Европа, и предки наши ползали въ прахѣ, — внушаетъ теперь только забавныя мысли; но еще будемъ счастливѣе, когда побѣдимъ ихъ предразсудки, и найдемъ въ нихъ братій по просвѣщенію!! Но вотъ представле-

---

* Это нарѣзываютъ имъ отцы кинжалами, въ знакъ печали. Взрослые набожные Татары сперва прокалываютъ себѣ грудь, пронимаютъ замокъ и носятъ дотолѣ, докуда не выгніетъ. Другіе вонзаютъ по два кинжала въ руки.

** Здѣсь сѣдина всегда красится красною краскою: это Персидскій обычай.

ніе возобновляется. Гуссейнъ, призывая Аллу во свидѣтели правоты своей — сбирается въ битву; жены и маленькій сынъ Гассанъ удерживаютъ его; — онъ не слушаетъ, обнажаетъ саблю и кидается на Омаръ-Сада, котораго толпа несправедливо называетъ Назиромъ. Раздается анахроническій выстрѣлъ изъ ружья, хотя тогда не знали пороха, и племянникъ падаетъ мертвый. Гуссейнъ перекидываетъ его чрезъ сѣдло, и привозитъ къ неутѣшнымъ женамъ своимъ, которыя, позабывъ, что онѣ переодѣтые мужчины, ревутъ какъ быки — и всеобщее хныканье съ кровель и съ партера отвѣчаетъ ихъ жалобамъ: люди всегда трогаются тѣмъ, чего не понимаютъ. Замѣчательно, что всѣ дѣйствующія лица говорятъ на расѣянъ. Грекамъ, вѣроятно, съ Востока достались рапсоды, да и самый Италіянскій речитативъ есть подражаніе Арабскому манеру читать стихи. Наконецъ Гуссейнъ, хотя по сказкамъ и убилъ 1950 человѣкъ своею рукою, изнемогаетъ. Богъ знаетъ почему, ему приходитъ фантазія поить грудного сына своего водою; взявъ его на руки, онъ скачетъ (рысью) къ фонтану; но варвары, вмѣсто воды, даютъ малюткѣ смертный ударъ. Новыя жалобы и новыя слезы у зрителей. Въ это время привязжаетъ гонецъ съ письмомъ изъ Медины, отъ

Гуссейновой дочери, которая спрашиваетъ, все ли онъ въ добромъ здоровьѣ. Вмѣсто отвѣта, Гуссейнъ указываетъ на убитаго сына, и плачетъ вмѣстѣ съ присланнымъ. Вдругъ толпа разступается: входитъ полдюжины голыхъ мальчиковъ, съ вычерненными рожами и съ пѣгими тѣлами: это духи (diable, si je m'en doutais! —) Джинни, которые очень учтиво предлагаютъ ему свои услуги. Гуссейнъ однако же не такой человѣкъ, чтобы сдружиться съ чертями очень двусмысленнаго поведенія: онъ отказывается отъ такого союза, говоря, что ему довольно своей сабли. Гуссейнъ немножко похвастался, потому, что чрезъ минуту выстрѣлъ сшибаетъ его съ лошади, и можете представить, какой эффектъ производитъ это во всѣхъ, съ верху до низу, и вкось и вдоль! Все плачетъ на взрыдъ . . . и я полагаю, что сердце мое было ожесточеннѣе сердца тигровъ потому, что глаза были сухи, между тѣмъ какъ сафьянный барсъ прибѣжалъ изъ пещеры, то есть изъ погреба, плакать надъ гробомъ Гуссейна. Онъ вытиралъ себѣ глаза; посыпалъ тѣло убитаго саманомъ* вмѣсто пепла, и пер-

* Саманъ есть крошеная солома. Она, вмѣстѣ съ лучкомъ, составляетъ обыкновенную пищу Азіят-

тѣлъ хвостомъ очень мило. Между тѣмъ взошло солнце, и два ангела въ бѣлой одеждѣ и въ бараньихъ шапкахъ слѣзли по деревянной лѣстницѣ, поминать покойника. Назади у нихъ потряхивались крылья изъ павлиньихъ хвостовъ. — Не завиденъ же райскій штатъ у Магомета — подумалъ я. Наконецъ Омаръ, которому все это наскучило, кажется, не менѣе моего, подбѣжалъ ко гробу — выкинулъ чалму — погналъ взашей женъ Гуссейна*. Одна изъ нихъ убѣжала только — и пропала безъ вѣсти — счастливаго пути, сударыня! Представленіе кончилось тѣмъ, что всѣ знамена, гробницы, и проч. и проч. потащили съ торжествомъ обратно. Купакъ-яхши? (хорошо ли, другъ?) спросилъ меня съ самодовольнымъ лицемъ одинъ мулла. — Чокъ-яхши (чрезвычайно хорошо), отвѣчалъ я зѣвая.

---

* Въ прежніе годы роль Омара стоила почти всегда жизни актеру, и ему готовили лихаго коня, чтобы избѣгнуть народной ярости. Теперь платятъ дорого за безобразіе въ этомъ лицѣ, и отъ того мало охотниковъ признать себя всенародно уродомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Испытаніе 3

Замокъ Эйзенъ 131

Ночь на кораблѣ 167

Отрывки изъ разсказовъ о Сибири 191

Шахъ Гуссейнъ 233

343

TE D

IVER
), C
9430